Ф. М. Алиев

АНТИИРАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И БОРЬБА ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

БАКУ — 1975

АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ф. М. АЛИЕВ

АНТИИРАНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ И БОРЬБА ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Издательство „Элм"
Баку — 1975

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор акад. АН Азерб. ССР
А. С. Сумбатзаде

$А \frac{10604-000}{М-655-75} 16-75$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая половина XVIII в. в истории азербайджанского народа ознаменована важнейшими явлениями общественно-политического характера, значение которых для всей дальнейшей истории Азербайджана трудно переоценить.

История Азербайджана в этот период была тесно переплетена с событиями, происходившими в Закавказье, в Иране при Сефевидах, а позднее при Надир шахе Афшаре и в Османской Турции. В этот период в связи с глубоким упадком Сефевидского государства, в пределы которого входила территория Азербайджана, с наибольшей остротой проявилось вековое ирано-турецкое соперничество в борьбе за обладание закавказскими землями. Войны, которые вели в Закавказье иранские и турецкие феодалы, тяжело отражались на хозяйственной жизни народов, разоряли и опустошали города и области.

Важным фактором, влияющим на ход развития истории того времени, была политическая и экономическая заинтересованность России в Закавказье, в частности в Азербайджане. Как справедливо отмечает А. В. Фадеев, «Кавказ всегда играл существенную роль во внешних сношениях русского государства»[1]. Позиция России в первой половине XVIII в. диктовалась, главным образом, стремлением к обеспечению экономических интересов прогрессивно развивавшегося русского государства, в частности, к всемерному развитию волжско-каспийского торгового пути.

Активизация политики России в начале 20-х годов, появление ее войск в прикаспийских областях было продиктовано прежде всего желанием не допустить агрессивную в то время Турцию к захвату прикаспийских областей, составляющих владения переживавшего кризис Сефевидского государства. Заинтересованность России в Закавказье в зна-

---

[1] А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960, стр. 11.

чительной мере питалась усилением в XVIII в. среди азербайджанцев, армян и грузин российской ориентации.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что вся история Азербайджана в первой половине XVIII в. прежде всего проходила под знаком борьбы против завоевательной политики турецких и иранских феодалов.

На протяжении почти всей первой половины XVIII в. экономические цели и политические интересы народных масс и некоторых слоев феодальной знати Азербайджана, слившись в одно русло, образовали общий фронт борьбы прежде всего против иранского господства и турецкой интервенции.

Этим и было обусловлено возникновение в Закавказье, в том числе в Азербайджане и Южном Дагестане, мощного антииранского движения и борьбы против турецкой оккупации в 20—40-е годы XVIII столетия.

Несмотря на очевидную важность изучения особенностей, хода развития и результатов всей этой борьбы, последняя не была предметом специального исследования в советской историографии. Однако целый ряд вопросов, имеющих отношение к указанной проблеме, как и некоторые ее аспекты, освещались в отдельных работах. Это позволило автору настоящей монографии в своей работе опереться на положительные результаты исследований своих предшественников, внеся в то же время коррективы и дополнения к высказывавшимся ранее положениям и оценкам конкретных исторических событий.

При изучении истории этих событий, их периодизации, характера, направленности и движущих сил автор руководствовался марксистско-ленинским учением. Оно явилось путеводителем при анализе многочисленных исторических документов и записей путешественников более чем двухсотлетней давности, которые легли в основу предлагаемой работы.

Автором использованы богатейшие рукописные материалы Архива внешней политики России, Центрального Государственного архива древних актов, Центрального Государственного военно-исторического архива, Государственного архива Астраханской области, Центрального Государственного военно-морского архива. Большое количество фактического материала, относящегося к различным вопросам истории Азербайджана первой половины XVIII в., использовано из научного архива Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР и из научного архива Института истории Академии наук Азербайджанской ССР.

В указанных архивах собраны материалы самого разнообразного характера. Здесь имеются официальная переписка русских чиновников и дипломатов-послов, консулов и пр., ездивших в Азербайджан или проезжавших через его территорию в Иран и обратно, письма иранских, турецких и местных правителей, коллективные обращения местных жителей, в частности населения азербайджанских городов, к русскому правительству об оказании им политической и экономической помощи и др.

Архивные материалы, относящиеся к истории Азербайджана первых двух десятилетий XVIII в., в основном хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов. Среди ценнейших материалов этого архива для нашей темы представляют большой интерес документы, сосредоточенные во II отделении кабинета Петра I. Среди них собственноручные письма Петра I к российским военным чинам, находившимся вместе с русскими войсками в прикаспийских провинциях Азербайджана, донесения в центр русских чиновников из Азербайджана, содержащие достоверные и объективные оценки положения на местах.

Из архивных документов по истории народно-освободительного движения и положения народных масс в изучаемый период по богатству фактического материала не имеют равных журнал русского посланника А. П. Волынского[2], донесения русских резидентов в Иранском государстве, особенно, И. П. Калушкина и В. Н. Братищева, которые главным образом хранятся в Центральном Государственном архиве древних актов, Архиве внешней политики России и Государственном архиве Астраханской области. Большую ценность представляют находящиеся там письма гянджинских, дербентских, муганских, карабахских жителей, свидетельствующие о растущей русской ориентации местного населения.

Говоря об этих архивных материалах, следует обратить внимание на то, что Азербайджан продолжительное время находился в составе Сефевидского государства — Персии, и поэтому в официальных документах азербайджанцев часто называли «персами» либо «кизилбашами». В других документах азербайджанцев именовали «татарами», а саму страну — Персией. Это в свое время было отмечено профессором Е. И. Зевакиным[3].

Основные источники по истории Азербайджана первой половины XVIII в. обстоятельно и критично рассмотрены в

---

[2] Журнал (собственноручно отысканный в бумажках после графа Остермана) подполковника Артемия Волынского, бытности его у персидского шаха Хусейна в посланниках. Тут же: А) Журнал на персидскую карту с кратким описанием провинции и мест, Б) описание городов персидских, В) о состоянии персидского государства и о доходах, Г) перечень журнала его, 1715 июль—1718 июль. ЦГАДА, ф. СРП, оп. 77, д. 2.

[3] Е. С. Зевакин. Очерки по истории Азербайджана и Ирана в XVI—XVII в. Науч. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР (в дальнейшем НАИИ), инв. 152.

трудах советских ученых — И. П. Петрушевского, Г. Б. Абдуллаева, В. Н. Левиатова, М. Р. Аруновой, К. З. Ашрафян, А. А. Абдурахманова и А. П. Новосельцева. Поэтому во избежание повторения на этих источниках останавливаться не будем. Мы здесь выделили лишь источники, непосредственно затрагивающие вопросы положения местного населения, особенно вопросы освободительного движения в Азербайджане первой половины XVIII в.

Наиболее ранние сведения о внутреннем состоянии Азербайджана, об отношении местных жителей к иранскому господству, о тяжелой доле народных масс в первой половине XVIII в. имеются в работе голландского путешественника и художника Корнелия де Брюина, посетившего Азербайджан в 1703 и 1707 гг.[4]

Весьма богатый фактический материал об Азербайджане в первом десятилетии XVIII в. содержится в журнале посланика Петра I в Иран Артемия Петровича Волынского. Последний был официальным дипломатическим лицом, представителем Русского государства, однако по секретному поручению императора, он по пути в Иран надолго задержался в Азербайджане, пополняя свой дневник разносторонними данными о стране. Поэтому ничуть не умаляя значение дипломатической миссии А. П. Волынского, его дневник можно квалифицировать как труд путешественника, свидетеля описываемых им событий начала XVIII в. Во время пребывания в Азербайджане А. П. Волынский составил обстоятельное описание политического и экономического состояния страны, содержащее весьма ценные и достоверные сведения о состоянии Иранского государства в общем, Азербайджана в частности. Отдельные выдержки из этого журнала касательно Азербайджана опубликованы Е. Зевакиным в 1929 г.[5]

Ценные сообщения по интересующей нас теме имеются в «Журнале» участника миссии А. П. Волынского дворянина А. И. Лопухина. Проезжая через Азербайджан на обратном пути в Россию, А. И. Лопухин собрал весьма любопытные сведения о состоянии населения и местности. Обращают на себя внимание сообщения А. И. Лопухина относительно Гаджи Давуда, одного из предводителей антииранского движения в Ширване и Южном Дагестане в 20-е годы XVIII в., а также о воинственном настроении местного населения и о нежелании его быть в подданстве иранского шаха. В

[4] Корнелий де Брюин. Извлечения из путешествия Корнелия де Брюина (перевод с франц. яз. Абезгуза). НАИИ АН Азерб. ССР, инв. 480.

[5] Е. И. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. «Изв. Об-ва обслед. и изуч. Азербайджана», № 8, вып. IV, Баку, 1929.

1958 г. «Журнал» А. И. Лопухина опубликован Дагестанским филиалом АН СССР[6].

Весьма любопытные сообщения о вооруженных антииранских выступлениях в Ширване и Южном Дагестане в промежутке между 1719—1721 гг. имеются в донесениях другого посланника Русского государства в Иран, а оттуда в Бухару и Хиву — Ф. Н. Беневени. Написанные им в эти годы письма из Шемахи, Тегерана и Исфагана о «бунтах» в Ширване опубликованы русским историком А. Н. Поповым в 1853 г. в виде приложения к труду об отношениях России с Хивинским и Бухарским ханствами в первой четверти XVIII в.

Не менее важное значение для нашей темы имеют сочинения Федора Ивановича Соймонова, который будучи лейтенантом русской армии в 1719 г. был послан вместе с капитан-лейтенантом К. Фон-Верденом и лейтенантом флота Урусовым для обследования берегов и гаваней Каспийского моря. В 1721—1727 гг. Ф. И. Соймонов принимал непосредственное участие в исследовании западного и южного побережий Каспийского моря. Ф. И. Соймонов составил ценное сочинение по описанию Каспийского моря и его западных и южных берегов, заключающее в себе богатый материал как по истории русской восточной политики в 20-х годах XVIII в., так и по истории изучения Каспийского моря. В нем также много сведений, отражающих хозяйственную жизнь прикаспийских областей Азербайджана, положение и занятия местного населения.

Большой фактический материал содержится в труде Джона Белла, находившегося в качестве врача при посольстве А. П. Волынского в Иран (1716—1718 гг.). В 1722 г. Дж. Белл в этой же должности принимал участие в походе Петра I в прикаспийские провинции. Сведения Джона Белла могут служить существенным дополнением к «Журналам» А. П. Волынского и А. И. Лопухина. Сочинение Дж. Белла в 1776 г. было переведено на русский язык и издано в Санкт-Петербурге[7].

Немало ценных сведений о состоянии Азербайджана в первой четверти XVIII в. находим в сочинении офицера российской армии, участника так называемого «персидского похода» Петра I И. Г. Гербера. Последний командовал артиллерией при взятии Баку русскими войсками в 1723 г., состоял членом комиссии по установлению русско-турецкой границы в прикаспийской области по Стамбульскому дого-

[6] История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. (архивные материалы). Под. ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева, М., 1958.

[7] Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Пер. с франц. яз. М. Попов, СПб., 1776.

вору 1724 г. Затем, направившись в Дагестан, И. Г. Гербер оставался там до 1729 г. Видимо, тогда же им было написано сочинение о прикаспийском крае, опубликованное в 1760 г. в журнале «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие»[8]. В своем труде И. Г. Гербер, наряду со сведениями социально-экономического характера, приводит очень ценные данные о вооруженных выступлениях против иранского господства в Азербайджане и Южном Дагестане в 20-х годах XVIII в.

Ряд ценных указаний относительно социального состава повстанцев, а также положения народных масс находим в сочинении И. Г. Гербера—«Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря», находящемся в фонде Ермоловых в Центральном Государственном Архиве древних актов. В 1958 г. это сочинение было опубликовано Дагестанским филиалом Академии наук СССР[9].

Одним из важных первоисточников по истории Азербайджана второй четверти XVIII в. является сочинение И. Я. Лерха, приглашенного на службу в качестве военврача в прикаспийские области Азербайджана и Гиляна, где в то время находились русские войска.

И. Я. Лерх посетил Азербайджан дважды. Первый раз он находился в Азербайджане с 1732 г. по 1735 г., вторично—в 1744—1748 гг., сопровождая русское посольство князя М. М. Голицына в Иран. На протяжении всего путешествия И. Я. Лерх вел подробные дневники, которые были опубликованы после его смерти. Мы пользовались переводом сочинений И. Я. Лерха, сделанным Абезгузом[10]. Сведения И. Я. Лерха о событиях, происходивших в Азербайджане на рубеже первой половины XVIII в., основаны на богатом фактическом материале.

Немало сведений по истории Азербайджана 30—40-х годов XVIII в. имеется в сочинении Дж. Спильмана, посетившего Азербайджан в 1739 г.[11].

[8] И. Г. Гербер. Известия о находящихся в западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», СПб., 1760.

[9] История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958.

[10] И. Я. Лерх. Сведения о первом путешествии в Персию, совершенном в 1732—1735 гг. импер. росс. колл. советником доктором И. Я. Лерхом, пер. Абезгуза. НАИИ, инв. № 176; его же. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745—1747 гг. Там же, инв. № 489.

[11] Дж. Спильман. Путешествие через Россию в Персию двух английских джентльменов, которые отправились в 1739 году, имея целью изучения того, каким образом может вестись к Астрахани по Каспийскому морю торговля Великобритании. Лондон, 1742. Пер. с англ. яз. Абезгуза. НАИИ, инв. № 483.

Для нашей темы определенный интерес представляют также данные французских миссионеров, побывавших в Азербайджане, особенно в период правления шаха Султана Гусейна. Выдержки из записей французских миссионеров в переводе на русский язык, относящиеся к истории Азербайджана и проливающие свет, в частности, на налоговую политику шаха Ирана, состояние местного населения, хранятся в научном архиве Института истории Академии наук Азербайджанской ССР[12].

В работе использовано сочинение Джона Ханвея[13], путешественника и коммерсанта, представителя английского торгового общества «Русская компания», стремившегося к завязыванию торговых отношений с Ираном через Россию. В 40-х годах Джон Ханвей дважды посетил Азербайджан. Здесь он собрал много ценных сведений о стране и ее городах, о природных богатствах, о положении народных масс. Для нашей работы представляют определенный интерес его сообщения о вооруженных восстаниях местных жителей против иранского и турецкого господства. Некоторые данные Джона Ханвея нуждаются в дополнении и исправлении, на что мы обратили особое внимание в процессе работы.

Нами использованы также сочинения средневековых русских и западноевропейских авторов.

Персоязычные источники по истории Азербайджана первой половины XVIII в., как и всего Сефевидского государства, в пределы которого он входил, сравнительно скудны.

Одним из достоверных источников сведений о внутреннем состоянии Сефевидского государства и азербайджанских беглярбекств в первой четверти XVIII в. является анонимная «Памятная записка для царей» («Тазкират ал-мулук»)[14]. Этот источник составлен на основании официальных иранских документов и дает цельное представление о государственном строе Сефевидского государства.

О политических событиях в 20—30-е годы XVIII столетия рассказывается в сочинении персидского ученого, зоолога и путешественника Мухаммеда Али Хазина[15]. Бежав в 1722 г. из осажденной афганцами иранской столицы Исфагана, он в течение десяти лет странствовал по различным городам Ирана, Курдистана, Азербайджана. В своем труде, задуман-

[12] Выдержки из записей французских миссионеров Маза, Башуда, Флорио и др. Пер. Абезгуза, НАИИ, инв. № 471.

[13] J. Hanway. An historical account of the British trade over the Caspian sea... London, 1762 (в дальнейшем Дж. Ханвей).

[14] Tadhkirat al-muluk, a manual of Safavid administration. Persian text. Trans. and explained by V. Munorsky. Cambrige, 1943.

[15] The life of sheikh Mohammed Ali Hazin. Written by himself edited from two persian manuscripts and hoted with their warioсts preadings by, F. C. Belpour. London, 1881 (в дальнейшем Шейх Мухаммед Али Хазин).

ном как автобиографическое сочинение, он рисует яркую картину хозяйственного упадка страны и тяжелого положения народа в годы афганского завоевания и турецкой оккупации Ирана. Особенно интересны сообщаемые им сведения о борьбе народа против чужеземных завоевателей.

Наиболее объемистым трудом по истории иранского государства первой половины XVIII в. периода правления Надир шаха Афшара является сочинение Мухаммеда Казима «Наме-йи алам ара-йи Надири»[16], представляющее трехтомную рукопись. Большое научное и историческое значение этого труда отмечалось видными востоковедами В. В. Бартольдом[17], И. П. Петрушевским[18]. Специальные статьи сочинению Мухаммеда Казима посвятил ленинградский ученый Н. Д. Миклухо-Маклай[19].

Для нас особо важное значение имеют сообщения Мухаммеда Казима о развернувшемся в Ширване в 1743 г. народном движении, во главе которого стояли самозванцы. Мухаммед Казим — единственный хронист, дающий конкретные сведения об участии первых двух самозванцев, действовавших под именем Сам-мирзы. Называя «чернью» вооруженную толпу, поддерживавшую самозванцев, Мухаммед Казим, сам того не сознавая, намекает на социальный состав участников народного движения 40-х годов XVIII в.

Другим крупным персоязычным источником по истории первой половины XVIII в. является труд Мирзы Мехти хана Астрабади «Тарихе Надири». Это сочинение выдержало несколько литографических изданий и переведено на английский и французский языки. Мы пользовались изданием, опубликованным на языке оригинала в 1868 г. в Тебризе[20], и английским переводом, сделанным Вильямом Джонсоном[21]. Мирза Мехти хан Астрабади как придворный историограф не выражает своего сочувствия бедствиям народа в период правления своего высокопоставленного патрона Надир шаха. Но он не может не упоминать о волне недовольства политикой шаха, хотя выступления народа он называет «бунтом», «мятежом воров», «разбойников» и «черни». В некоторых местах Мирза Мехти хан, также как Мухаммед Казим, умышленно умалчивает о неудачах Надир шаха на территории Азербайджана и Дагестана или явно искажает историческую действительность.

Не менее важное значение для нашей темы имеют армянские источники, особенно те, в которых рассказывается о положении народных масс, размахе вооруженного восстания, сопротивлении местного населения иноземным завоевателям. Среди них особое место занимает сочинение католикоса гандзасарского (карабахского) Есай Хасана Джалаляна «Краткая история страны Агванской». В этой работе в основном отражены события, происходившие в Ширване и Карабахе в первой четверти XVIII в. В отличие от многих современников, он подробно описывает налоговую политику шаха Султан Гусейна и ее последствия в Северном Азербайджане. Заслуживают внимания сообщения автора об антиранском движении в Ширване и Южном Дагестане в начале 20-х годов XVIII в. Мы пользовались переводом этого труда на русский язык Т. И. Тер-Григорьяна[22].

События последующих лет не менее красочно описаны в другом армянском источнике «История о случившихся с ним событиях и о Надир шахе персидском». Автором этого сочинения является каталикос Эчмиадзина Абраам Кретаци, которого Надир шах в 1736 г. лично пригласил участвовать в Курултае, созванном в Муганской степи, где Надир был провозглашен шахом Ирана. Абраам Кретаци, направившись из Еревана в Муганскую степь, повсюду наблюдал голод и страшную дороговизну, разорение и упадок производительных сил, вызванные турецкой оккупацией, войной между Ираном и Турцией и походом Надир шаха в Азербайджан и восточную Армению.

Некоторые вопросы истории Азербайджана первой половины XVIII в. нашли свое отражение в трудах азербайджанских историков XIX в. Среди них видное место занимает сочинение А. А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам»[23]. Немало интересных данных имеется в сочинениях Керима Ага Фатеха и Гаджи Сеида Абдул Гамида[24].

В работе привлечены также труды русских дореволюционных историков — П. Г. Буткова, С. М. Соловьева, П. И. Мельгунова, А. Штылько и др.[25]. Их сочинения содержат

---

16 Мухаммед Казим. Наме-йи алем арайи Надири. М., 1966.

17 В. В. Бартольд. О некоторых восточных рукописях. «Известия Российской Академии наук», серия VI, т. XIII, 1919, стр. 927—930.

18 И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949, стр. 41—43.

19 Н. Д. Миклухо-Маклай. О первом томе труда Мухаммеда Казима. «Советское востоковедение», 1948, т. V; его же. Рукопись Алам-арайи Надири. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН Азерб. ССР», 1953, т. VI.

20 Мирза-Мехти Астрабади. Тарих-е Надири. Тебриз. 1268 г. х.

21 William Jons. The history the life of Nadir shah. king of Persia, vol, V. London, 1799.

22 Есай Хасан Джалалян. Краткая история страны Агванской. Пер. с древнеармян. яз. Т. И. Тер-Григорьяна. НАИИ, инв. № 2009.

23 А. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

24 Из истории Шекинского ханства. Баку, 1958.

25 П. Г. Бутков. «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.», ч. I, СПб., 1869; С. М. Соловьев. Петр Великий на Каспийском море. «Вестн. Европы», 1868, № 3; П. И. Мельгунов. Поход Петра Великого в Персию. «Русский Вестник», 1874, т. 110; А. Штылько. Волжско-Каспийское судоходство в старину. СПб., 1896; его же. Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1906.

интересный и весьма достоверный фактический материал, но не лишены тенденциозности.

Труды многих иранских историков содержат резко отрицательную оценку антииранских выступлений в Азербайджане и Южном Дагестане. Что касается экономического упадка страны и тяжелого положения народных масс, то авторы почти не затрагивают эти вопросы. Более того, в работе ряда современных историков Ирана содержится много хвалебных слов в адрес Надир шаха. Панегириком жестокому деспоту, разорившему Иран и соседствующие с ним страны, является, например, книга Нурулла Ларуди о жизни и деятельности Надира, названная автором «Жизнь Надир-шаха — сына меча». Не отстает в этом отношении и другой иранский историк Шафаг Реза-заде [26]. Однако, несмотря на субъективную оценку исторических событий иранскими историками, их сочинения содержат немало конкретных сведений об исторических судьбах народов в первой половине XVIII в.

Труды западноевропейских историков (Дж. Малькольма, Л. Локкарта, В. Минорского и др.) написаны в основном на материале иранских первоисточников и мемуаров путешественников. Поэтому в их исследованиях явно бросается в глаза однобокий подход к тому или иному явлению. Западноевропейские историки не видят социальных причин упадка Иранского государства, побуждающих народные массы к вооруженным восстаниям. Борьбу против иранского владычества они формально объясняют религиозными гонениями, борьбой шиитов и суннитов, а важнейшие явления социально-экономического характера — второстепенными, поверхностными причинами.

В отдельных случаях можно отметить также и неточности и неполноту приводимого фактологического материала. Так, В. Минорский в специальной работе «История Тебриза», касаясь истории города первой половины XVIII в., совершенно не упоминает о захвате города Тебриза турецкими войсками в 1725 г. и о сопротивлении народных масс иноземным захватчиком.

Из современной турецкой историографической литературы, имеющей определенное отношение к нашей теме, следует выделить работу Исмаила Хакки Узунджаршили под названием «История османов» [27]. Касаясь вопросов турецкого завоевания в Азербайджане, автор всячески стремится оправдать захватнический характер этой войны. Наивным является объяснение Исмаила Хакки причин ирано-турецкой войны на территории Азербайджана в 20—30-е годы XVIII в. Он пишет, что Турция ввела свои войска на территорию Иранского государства, дабы Ереван, Гянджа, Тифлис, Тебриз и другие города не стали добычей афганцев. Уже на следующих страницах автор противоречит самому себе, говоря, что после падения Исфагана турецкое правительство решило отомстить Ирану за прошлые поражения. Нет надобности доказывать, что это не могло служить основной причиной турецкой интервенции. Касаясь захвата Тебриза турецкими войсками, автор категорически отрицает факт мужественного сопротивления населения Тебриза противнику. Сражение, которое произошло у Тебриза, автор рассматривает как битву между иранскими и турецкими войсками. Такую же позицию занимает и другой турецкий историк Исмаил Хакки Данишменд [28].

Для нашей работы определенный интерес представляют высказывания турецких историков о действиях самозванца Сефи-мирзы, чье имя непосредственно связано с антииранским движением в Азербайджане и Южном Дагестане в изучаемый период.

Кстати, отметим, что в упомянутом труде Исмаила Хакки, как и в трудах ряда других исследователей, ни одним словом не упоминается о лжепринце Сам-мирзе (втором). Характеризуя личность другого самозванца Сефи-мирзы, выдававшего себя за наследника иранского престола, Исмаил Хакки пишет, что он был лжепринцем, который, найдя убежище в Турции, предложил свои услуги султану. Последний впоследствии использовал его в своих целях для осуществления завоевания Закавказья, в частности Азербайджана.

Вопросы истории Азербайджана первой половины XVIII в. разрабатывались и советскими исследователями. Большой вклад в изучение многих важных аспектов истории Азербайджана внес один из крупных советских востоковедов доктор исторических наук, профессор И. П. Петрушевский. В своих многочисленных трудах, в частности в «Очерках по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XIV — начале XIX вв.», И. П. Петрушевский на основе глубокого анализа документальных, нарративных и других источников исследовал ряд кардинальных проблем социально-экономического развития Азербайджана. В частности, обстоятельно исследуется И. П. Петрушевским история Азербайджана конца XVII — первой половины XVIII в., вскрываются социальные корни экономического упадка и

---

26 Шафаг Реза-заде. Надир шах аз назар-е хавершинасан. Тегеран, 1941.

27 Ismail Hakki Uzuncarşili. Osmanli tarihi, IV cilt, I kisim. Ankara, 1956.

28 Ismail Hami Danişmand. Isahli osmali tarihi kronolojisi, IV cilt. Istanbul, 1956, səh. 95.

политической децентрализации Сефевидского государства. Большое внимание И. П. Петрушевский уделяет эволюции феодальной собственности и крестьянского землевладения, формам феодальной эксплуатации [29].

Исследуя различные вопросы истории Азербайджана первой половины XVIII в., нельзя не отметить заслуг доктора исторических наук, профессора Гаси Абдуллаева. Много важных выводов и положений содержится в его капитальном труде «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией»[30]. Свою работу автор строит, в основном, на базе архивных материалов, привлекая также и другие источники. Наряду с вопросами социально-экономического характера, Гаси Абдуллаев большое внимание уделяет политической истории Азербайджана XVIII в. Для нашей темы особый интерес представляет данная им поправка хронологии освободительного движения в Азербайджане в первой половине XVIII в. [31]

Отдельные аспекты освободительной борьбы против иранских и турецких завоевателей нашли свое отражение в работах В. Н. Левиатова, А. Абдурахманова, В. П. Лысцова, П. Т. Арутюняна и др.

Ряд вопросов, связанных с освободительным движением в Азербайджане во второй четверти XVIII в., затрагивается в «Истории Азербайджана» (I том)[32].

Большое значение для нашей темы имеет исследование московских ученых М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян, которые в своей монографии[33] в разделе «Народно-освободительное движение народов Кавказа и Средней Азии» сказали новое слово о ширванском восстании 40 годов XVIII в.

О некоторых сторонах освободительного движения говорится также в кандидатской диссертации А. Тамая, в работах М. Х. Шарифли [34], Н. Д. Миклухо-Маклая [35], Р. М. Магометова[36], А. П. Новосельцева [37] и трудах В. Г. Гаджиева [38] и О. П. Марковой [39].

Однако следует отметить, что ни в одной из названных работ проблема освободительного движения в Азербайджане в первой половине XVIII в. не была предметом специального исследования.

Нет необходимости доказывать научную значимость подобного исследования бурных событий политической истории и социально-экономического развития первой половины XVIII в., приведших к образованию на территории Азербайджана независимых ханств, сыгравших большую роль в истории страны и народа.

Автор считает своим приятным долгом принести благодарность акад. АН Азерб. ССР А. С. Сумбатзаде за ценные советы по ряду важных узловых вопросов в процессе подготовки данной монографии к печати.

---

29 И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в. См. Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, А. В. Строева, Л. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

30 Гаси Абдуллаев. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

31 Там же, стр. 53—184.

32 «История Азербайджана», т. I. Баку, 1958, стр. 327.

33 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Государство Надир шаха Афшара. М., 1958.

34 М. Х. Шарифли. Из истории города Шемахи. «Изв. АзФАН СССР», 1944, № 8.

35 Н. Д. Миклухо-Маклай. Из истории афганского владычества в Иране. «Уч. зап. ЛГУ», 1954, № 179.

36 Р. М. Магометов. Битва близ Чоха. Махачкала, 1961.

37 А. П. Новосельцев. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. «Исторические записки», 1960, № 67, стр. 234—235; его же: Освободительная борьба народов Закавказья в XVIII в. «Вопросы истории», 1972, № 5.

38 В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана, М., 1965.

39 О. П. Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в., М., 1966.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Общее состояние Азербайджана на рубеже XVII—начала XVIII в. характеризовалось глубоким политическим и экономическим упадком, переживаемым Сефевидским государством, в состав которого входили целые страны, в том числе и вся территория Азербайджана.

Жестокая феодальная эксплуатация широких масс привела к возникновению в Азербайджане и Южном Дагестане сильного антииранского движения в первой половине XVIII в.

В самом начале изучаемого периода народное негодование в Азербайджане выражалось главным образом в пассивной форме сопротивления. Посетивший Ширван в начале XVIII в. иезуит Иоан Баптист Ламан в письме отцу Эмиаииелу, миссионеру в Москве, от 1 сентября 1702 г. писал: «...крестьяне до такой степени угнетены, что все почти подумывают уходить из города (?) (сел. — *Ф. А.*), и если бы у них было в виду какое-нибудь безопасное убежище, то решительно ни один бы не остался»[1]. В источниках также имеются сведения о массовом бегстве крестьян в отдаленные места. Имеются сведения о действиях разбойничьих отрядов в северо-восточном Азербайджане, совершавших нападения на отдельные феодальные поместья и купеческие караваны[2].

В 1709 г. произошло восстание горожан в Тебризе, которое повторилось в 1711 г. Католический миссионер Жозеф Мари в 1711 г. доносил, что в Тебризе «была междоусобная борьба среди горожан, 3000 из которых восстали в то время в городе и напали на дворец губернатора...»[3].

[1] Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904, стр. 106.

[2] Путешествия Корнелия де Бруина через Московию. См. «Чтение в импер. об-ве истории и древностей российских при Московском университете», кн. III, 1872, стр. 209.

[3] А. П. Новосельцев. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и восточной Армении в XVII—XVIII вв. «Исторические записки», 1960, № 67, стр. 247.

Самое крупное восстание против шахского Ирана началось в Джаро-Белоканском районе.

«Одно из первых крупных антииранских восстаний, — пишет дагестанский историк Р. М. Магомедов, — произошло в 1707 году в Джаро-Белоканских вольных обществах. К ним присоединились цахурцы. Выступление это вызвало в Иране большую тревогу. Для борьбы с повстанцами шах направил своего наместника в Кахетии Имам-Кули-хана. При подавлении восстания было сожжено селение Джар»[4]. Позже в 1709 г. произошло еще одно антииранское выступление в Азербайджане, на этот раз в Ширване.

Отправленный в Иран в качестве посланника известный деятель армянского освободительного движения И. Ори, будучи в Шемахе 20 сентября 1709 г., писал князю П. М. Гагарину: «шемахинцы же пребывали еще в смятении с персианами и у них многие за несколько время деревни пожигали и пограбили»[5]. По сведениям того же автора, в том же 1709 г. произошло вооруженное столкновение между войсками ширванского беглярбеги и повстанческими отрядами, возглавляемым неким Лютфали-беком. В результате повстанцы потерпели поражение. Предводитель восстания, оставив на поле битвы много убитых и раненых, удалился на юг[6].

«В 1710 году,—пишет Р. М. Магомедов,—пришли в движение кайтагцы. К восставшим примкнул кайтагский уцмий Ахмед-хан.

В 1711 году снова поднялись джарцы. Они совершили нападение на резиденцию беглярбека — Шемаху. К ним присоединились доведенные до отчаяния крестьяне Шеки и Ширвана. Заодно с джарцами действовали цахурцы, и Али-Султан повел им на помощь свою дружину»[7].

По справедливому мнению историка В. Н. Левиатова, «Собственно джарцы восстали не из-за тяжести налогов. Они вовсе не платили налогов в шахскую казну, наоборот, издавна сами получали от шахов денежные средства, отпускавшиеся им за их якобы сторожевую службу на окраине государства, а точнее просто за то, чтобы они не совершали набеги на подвластные Ирану провинции и находились бы в подданстве у шаха. Однако, как сообщает один из путешественников, в последние годы, благодаря неурядицам в Ира-

[4] Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала. 1961, стр. 182.

[5] Письмо Ория из Шемахи к князю П. М. Гагарину о бывшем в Шемахе возмущении и о приготовлениях его Ория возвратиться весною через Астрахань. См. Г. А. Эзов. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб, 1898, стр. 250.

[6] Там же.

[7] Р. М. Магомедов. Ук. раб., стр. 182.

не и злоупотреблениям ширванских беглярбеков, джарцам полагающегося им жалованья не платили. Это и привело к тому, что в 1711 году джарцы вошли в Ширван»[8].

Чтобы обуздать вооруженную толпу, шахское правительство приказало своим представителям на местах мобилизовать регулярную армию против восставших. Однако мало кто откликнулся на призыв шаха. По этому поводу современник Есай Хасан Джалалян писал: «Сколько ни приказывал шах находящимся в Шемахе и Гяндже и их районах персидским войскам выступать против них, однако находившиеся в этих городах ханы как ни старались никак не смогли противостоять им, и сами терпели поражения»[9].

Первым попытался разбить отряды восставших беглярбеги Ширвана Гасан Али хан, который при вести о приближении вооруженной толпы вышел им навстречу с пятнадцатитысячным войском[10]. Во время столкновения, происшедшего в Шекинском магале, войска беглярбеги потерпели полное поражение. На поле битвы пал сам ширванский беглярбеги Гасан Али хан[11]. По сообщению современника, против восставших выступил Угурли хан Гянджинский, которого тоже постигла неудача. Во время столкновения у Шамхора войска Угурли хана потерпели поражение, он вынужден был обратиться в бегство и укрыться в Гянджинской крепости[12]. Затем ряд попыток приостановить восставших сделал шекинский правитель Кичик хан. Но его попытки также оказались безуспешными. Сам хан пал на поле битвы[13]. В тяжелые и тревожные для Сефевидского государства дни шах Султан Гусейн отправил к русскому двору в Петербург в 1713 г. своего посла Фазлулла бека с предложением о заключении «дружеского и торгового трактата».

Обращение иранского шаха совпало с активизацией политики Русского государства на Востоке, когда Петр I после неудачи в устье Дона и заключения невыгодного Прутского мира (1711 г.) сосредоточил свое внимание на Каспийском море[14], которое он намеревался превратить в свое «внутреннее озеро». Между тем, начавшееся вооруженное антисефевидское восстание в Азербайджане не способствовало установлению более тесного контакта с Русским государством и шахским двором.

Экономические интересы России и намечавшиеся политические контакты с Ираном стимулировали русское правительство к пристальному изучению естественно-географических условий восточного и западного побережий Каспийского моря; с этой целью дважды была отправлена в Среднюю Азию экспедиция под руководством Бековича-Черкасского.

Для подробного изучения провинций, расположенных на западном побережье Каспийского моря, Петр I отправил в Сефевидское государство своего приближенного А. П. Волынского в качестве посланника, дав ему при этом еще и секретную инструкцию, в которой поручалось тщательно изучить местность, караванные дороги для продвижения войск, узнать о состоянии армии и т. д.[15]

Маршрут А. П. Волынского следовал из Астрахани морем в Дербент (28 августа 1716)—Ниязабад (30 августа)—Шемаху (27 сентября—4 декабря)—Мугань (7 декабря)—Тебриз (27 декабря)—затем через иранские города до Исфагана. Посольство пробыло в Исфагане с 14 марта до 1 сентября 1717 г. Обратно А. П. Волынский возвращался следующим путем: Исфаган—Казвин—Решт—Кескер—Ленкорань—Мугань—Шемаха (там он оставался с 12 декабря 1717 г. до 16 июня 1718 г.)—Ниязабад—Астрахань. Во время пребывания в Сефевидском государстве А. П. Волынский составил обстоятельное описание, содержащее весьма ценные и достоверные сведения о политическом и экономическом состоянии Иранского государства в общем и Азербайджана в частности, и представил его императору Петру I.

А. П. Волынский пробыл в Шемахе сравнительно долго— около семи месяцев. Будучи в Шемахе, он узнал «...что лезгинцы разорили несколько деревень, которые в 20 и в 15 верстах от Шемахи, также бутто и сюда в город быть намерены, о которых сказывают, что оных с 8000»[16]. Власти на местах были настолько беспомощны, что ничего не могли предпринять против вооруженных выступлений. Гарнизоны, стоявшие в подвластных сефевидам городах, в лучшем случае ограничивались лишь обороной. По этому поводу у А. П. Волынского читаем: «...народ, имянуемой лезги (прежде бывшие подданные персидские, которые живут близ Кас-

---

[8] В. Н. Левиатов. Очерки истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948, стр. 66.

[9] Есай Хасан Джалалян. Краткая история страны Агванской. Пер. с древнеармянского языка. Т. И. Тер-Григорьяна. Научн. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР (НАИИ), инв. 2009.

[10] Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 35.

[11] А. А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 102; Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 35; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 67, 68.

[12] Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 35—36.

[13] Там же, стр. 35—36.

[14] Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958, стр. 65—66; В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I (1722—1723 гг.). М., 1961.

[15] В. И. Лебедев. Посольство Артемия Волынского в Персию. «Известия АН СССР», серия истории и философии, 1948, т. V, № 6.

[16] ЦГАДА, ф. СРП, оп. 77. (1715—1718), док. 2., л. 403.

пийского моря и города Дербента в горах, около горы, имянуемой Шах-дага), собрався, пришли в 8000, и не токмо деревни, но некоторой и городок, имянуемой Ак-таши разорили. И притом видя, [что] им от персиан принятия никакова нет, пришли они уже к Шемахе, около которого в пяти и в четырех милях разорили множество деревень и людей. И тако мы пять дней в таком были страхе, что ежедневно пришествия их в Шемаху ожидали, которой бы так как и протчие места конечно могли разорить ежели б пожелали»[17].

Антисефевидские настроения в это время имели место и среди кочевых племен, обитавших в Муганской степи. Про муганцев в «Журнале» А. П. Волынского написано следующее: «Управителя у себя имеют хана, которые присылаются к ним от шаха из знатных персиан, однако ж в прошлом 1717-м году они его не приняли и выбрали из своего народа управителя (которой по персидски называется калентарь); так же и в протчем во всем уже учинились указам шаховым противны и многие персидские партии разбили. И тако остались без всякого страха от персиан, понеже лутчие их владельцы собрались и кочуют между дву рек, Араса и Куры, где персианам достать их невозможно»[18].

Член посольства А. П. Волынского дворянин А. И. Лопухин был свидетелем того, как в Кубе представители местного населения открыто заявляли о своем неподчинении иранским властям. «И народ очень вольной,—писал он,—и своего государя не почитают и не слушают, хан у них определяется именем шаховым, толька народ тутошней приемлет такова себе за хана, которой имеет наследство по отце или по деде, которые тут ханами бывали, или кто причинен свойством их поколенню, тово и выберут себе на ханство, что и нынешней хан салтан Агмет по наследству от тутошних жителей выбран, которой еще молат, больши ему нет как 14 лет»[19]. Далее А. И. Лопухин сообщает, что в пути следования в Россию часто слышал от населения: «...мы шаха не боимся и сво не слушаем...»[20].

По боевому были настроены и тебризцы. Здесь организатором и движущей силой народного выступления была городская беднота, представителей которой высшие сословия называли «подлыми». Упомянутый посланник А. П. Волынский про тебризцев писал: «Народ здесь так волен, что еще

[17] Журнал посланника Волынского 1715—1718 год. См. Е. Зевакин. Азербайджан в начале XVIII века. «Изв. Об-ва обслед. и изуч. Азербайджана», № 8, вып. IV, Баку, 1929, стр. 15.

[18] Там же, стр. 13.

[19] А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, 1718, ЦГАДА, ф. 77. СРП, 1718, № 1, лл. 1—68; см. История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 7—8.

[20] Там же, стр. 24.

паче нежели в Шемахе, понеже большая часть ребелизантов ис подлых...»[21].

Хотя нет конкретных данных о всех вооруженных выступлениях народных масс в Азербайджане в это время, однако есть основание полагать, что народное недовольство и волнения были повсеместными. Не без оснований А. П. Волынский писал, что феодалы «...так озлобили народ своими поступками, что редкие остались места, где б не было ребелей»[22].

Вооруженное народное выступление, свержение иранских ставленников и назначение правителей из «своих» феодалов и т. д. говорят о том, что в указанный период иранское господство во многих местах Азербайджана было крайне непопулярно и в условиях усиления антисефевидских движений носило подчас номинальный характер. Хотя очевидцы, особенно А. П. Волынский и А. И. Лопухин, утверждают, что население выбирало себе правителя из местных знатных людей, однако следует полагать, что при неорганизованности народных масс, их аморфности феодалы захватывали в свои руки руководство с тем, чтобы «использовать движение широких масс угнетенных народов в своих целях, дабы, добившись независимости, самим стать у власти»[23]. Участие феодалов в этих движениях в значительной мере объясняется ущемлением их классовых интересов. Известно, что иранские власти по мере опустошения государственной казны оказывали сильное экономическое давление не только на трудящиеся массы, но и на местных феодалов. Это особенно чувствовалось на окраинах Сефевидского государства.

В процессе стихийного вооруженного выступления народных масс некоторые представители высшего сословия, не мирившиеся с иранским господством, всячески старались направить его против иноземных завоевателей.

Таким представителем высшего сословия является глава суннитского духовенства в северо-восточном Азербайджане, уроженец села Дедели Мушкурского магала Кубы Гаджи Давуд.

Многие историки как дореволюционного периода, так и современные, его появление на исторической арене связывают с событиями в Ширване в 1711—1712 гг. и даже приписывают ему захват Шемахи в 1712 г. Однако в записях очевидцев, касающихся истории Ширвана или Шемахи в указанный отрезок времени, пока не удалось обнаружить сведений о его деятельности.

[21] Журнал посланника Волынского 1715—1718 гг., стр. 17.

[22] ЦГАДА, ф. 77, СРП, ед. хр. 2 (1715—1718), л. 201.

[23] Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Л. М. Беленицкий. История Ирана с древних времен до конца 18 века. Л., 1958, стр. 309.

Наиболее ранние сведения о Гаджи Давуде сообщает А. И. Лопухин, который проезжал через его владения в 1718 г.[24]

Гаджи Давуд изображается в исторической литературе как действовавший, примерно, с 1711 г. «бунтовщик», «мятежник». Некоторые историки даже возглавленное им выступление оценивают как бунт или разбой «бандитских шаек» и т. д.[25]

По своему происхождению Гаджи Давуд не являлся ни сыном состоятельного духовного лица, ни наследственным феодалом. Судя по некоторым данным, он происходил скорее всего из среды народа. П. Бутков, использовавший при написании своей книги архивные переводы персидских писем, документов и т. д., не без основания пишет: что «Давуд подлого рода из Мушкура»[26]. И. Г. Гербер, современник Гаджи Давуда, касаясь этого вопроса, писал: «...хан из бунтовщиков Дауд-бек простой породы из Мушкур именем Дауд, или Давыд, только умом остер...»[27], отряд его первоначально состоял из «грубых бунтовых мужиков»[28]. Союзник Гаджи Давуда — Сурхай хан Казыкумыхский, о котором подробно речь пойдет ниже, также высказал мнение, что первый был «родом мужик простой»[29]. Разумеется, его происхождение в дальнейшем особого значения для политической деятельности не имело. Впоследствии Давуд совершил поломничество в Мекку[30], получил титул «гаджи» и стал одним из влиятельных духовных лиц в Южном Дагестане и северо-восточном Азербайджане. Очевидец событий А. И. Лопухин сообщает о возросшей популярности Гаджи Давуда, сделавшегося в пределах Мушкура самостоятельным правителем. Он пишет: «Поехали мы от Низовой пристани в путь свой в 1-м часу пополудни до Мензиля Дадили, до которого нам сказали 3 агача (мили), куда приехали в 5-м часу пополудни, начевали тут в деревне Хаджи Даудбека, о

---

[24] А. И. Лопухин. Журнал путешествия через Дагестан, 1718, ЦГАДА, ф. 77. Сношения России с Персией, 1718, № 1, л. 1. См История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв., М., 1958, стр. 6.

[25] А. Г. Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. I. СПб, 1896; Е. Н. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана, Баку, 1923; В. Сысоев. Начальный очерк истории Азербайджана. Баку, 1925; А. А. Абдурахманов. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку, 1964.

[26] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 2.

[27] И. Г. Гербер. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728, ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315, л. 1—88, с. л. История, география и этнография Дагестана, стр. 95.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 103.

[30] Там же, стр. 95.

котором нам сказывали, что человек чесной и знатной и сей деревни господин...»[31].

И вот в условиях, когда в различных уголках Сефевидского государства вспыхивали антииранские выступления и многие «владетели воспользовались этими волнениями, чтобы совершенно отложиться, а предприимчивым людям было открыто свободное поприще для приобретения новой власти, новых владений»[32], одним из таких «предприимчивых» людей оказался Гаджи Давуд, он начал распространять слух о том, что призван аллахом избавить суннитов от тирании шиитов[33], т. е. сефевидских шахов.

Узнав об антииранском настроении некоторых дагестанских феодалов, в частности Ахмед хана Кайтакского, Гаджи Давуд отправился в Дагестан, где они совместно разработали план «всеобщего восстания»[34]. Во время пребывания в Дагестане Гаджи Давуду удалось склонить на свою сторону и Сурхай хана Казыкумыхского, одного из влиятельных лиц в Дагестане, человека энергичного и сильного. Союзники поставили перед собой цель «организовать убийство и уничтожение в Нухинском, Ширванском и Кубинском уездах поставленных шахом... Гусейном (шах Султан Гусейн.—*Ф. А.*) ханов и их служащих»[35].

Наметив единый план борьбы против иранского господства, Гаджи Давуд вернулся обратно. Вскоре к нему присоединились большой отряд, присланный Ахмед ханом Кайтакским под предводительством Муртуза Али, и ополчения Сурхай хана Казыкумыхского.

Объединенные отряды совершали нападения на иранские гарнизоны, укрепленные пункты и т. д.

После возвращения А. П. Волынского в Россию в 1719 г., через территорию Азербайджана почти по его маршруту проезжал дипломатический курьер Российского государства Д. Петричис. В своем рапорте президенту коллегии иностранных дел Г. И. Головкину, касаясь внутреннего состояния Ширвана, он писал: «...около Шемахи многия учинился мятежи, грабежи и ребеля и для того опасаясь я чрез Шемаху поехать принужден назад возвратиться...»[36].

---

[31] А. И. Лопухин. Ук. раб., стр. 6.

[32] Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб, 1848, стр. 9; В. Г. Гаджиев. Ук. раб., стр. 102.

[33] ЦГАДА, ф. СРП, 1721 г., ед. хр. 55, л. 61; И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 95; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 7—8; А. Тамай. Восстание 1711—1722 гг. в Азербайджане. «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы». Дагестан. ФАН СССР, т. III, 1957, стр. 87.

[34] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 102.

[35] Г. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 63.

[36] ЦГАДА, ф. СРП, оп. 77, д. 6 (1719), л. 104 об.

Однако иранским властям к концу 1719 г. все же удалось подавить это вооруженное выступление и вновь восстановить власть иранской администрации. Гаджи Давуд, являвшийся одним из главных зачинщиков борьбы против иранского господства, был схвачен и посажен в тюрьму в Дербенте[37]. Союзники удалились. Сурхай хан сначала ретировался в горы, а затем, подкупленный иранским правительством, поступил на службу к шаху в качестве юзбаши[38].

Но это продолжалось недолго. Сефевидское государство, переживавшее, пожалуй, самый тяжелый в своей истории период, в начале 1720 г. стояло перед неминуемой гибелью. Воспользовавшись крайним ослаблением центральной власти, Гаджи Давуд выбрался из заключения и вновь стал во главе антииранского движения.

Первым из значительных городов, к которому подступили отряды повстанцев, был Шабран. Находившийся в городе малочисленный гарнизон иранских войск не смог оказать сопротивления численно превосходящим отрядам повстанцев, ворвавшихся в город, примерно, в июне 1720 г.[39] А. Бакиханов дату захвата Шабрана повстанческими отрядами относит к 1711 г. По его словам можно полагать, что после захвата повстанцами город был разорен до основания. Он пишет: «Развалины этого города на правом берегу реки Шабрана, которая, равно как и нынешний магал, получили от него свое название еще и по ныне свидетельствуют о минувшем величии и обширности его»[40].

Разумеется, если бы Шабран был разрушен до основания в 1711 г. то, естественно, повстанцы не совершали бы нападения на развалины города. Однако, как явствует из указа шаха Султан Гусейна от 1717 г., Шабран в то время был одним из главных торговых центров Ширвана, где для установления порядка сидел джанешин—наместник[41]. П. Бутков, касаясь даты захвата Шабрана, пишет, что в 1720 г. от бунтовщиков «...наиболее потерпело изрядное и великое местечко Шабран»[42]. Безусловно, разрушенный в 1711 г. до основания город за короткий срок и к тому же в разгар вооруженных выступлений не мог бы так быстро оправиться и стать крупным торговым узлом или «изрядным» и «великим», как об этом сообщает П. Бутков.

---

[37] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 4.
[38] А. Тамай. Ук. раб., стр. 85.
[39] Ф. Беневени. Донесение Ф. Беневени из Шемахи 1-го июля 1720 г. См. А. Н. Попов. Сношение России с Хивою и Бухарою при Петре Великом. «Записки императорского русского географического об-ва». кн. IX, СПб., 1853, стр. 352—353.
[40] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 102.
[41] Перевод с указом шаховых... (1717), АКАК, т. II, доп. к I т., стр. 1089.
[42] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 8 и 93.

По данным А. Бакиханова, вслед за Шабраном в 1711 г. «крепость Худат была взята, и Султан Ахмед со своими приближенными убит мятежниками»[43].

Однако результаты более глубокого исследования показывают, что А. Бакиханов и в этом случае допустил неточность. Для пояснения приводим выдержку из труда Гаси Абдуллаева, подвергнувшего всестороннему анализу материалы относительно разорения Худата и убийства Султан Ахмеда: «...осада и разгром крепости Худата и связанное с этим убийство самого Султана Ахмед-хана не состоялось в 1711 г. Возможно, что это произошло, но позднее, примерно, накануне похода Петра I в прикаспийские области в 1721 г. и не в Худате, а в Кубе»[44]. К тому же следует добавить, что Султан Ахмед не был убит повстанцами, а стал жертвой феодальной междоусобицы[45].

Во время захвата того или иного города повстанцы проявляли исключительную жестокость по отношению к так называемым «шиитам». Разумеется, шиитами были не только представители иранской администрации, личный состав иранского гарнизона, но также местное население, придерживающееся шиитского вероисповедования. Жестоко проявился этот религиозный фанатизм и во время взятия города Шабрана[46].

После этого события Гаджи Давуд и Сурхай хан отправились взять город Баку. Но бакинский юзбаши Дергах Кули бек в полуфарсах от города Баку на холме, с этого времени названном Ганлы-тепе (Кровавым холмом), одержал над ними победу. Не добившись успеха в Баку, Гаджи Давуд повел свои отряды на север, намереваясь захватить Кубу и Дербент с их прикаспийскими побережьями. Дербентом в то время правил бывший наиб города Имам Кули бек, так как султан дербентский, предвидя грядущее, «во время мятежа в Ширване в 1720 г. побег свой взял в Персию к шаху»[47].

Гаджи Давуду не удалось овладеть также хорошо укрепленной Дербентской крепостью. Неудачи в Баку и Дербенте убедили Гаджи Давуда, что для достижения своей цели необходимо иметь сильного союзника. В этой связи Гаджи Давуд решил обратиться за помощью к Российскому государству. В одном из писем Гаджи Давуда астраханскому

---

[43] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 102.
[44] Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 194.
[45] Там же, стр. 191.
[46] А. А. Бакиханов. Ук. соч., стр. 102.
[47] ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 315, л. 30; Л. Броссе. Примечание к ук. раб. П. Г. Буткова, стр. 9.

воеводе И. В. Кикину от 22 апреля 1721 г. говорилось: «Пресветлейшему и державнейшему великого государя подручному честнейшему и высокопочтенному и высокородному астраханскому боярину Ивану дружелюбия и доброго здоровья желаю. Преж сего нам от кызылбаш многие обиды были и покою нам от них не стало для того, что они сделали обиду чрез силу и за то стали мы с ними, кызылбаши, в неприятельстве и за свою кровь им отмстим, и Дербень и Шемаху, и Баку осадили, и при тех городах деревни разорили, и в которых числах будем брать и городы, будем милость божия над нами, будет и дело ведает весь народ, а я ныне для дружелюбия пресветлейшему и державнейшему великому государю под руку иттить так же, и юрты свои отдать и ему государю верно служить готов, и как придет ваши войска и что понадобитца строить город или иное, что я и буду со всеми своими людьми великому государю служить верностью; а ныне присланному от вас в одном судне чепаром мы сказали и по своей вере единым богом и по курану и по ширнети и по муртузалиевой голове, чтоб приезжали к нам торговые люди, а мы и волосам и не тронем, и сколько людей мочи будет зделало добродетель, а я ныне чаю, что у нас будет все под моею рукою и чтоб они, торговые люди, ни в чем не опасались а я преж сего к вашей милости писал письмо, что донести к великому государю, а отповеди нет и иное письмо вашей милости объявил ли или нет не ведаю»[48].

Сразу вслед за этим письмом также в апреле 1721 г. Гаджи Давуд еще раз писал И. В. Кикину, прося разрешить русским купцам привозить в его владения свинец и железо в обмен на шелк-сырец[49]. В другом письме представителям Русского государства Гаджи Давуд заявил, что он ведет войну «не для властолюбия и богатства и не для чего иного, кроме того, чтоб освободить сунинцов от казылбаш [кызылбаш]»[50]. Тем временем бывший посланник, недавно назначенный губернатором Астраханской области, А. П. Волынский, по поручению русского кабинета, обратился с письмом к Гаджи Давуду, где спрашивал о его желании стать подданным Русского государства.

После всего этого А. П. Волынский писал Петру I: «кажется мне, Дауд-бек ни к чему не потребен; посылал и к нему отсюда поручика (как я перед сим в. в. доносил), через которого ответствует ко мне, что конечно, желает служить в. в., однако ж чтоб вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он, конечно, отберет городы от персиан, и которое ему удобны, те себе оставит, а

48 АВПР, ф. «Дела Андрейской деревни», 1721, д. 1, л. 4 а, 4 б.
49 Там же, л. 5 а.
50 ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 54, л. 682а.

прочие уступит в. в., кои по той стороне Куры реки до самой Гиспогани, чего в руках никогда не будет, и тако хочет, что ваших был труд, а его польза»[51].

Несмотря на неудачные попытки заручиться поддержкой России Гаджи Давуд продолжал готовиться к штурму Шемахи. В процессе этой подготовки Гаджи Давуду вновь удалось склонить на свою сторону Сурхай хана Казыкумыхского. Это произошло в 1721 г., когда афганцы-гильзаи, поднявшие восстание в 1709 г. в Кандагаре, предприняли свой поход, позднее положивший конец правлению Сефевидской династии. Перед лицом страшной опасности шах Султан Гусейн обратился к вассальным владетелям Дагестана с просьбой о военной помощи. Однако с севера к столице никакой помощи не пришло. Правда, шамхал Тарковский Адиль Герай сделал попытку послать войско в Иран, но его старания не имели успеха. Собранное шамхалом войско, выступившее в помощь шаху под предводительством вышеупомянутого Сурхай хана, не достигло пределов Ирана, поскольку Гаджи Давуд сумел склонить хана на свою сторону. Сурхай хан, служивший шаху только лишь ради личного обогащения, тут же согласился присоединиться к Гаджи Давуду. Как и прежде, лозунг Гаджи Давуда в борьбе с иранскими властями носил сугубо религиозно-антишиитский характер[52].

Следует отметить, что антисефевидская пропаганда Гаджи Давуда и на сей раз собрала толпу недовольных масс. Вскоре к нему присоединилась часть жителей Рустау[53]. По этому поводу в записях современника читаем: «Во время ребелии и конфузии рустауские деревни между собой разделились и те, близ Дагестани лежащие, соединились с нижними дагистанцами и себя к ним стали числить, а другие к бунтовщикам пристали, с ними заедино действовали и Дауд-беку поддались»[54]. Как пишет И. Гербер, «...народы приставали к восстанию толпами»[55]. Предлагал свои услуги Гаджи Давуду и усмий кайтакский[56].

В борьбу с иранскими властями, кроме Гаджи Давуда и

51 ЦГАДА, ф. Кабинет Петра I, 2 отд., л. 641.
52 ЦГАДА, ф. СРП, оп. 77, ед. хр. 55, л. 61; И. Г. Гербер. Известия о находящихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие». 1760, стр. 228; И. Голиков. Деяния Петра Великого изд., 2-е, т. VIII, М., 1839, стр. 52—53; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 8.
53 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 92.
54 ЦГАДА, ф. Ермоловых, ед. хр. 315 (1728), л. 34.
55 И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 228.
56 АВПР, «Кумыкские дела», ед. хр. 3 (1721), л. 50 а.

его союзников, были втянуты и некоторые другие местные феодалы, в частности куткашенский мелик Махмуд, его брат Ахмед и их сыновья, обладавшие большим богатством. Действия этих феодалов вызвали подозрение у ширванского беглярбеги, который донес иранскому правительству об их неблагонадежности. В наказание шах приказал отобрать у этих меликов все имущество, ценность которого исчислялась свыше ста тысяч туманов.

Сыновьям меликов удалось бежать из контролируемых шахской администрацией мест и примкнуть к повстанцам. Касаясь этих вопросов, Есай Хасан Джалалян писал: «И такое их явление возбудило в них ненависть к шиитам, и они были озлоблены хуже свирепого зверя. Такое положение они считали для себя большим позором. И призвали они друг друга, объединились и возбужденные собрались вместе по десять тысяч и по одной тысяче»[57].

Собрав вокруг себя огромную массу людей различного достатка и социального положения, Гаджи Давуд в союзе с Сурхай ханом Казыкумыхским поторопился нанести удар по главному центру иранской администрации в Северном Азербайджане — Шемахе в момент, когда судьба Сефевидского государства была, по-существу, предрешена.

О занятии Шемахи отрядами Гаджи Давуда в 1721 г. имеются некоторые подробные сообщения в источниках. Наиболее полные данные об этом встречаются в архивных документах, а также в донесениях очевидца Ф. Беневени, в сочинениях современников Есай Хасана Джалаляна, И. Лерха, Дж. Ханвея и др. Ф. Беневени, пожалуй, был единственным из перечисленных современников, который лично наблюдал за захватом Шемахи в 1721 г. и назвал эти события «шемахинской трагедией»[58].

Он писал, что 10 августа ширванский беглярбеги Гусейн хан «...получил прямой указ от двора, чтобы нас немедленно выслать и в дорогу отправить... понеже хан и по тому указу нас отправить не хотел, представляя нам, что дорога до переправы Куры реки нечиста и везде кругом лезгинцы пакости чинят»[59]. Тем не менее под давлением Ф. Беневени 11 августа Гусейн хан разрешил ему выехать. «За день перед поездом оной хан получил подлинное известие, что с Низовой стороны помянутых бунтовщиков, а именно, Дауд бея, Исми и Сурхай войско поднялось и приближается к Шемахе...»[60], — писал Ф. Беневени.

---

[57] Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 24; ср. В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 71.
[58] А. Н. Попов. Ук. раб., стр. 283.
[59] Реляция Ф. Беневени из Тегерана 25 мая 1721 г. см. А. Н. Попов. Ук. раб. (приложение), стр. 359.
[60] Там же.

В связи с приближением многочисленных отрядов повстанцев в Шемахе поднялась тревога и беглярбеги взялся за организацию обороны города[61].

Первоначально к городу подступил небольшой отряд — авангард повстанцев — в составе 1000 человек. Против них был отправлен Мухаммед хан с войском, в три раза превышающим численность авангарда повстанцев. Однако во время столкновения численное превосходство уступило боевому качеству повстанцев, среди которых было много наемных войск из Дагестана. Повстанцы, разбив армию Мухаммед хана, преследовали его по пятам до города. Увлеченные успехом, они даже ворвались в город, но так как узкие улицы в центре города около ханского дворца были преграждены завалами из бревен, конница повстанцев не смогла проникнуть вглубь города, где находился богатый базар и много купеческих караван-сараев. Долгое пребывание в городе грозило повстанцам гибелью. Они вынуждены были с потерями оставить город и вернуться к Гаджи Давуду, приближавшемуся с огромным войском к Шемахе.

На следующее утро повстанцы вновь сделали попытку ворваться в город. Однако их попытка вновь была неудачной, Гусейн хан не без помощи части городского населения отбил атаку, но не рискнул оставаться больше в городе. Хан со своими приближенными хотел бежать, оставив город на произвол судьбы, однако караул не выпустил их из города. «Два дня наш посол,— пишет А. Попов,— неизвестно почему стоял на месте и смотрел, — как он сам выражается — «на шемахинскую трагедию». Третий день, видя, что «никакого побеждения не учинено»[62], отправился он в дальнейший путь.

Об этих событиях подробные сведения дает и другой современник Есай Хасан Джалалян, который писал:

«10 августа 1170 (1721 г.) все эти племена лезгин вместе со своими главарями — выше упомянутым Сурхаем, Шамхалом, Исмином (усмием), Гаджи Давудом и Али Султаном всем своим могуществом подошли к городу Шемахе, вели в течение восьми дней ожесточенные сражения, но взять его не смогли. К ним дошла весть, что некоторые из оставшихся после них (соплеменников) подняли смуту в их стране. Поэтому в одну ночь они внезапно отошли и возвратились в свою страну...

Второй раз вышеупомянутые горцы пришли еще большей толпой, чем в первый раз. В течение двенадцати дней они вели ожесточенное сражение, а затем в августе во время по-

---

[61] А. Н. Попов Ук. раб., стр. 283.
[62] Там же.

ста богородицы в среду 1170 года армянского (1721) Шемаха была взята»[63]. Это случилось в августе 1721 г.

В вопросе о взятии Шемахи Гаджи Давудом рядом авторов допускались некоторые неточности. Высказывались мнения, что в первой четверти XVIII в. Шемаха была захвачена повстанцами дважды: в 1712 и в 1721 г. О первой дате впервые упоминается в книге П. Буткова, а затем у А. Бакиханова. События 1712 и 1721 гг., описываемые этими авторами, по существу, аналогичны. Приведем выдержку из книги П. Г. Буткова: «Сурхай и Аджи [Гаджи.—*Ф. А.*] Дауд-бег, взбунтовавшись против шаха, вместе производили грабежи и в 1712 г. соединенно с лезгами и другими разных наций мятежными людьми, причинили великое опустошение городу Шемахе, отправлявшему знатную торговлю с азиатцами и европейцами превосходным своим шелком и другими вещами, и русских купцов в Шемахе обретавшихся... до смерти побили, и не на один миллион пожитков их пограбили»[64]. Касаясь этого вопроса, А. А. Бакиханов пишет: «...Сурхай и Гаджи Давуд со всеми своими и частью войска Ахмед хана, пошли на Шемаху и с помощью тамошних суннитов, после 15-ти дневной осады, в 1124 (1712 г.) взяли ее и совершенно ограбили шиитов. При этом случае погиб новый ширванский правитель Гусейн хан и более 300 русских купцов, у которых забрано было товаров на 400000 туманов»[65].

Благодаря более тщательному изучению архивных документов и других исторических материалов удается установить, что факты, изложенные П. Г. Бутковым и А. А. Бакихановым, относятся не к 1712 г., а к 1721 г. Возьмем хотя бы инцидент ограбления 300 русских купцов, потерявших товары, стоимость которых достигла нескольких миллионов. Доказательством тому, что это событие имело место в августе 1721 г., служит ряд достоверных источников. Так, в манифесте Петра I от 15 июля 1722 г. говорится: «...по неже от рождества бога нашего Исуса Христа 1721 году (то есть от переселения Мухаметова 1134) пресветлейшего и величайшего, и старейшего великого друга, и соседа ближнего высокостепенного государств и земель персидского шаха под ногою его бывшей лезгинской земли владелец Дауд бек и Казыкумыхского уезду правитель, называемый Сурхай, которые из трех сторон от разных народов многих возмутителей и бунтовщиков собрав, против вышеописанного высокостепенного шаха нашего друга, объявили бунт поднять, его владения государство ширванским обретающим городе Шемаху штурмом и боем взять, неточию нашего друга, его

63 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 39.
64 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 3.
65 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 103.

шаха, многих людей побили, но от нашей высокой стороны российских народов, которые по нашей по древнему обычаю в вышеупомянутой город для купечества ездили, без винно и немилостиво побив, пожитков и товаров их ценой всего около 4 миллионов рублей погреба, взяли...»[66].

Другой пример — накануне похода Петра I в Азербайджан в 1722 г., когда Гаджи Давуд, захватив Шемаху, просил турецкого султана принять его под протекторат Турции, Петр I, по совету А. П. Волынского, обратился к турецкому правительству с решительным требованием не давать Гаджи Давуду и его союзникам турецкого подданства[67]. Русскому резиденту Неплюеву было предписано просить аудиенцию у самого визиря и, сделав обстоятельное заявление об «обидах», причиненных Гаджи Давудом России (ограбление и убийство русских купцов в Шемахе), требовать, чтобы Турция Гаджи Давуда под свою защиту не принимала[68].

Касаясь захвата Шемахи повстанцами именно в 1721 г., Е. Х. Джалалян писал: «Необходимо представить себе богатство того города Шемахи: начиная от времен великого шаха Аббаса, отнявшего его у османов в 1055 году (1606 г.), до 1170 года (1721) из него не было взято ни соломинки. И так как он (город Шемаха) являлся местом остановки пребывающего отовсюду купцов, а также местом торговли и доходов индийцев, новоджульфинцев и русских, он был переполнен всевозможным имуществом и сокровищами»[69].

Гаджи Давуд сам признает, что до 1721 г. его отряды «Дербень и Шемаху и Баку осадили...»[70].

А. А. Бакиханов пишет, что во время сражения с повстанцами в 1712 г. погиб новый ширванский правитель Гусейн хан. Однако Гусейн хан был направлен в Шемаху не в 1712 г., а позже, примерно, 10 лет спустя[71].

В пользу высказанного положения, безусловно, говорит отсутствие каких-либо сведений о Гаджи Давуде, относящихся к 1712 г. Первые данные о его деятельности и о нем самом появляются в источниках, как было сказано выше, не ранее 1718 г.

Все изложенные факты поддерживают наше предположение о том, что Шемаха была захвачена повстанцами под

66 АВПР, ф. СРП (1722), оп. 77/1, д. 14, л. 25 б; ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 62, л. 11—13; О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем. «Русский архив», 1899, № 12, стр. 482.
67 Письмо Петра Головкину. 22 февраля 1722 г. ЦГАДА. Каб. Петра Великого, отд. I, кн. 30, л. 114.
68 Письмо Головкина Макарову. 3 марта 1722 г. ЦГАДА. Каб. Петра Великого, отд. II, кн. 59, л. 486—489.
69 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 37.
70 АВПР. «Дела Андрейской деревни». 1721, д. 1, л. 4 а.
71 Есай Хасан Джалалян. Ук раб., стр. 37.

руководством Гаджи Давуда лишь однажды — в 1721 г. Указанная дата в книгах П. Буткова и А. Бакиханова, на наш взгляд, ничто иное как техническая ошибка. К сожалению, это ошибка повторялась многими историками[72], в том числе и автором этих строк[73].

Теперь перейдем к прерванному нами изложению событий, когда отряды Гаджи Давуда и его союзников в августе 1721 г. ворвались в Шемаху.

А. Бакиханов, объясняя причину успеха повстанцев в 1712 г., писал, что Шемаха была захвачена «с помощью тамошних суннитов»[74]. Эти слова следует отнести к 1721 г. Касаясь этого события, Есай Хасан Джалалян писал: «Взятие ее [Шемахи.—*Ф. А.*] произошло следующим образом, как мы уже сказали, магометане бывают двух вероисповеданий — шииты и сунниты. Жители города делились пополам. Но суннитов было больше, поэтому жители района, называемого Сарыторпаг, ночью открыли свою сторону и впустили внутрь города часть неприятельского войска, а на рассвете, присоединившись сами к ним, передали им в руки город»[75].

Небезынтересно здесь привести один любопытный архивный документ, свидетельствующий о том, что Шемаха была взята не без помощи определенной группы шемахинцев, среди которых находились и знатные люди. Этот документ составлен со слов некоего жителя Дербента Муртозакули, находившегося в Шемахе, когда в нее ворвались повстанческие отряды. Муртозакули 23 августа 1722 г. явился в Дербент, где уже находился Петр I, и попросил у него «тайную аудиенцию»[76]. При встрече с императором Муртозакули сообщил ему следующее: «как де были бунтовщики в Шемахе,... [к ним.—*Ф. А.*] знатные же, а именно Хаджи Ибрагим, Хаджи Магомет Эмин, Хаджи Измаил и многие которых и имян не может упомнить к ним же пристали и соединились»[77].

Приведенное довольно подробное описание взятия Шемахи в 1721 г., несмотря на некоторые расхождения в изложении фактов, говорит о том, что в это время Шемаха была взята повстанцами не без помощи определенной части городского населения.

О поведении повстанцев после взятия Шемахи имеется

---

72 История Азербайджана, т. 1, стр. 232; «История Ирана с древнейших времен», стр. 310; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 69; А. Тамай. Ук. раб., стр. 82 и др.

73 Ф. М. Алиев. Города Северного Азербайджана. Баку, 1960, стр. 36.

74 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 103.

75 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 40.

76 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1722), л. 57.

77 Там же.

целый ряд весьма любопытных сообщений. Так, по словам англичанина Джона Ханвея: «Страшный грабеж города не удовлетворил жадность лезгин *; под влиянием этой низменной страсти их полководцы совершили над злополученным Гусейн ханом самые варварские зверства. Они подвергали его жесточайшим пыткам, воображая, что он закопал свои сокровища, но оттого ли что этот дворянин действительно не скрыл никаких денег или безразлично относясь к жизни не считался с их яростью, но он ничего им не открыл»[78].

...Жертв было бы «еще больше, если бы многие не бежали еще тогда, когда враги окопались в квартале у суннитов, пощаженных за принадлежность к одной и той же секте. Лезгины пощадили жен и детей шиитов, не по причинам жалости, а потому, что по их закону они становились их рабами по праву победителей. Сунниты не были единственными жителями города: здесь также было много армян, евреев, индийских язычников и несколько русских купцов»[79]. Далее, на той же странице у Дж. Ханвея читаем: «В это же время [повстанцы], ставшие властителями Шемахи, овладели и остальным Ширваном».

Очевидец событий Есай Хасан Джалалян пишет:

«Вступив в город лезгины пустили в ход свои мечи против магометан — же кызылбашей.

...Многие из войска персидского и из них начальников бежали куда попало. Имущество и дома была разграблены. [Повстанцы] забрав разнообразнейшее имущество, золото и серебро, вынесли все за город, разбили по частям и, поделив между собой, нагруженные ушли к себе. ..Это случилось осенью 1170 года [1721 г.]»[80].

В отношении немусульманского населения города Шемахи, со слов того же Дж. Ханвея, повстанцы держались несколько иной тактики: «чувство справедливости не допускало их смешать армян, евреев, русских с врагом и, считая их чужеземцами, они сохранили им жизнь и свободу»[81]. Е. Х. Джалалян также подчеркивает, что армяне не пострадали во время взятия Шемахи. Не понесли никакого ущерба и те армяне, которые жили в сельских местностях[82].

Несколько иначе освещает отношение повстанцев к русским купцам Волынский. «После взятия города, — писал Волынский в донесении Петру I, — стали зажигать и грабить дома знатных. Между тем хана взяли в полон, а знатных

---

* Здесь и далее под собирательным понятием «лезгины» подразумеваются все участники восстания.

78 J. Hanway. An historical account of the Brithish treade over the Caspian sea... vol II, London, 1762, p. 146 (в дальнейшем Дж. Ханвей).

79 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 146.

80 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 40, 42.

81 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 146.

82 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 26.

порубили, купцы которые ...были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом к вечеру и к ним в гостиный двор напали... иных побили, а товары все разграбили, которых было около 500 000 (в том числе у одного М. Евреинова на 170 000 рублей персидской монетою)»[83].

Архивный документ, составленный в том же году со слов очевидца, позволяет констатировать, что русские купцы отчасти пострадали из-за того, что предоставляли убежище иранским купцам и скрывали их ценности[84].

Основываясь на этих и других документах и источниках, П. Бутков, С. Соловьев, А. Бакиханов в своих трудах неизменно подчеркивали грабительские действия, религиозный фанатизм, жестокость и массовые убийства людьми Гаджи Давуда и Сурхай хана не только представителей иранской администрации, но и местного населения, придерживающегося шиитского толка мусульманской веры[85].

Вскоре весть о взятии Шемахи облетела все Сефевидское государство. Однако шах в обстановке все более усиливающихся антисефевидских народных движений, хозяйственного упадка и роста феодального сепаратизма не мог предпринять против действий Гаджи Давуда каких-либо мер. В. Левиатов пишет, что после того, «...как восставшие взяли Шемаху, начальники Ганджи и Еревана известили об этом шаха и просили у него помощи. Но шах не мог оказать помощи: он сам в ней нуждался, будучи доведен до крайности все разраставшимися успехами восстания афганцев»[86]. Напуганный успехами Гаджи Давуда, ереванский хан осенью 1721 г. двинул свои войска в сторону Ширвана. Узнав об этом, Гаджи Давуд и его союзники из Дагестана двинули свои войска через Куру и вступили в бой, который еще больше увеличил триумф бунтовщиков. Непрестанно подвергаясь нападениям, армия была, наконец, обращена в бегство, некоторые бежали в Ереван, другие в Гянджу[87], преследуемые повстанцами до самого подножья Карабахских гор[88].

По данным Джалаляна, весной следующего года некоторые отряды лезгин появились в Карабахе, в частности в Дизаке, Варанде и Хачене[89]. По некоторым данным, в 1722 г.

[83] ЦГАДА, ф. Кабинет Петра Великого, II отд. кн. 54, лл. 645—646.
[84] ЦГАДА, ф. СРП, д. 18 (1721), лл. 57—58.
[85] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 2—9; С. Соловьев. Ук. раб., т. XV, стр. 67; А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 135.
[86] В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 73.
[87] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 36.
[88] Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 26; см. также В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 74.
[89] Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 27.

они осадили город Гянджу. Однако взять его им не удалось, ибо к Гяндже в это время подошли войска картлинского царя Вахтанга VI. Это заставило повстанцев отступить и уйти за Куру[90]. В «Истории Азербайджана» это событие описывается таким образом: «Попытки Гаджи Давуда и Сурхай-хана захватить Гянджу не увенчались успехом. На помощь гянджинцам пришли грузинские и армянские отряды. Получив чувствительный удар от совместных армяно-грузино-азербайджанских сил, отряды Гаджи Давуда и Сурхай-хана удалились в Дагестан»[91].

Однако здесь вопрос рассматривается односторонне — упущены личные стремления Вахтанга, который, узнав о намерении Российского государства отправиться в поход в прикаспийские провинции, «решил, что наступило время осуществить заветную мечту—заручившись поддержкой могущественной державы, освободить Грузию от иранского господства и вернуть ей захваченные Турцией южно-грузинские области» (?)[92].

В действительности же дело обстояло несколько иначе. Причиной похода Вахтанга VI в Гянджу послужило следующее обстоятельство: весной 1722 г. осажденный афганскими войсками в Исфагане шах Султан Гусейн требовал помощи от Вахтанга VI. Однако последний не мог ее оказать, ибо сам строил план освобождения от зависимости Ирана. Исследовавшая международные отношения Закавказья в XVIII в. О. Маркова, обстоятельно изучив первоисточники, писала: «В то время как Вахтанг думал об освобождении Грузии от власти шаха, последний, наоборот, рассчитал укрепить свой трон с помощью Грузии. Фактически бессильный, он то приказал Вахтангу идти к нему на помощь и расточал угрозы, то умолял его о помощи, задабривая подарками; поручая Вахтангу наказать бунтующих шемахинцев, он дал ему титул бегляр-бека Азербайджана»[93].

Теперь нетрудно понять замысел похода Вахтанга VI в Гянджу, где, соединившись с ополченцами армянских меликов, он должен был направиться к Шемахе. Это отвечало и требованиям шаха, и интересам Петра I, ибо, согласно уговору, Вахтанг VI должен был в Азербайджане ждать прихода русских войск[94].

После отхода отрядов Гаджи Давуда из окрестностей Гянджи объединенные войска грузин и армян вступили в

[90] Там же, стр. 27—30; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 74.
[91] «История Азербайджана», т. I, Баку. 1958, стр. 293.
[92] «История Грузии». Тбилиси, 1946, стр. 396; П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954, стр. 157.
[93] О. П. Маркова. Ук. раб., стр. 104.
[94] АВПР, ф. Сношения России с Арменией. 1724, д. А 14, л. 23.

борьбу с сефевидским ставленником Угурли ханом Гянджинским [95], который писал шаху: «Вахтанг решил восстать против тебя и, объединив армянский и грузинский народы, отправил послов к русскому царю, чтобы тот прибыл и завоевал твою страну»[96]. Хотя Вахтанг VI подошел к Гяндже и, по всей вероятности, осадил ее, однако ввиду сложившейся тяжелой обстановки в Грузии через три месяца поспешно удалился обратно. Е. Х. Джалалян сообщает, что когда Вахтанг VI находился у Гянджи, то жители окрестных деревень ему говорили, что повстанцы «не пришли бы к нам, в нашу страну, если бы в близких к нам районах и среди окружающих народов не было единомышленников с ними и не имели бы сторонников среди них»[97].

Укрепление позиций Гаджи Давуда в Ширване вызвало тревогу и озабоченность правящих кругов России. Будучи уверен, что в случае столкновения с Россией он не устоит, Гаджи Давуд решил обратиться к Турции, враждовавшей тогда с Россией и Ираном, и с ее помощью отстоять свою независимость. Гаджи Давуд и Сурхай хан первоначально обратились к турецкому султану в 1721 г. «...через крымского хана..., чтоб он их принял под свою протекцию и прислал б свои войска для охранения Шемахи»[98].

Между прочим, это предвидел ставший губернатором Астраханской области А. П. Волынский. «Теперь, — писал он, — восставшие князья конечно будут искать протекцию турецкой... для России это представляет мало интереса и лучше поскорее активно вмешаться в происходящее в Персии»[99].

Османская Турция, искавшая удобный случай для вмешательства в закавказские дела, чтобы утвердиться на берегах Каспийского моря, не замедлила установить связь с Гаджи Давудом. Турецкий султан с большой охотой решил удовлетворить просьбу Гаджи Давуда и пригласил его для переговоров в Стамбул [100].

Во время переговоров в Стамбуле Гаджи Давуд просил военную поддержку у султана, обещая признать вассальную зависимость от Турции, но оставляя за собой право на внутреннюю автономию.

---

95 П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 157.
96 Есай Хасан Джалалян. Ук. раб., стр. 81.
97 Там же, стр. 31.
98 ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, II отд., кн. 54, л. 667.
99 С. М. Соловьев. История России, кн. 4, т. 18, стр. 671.
100 Мухаммед Хасан хан. Тарих-е монтазам-е Насири (на перс. яз.), т. 2. Тегеран, 1298, стр. 239; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 9; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 103.

П. Бутков сообщает, что за оказанную поддержку Гаджи Давуд «уступил туркам близкие к России на берегу Каспийского моря провинции» [101]. Но так как прикаспийские провинции не были под властью Гаджи Давуда, то можно полагать, что в Стамбуле он обещал Турции не возражать против захвата ею прикаспийских областей.

Добившись признания себя Турцией правителем Ширвана, Гаджи Давуд решил отмежеваться от Сурхай хана Казыкумыхского, воины которого, хотя и умножали его силу, но в то же время занимались грабежом и вызывали недовольство среди местного населения. «Когда в 1722 году по приближении российского войска к Ширвани Хаджи Дауд и Зурхай под турецкую защиту поддались и для того Хаджи Дауд сам в Царь Град [Стамбул.—*Ф. А.*] поехал, чтоб там пользу их обеих сыскать, то он больше о себе одном старался, а Зурхая оставил, что и турки ево, Хаджи Дауда, ханом шамахинским канфирмовали и укрепили...»[102],—читаем у И. Гербера.

По возвращении из Турции Гаджи Давуду удалось фактически отстранить от руководства Сурхай хана и других своих союзников-феодалов и самому стать правителем Ширвана, признавшего вассальную зависимость от Турции. Однако в создавшейся крайне сложной политической обстановке он не мог принять действенных мер к обеспечению независимости Ширвана, «хотя, — как справедливо отмечает В. Н. Левиатов, — и не приходится сомневаться в том, что она им была весьма желательна»[301]. Вскоре из Стамбула последовал фирман турецкого султана, согласно которому Гаджи Давуд был утвержден правителем Ширвана, а Сары Мустафа-паша с войском был послан поддержать его [104].

Сурхай хан, отстраненный от управления Ширваном, порвал отношения с Гаджи Давудом и удалился в Казыкумых, откуда он совершал безуспешные нападения на Шеки и Гянджу. Сурхай хан не признавал власть Гаджи Давуда и искал удобного случая для мести. «...Зурхай на Хаджи Дауда великое сердце возымел, ево ханом не признал, но и не почел и туркам поддаться не хотел и объявил им, что понеже оные Даудбека, который родом мужик простой, великим человеком сделали, а его как роднаго князя и владельца оставили и так обидели, он Порту поддаваться не мог, пока он реванжу над Хаджи Даудом не получит»[105],—писал И. Гербер.

---

101 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 9.
102 И. Г. Гербер. Описание стран и народов..., стр. 103.
103 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 74.
104 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 103.
105 И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 103.

Турция, принимая Ширван под свое покровительство, стремилась, пользуясь услугами Гаджи Давуда, осуществить свои захватнические замыслы по отношению к Азербайджану и выйти к берегам Каспийского моря.

Осуществление этой задачи не только создало бы угрозу юго-восточным границам России, но могло нанести сокрушительный удар по восточной торговле Русского государства. Русский посланник Ф. Беневени лично был свидетелем того, как турецкий посланник в Исфагане потребовал, чтобы весь шелк-сырец «...везен был в его область, а не через Каспийское море в Россию»[106].

Все это в корне противоречило намеченным мероприятиям Российского государства и заставило Петра I действовать более решительно.

Благоприятный исход двадцатилетней войны со Швецией в 1721 г. открыл перед Россией широкие горизонты для начала новых военных действий на юге, к которым она энергично готовилась уже несколько лет[107]. «Только после победоносного завершения войны, — пишет советский исследователь Э. Григорьян,—Петр I предпринял в 1722 году так называемый Персидский поход, имевший целью обеспечить России выход к Каспийскому морю, покончить с владычеством персов в Закавказье, ослабить позиции Турции, усилить грузинское царство и создать армянское княжество под протекторатом России. Иначе говоря, Петр I стремился превратить все Закавказье в буфер между Россией и государствами Востока»[108]. «Увлечение Петра Великого торгово-промышленным возрождением России, стремление установить былой Индо-Европейский транзит через Персию ставили на очередь вопрос об известной политической гегемонии над Персией и склонили Петра Великого воспользоваться первым же представившимся случаем, чтобы двинуть войска в Персию», — писал еще в 1915 г. экономист Г. Тер-Гукасов[109].

Предварительные дипломатические переговоры Петра I с представителями местной феодальной знати обещали успешный исход Прикаспийского похода. Благодаря умелой дипломатии Петр I добился дружеского расположения и без того симпатизирующих России народов Закавказья. Кроме

[106] Реляция Ф. Беневени из Тегерана 25 мая 1721 г. См. А. Н. Попов. Ук. раб., приложения, стр. 365.

[107] Е. В. Спиридонова. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. Госполитиздат, 1952, стр. 219.

[108] Э. Т. Григорьян. Присоединение Восточной Армении к России в начале XIX в. М., 1959, стр. 39.

[109] Г. И. Тер-Гукасов. Экономические интересы России в Персии. Пг., 1915, стр. 33; О персидском походе при государе Петре Великом бывшем. «Русский архив», 1899, № 12, стр. 481.

того, имелись регулярные связи с народами, исповедующими христианскую религию. Во время переписки с представителями грузин и армян Петр I обещал освободить их от персидского гнета, обещал помочь картлинскому царю Вахтангу VI в возвращении грузинских земель, некогда захваченных Турцией. В свою очередь, представители Грузии и Армении обещали оказать содействие Петру I живой силой как только его армия переступит границы Закавказья. К этому времени антииранское движение в Азербайджане и Южном Дагестане принимало все больший размах. Петр I решил не упустить удобный момент и, опираясь на антииранское настроение закавказских народов, приступить к походу, «ибо развал иранского государства породил опасность поглощения всех его кавказских владений султанской Турцией. Этот давнишний враг России всячески мешал устремлениям России на Кавказе. Турция подстрекала местных владельцев против России и всячески противодействовала устремлениям России на Кавказе»[110].

При такой политической ситуации нельзя было медлить с походом. Уже накануне похода в указе русскому консулу в Персии Абрамову от 25 июня 1722 г. писалось, чтобы тот добился от шаха уступки России хотя бы прикаспийских провинций. В противном случае Россия готова даже силой оружия приобрести эти провинции: «...токмо по морю лежащие земли отберем, — писал император консулу,—ибо турок тут допустить не можем»[111].

Но прежде чем сделать решающий шаг Петр I с присущей ему дальновидностью принял меры предосторожности для облегчения продвижения русских войск на юг. С этой целью император 15 июня 1722 г. издал специальный манифест[112], адресованный «...всем народам до конх то касалось»[113]. Манифест был переведен на азербайджанский язык, издан и в нескольких экземплярах отправлен в Ширван и прикаспийские провинции. Это был первый печатный документ, на азербайджанском языке.

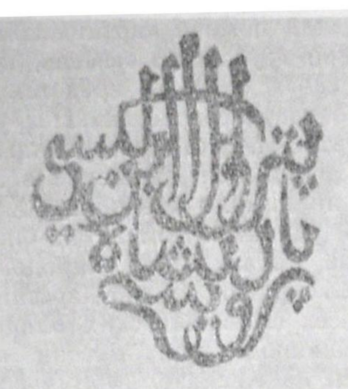
В манифесте, в частности, говорилось что русские войска прибывают на помощь шаху Султану Гусейну, так как «подданные шаха» Гаджи Давуд, Сурхай хан Казыкумыхский «от разных народов многих возмутителей и бунтовщиков собрав, против... высокостепенного шаха, нашего друга, объявили, бунт поднять, его владения государство Ширванским обретающий городе Шемаху штурмом и боем взять, неточию нашего друга, его шаха, многих людей побили, но

[110] Р. М. Магомедов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 189.

[111] ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, II отд., кн. 30, л. 151 об.

[112] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1722), л. 25а—26б.

[113] Ф. Соймонов. Ук. раб., стр. 58.

[illegible] ... پتروس اولکی امپراطور ...
[illegible]

[illegible]

اتمام حق ایچون ... شاه ...
[illegible]

ومصلحتیمز یکزده کلی اول مشغول اولوب اشلریکزی اسوده حال اوزره کوردسز زیرا
سزک و مالاریکزک حفظ و حراستی ایچون سرعسکرلریمزه و سایر ضابطلره امثالا
فرمان همایونمز صادر اولوب محکم تنبیه بیورمشمزدرکه دولت عثمانیه طرفندن واقع
اولان تجار طایفه‌سی آسوده حال اوزره اولمقلرینده کندولرینه و مالارینه ضرر
رنجیده و رمیده اولنمیه اولوجه‌له اوزره که دولتعلیه‌لریمزک مابیننده صلحمز ابدی اولمق
اوزره وضع و تعهد محکم اولنوب و مخصوصا ضمیر منیریمز اقتضاسنجه ابدی صلحمز
حفظا و حقوقنه غیرمراعمز انشاء الله تعالی بی زوال اولاجغنه قلب همایونمز شهادت
ایدر کذالک طرف دولت علیه‌لریندن نقض خراست محبت و عهد میثاقی یرینه
کتوریلمسنه اشتباهمز یوقدر ایمدی اول اجلدن امر ایلدم و بیورلمکه وجه مشروح
اوزره عمیم فرمان قدرت توام تحریر و رسم دستور العمل اولنوب و خط همایونمیله
استحکام بیورلوب طرفکزه بر کون مقدم ارسال و توزیع اولنه ایشتمدک و بلمدک
دیمیه‌سز شویله بلدسز علامت شریفه اعتقاد قلدسز بعاده السلام على الدولم

فی شهر اجدرها
سنه ٥ حضرت
عیسی بیک یدی یوز
ایکرمی ایکی تموزک
اون بشنده

Манифест Петра I от 15 июля 1722 г. АВПР, ф. СРП, д. 14 (1722), л. 105—107.

от нашей высокой стороны российских народов, которые по нашей, по древнему обычаю в вышеупомянутой город для купечества ездили, без винно и немилостиво побив, пожитков и товаров и их ценою всего около 4 миллиона рублей погребя, взяли и таково время нашего государствования, что противно договору и миру». Так как «бунтовщики» обоим государствам причиняют огромный ущерб, «...то принуждены мы, прося и моля от господа бога победу на оных бунтовщиков и злодеев непобедимым нашим войскам, сами двигатца и надеяся на господа бога (аще соизволит), что святыми и умирительными нашими ружьями таких злодеев, которые обоим сторонам похищение и вреды чинить причины давали, крепко наказав и отыскать сатисфакцию, к чему они достойны»[114].

[114] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1722), л. 25 а, б; Выдержка из манифеста приводим с архивной копии перевода, сделанного еще в 1722 г. Ср. Ф. Соймонов. Ук. раб., стр. 60; В. Лебедев. Поход Петра Великого в Персию. ЖМНП. Октябрь, СПб., 1848, стр. 6; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 17.

Обращает на себя внимание и та часть манифеста, где император гарантирует местному населению полную безопасность. Любое насилие, проявленное со стороны русских войск, должно было повлечь за собой строгое наказание. Далее манифест гласил: «...всем через сие наше императорское милостивое обнадеживание истинно и твердо, и праведно повелеваем, что вышеписанных провинциях жителям обретающим приезжим никому ниже одной убыток и трата учинитца, и самим им, и имением их, и селами, и деревням ни кто руку не положит, о чем для сего случая военачальникам нашим и всего войска как от кавалерии, так и от инфантерии офицерам и другим командирам и всему войску генерально крепко приказано и повелели, дабы никому ниже никакого озлобления и похищения не чинили, и ежели в малом в чем и то обличены будет и такие казнь и экзекуцию получат»[115].

«Чтобы, — пишет советский исследователь Н. А. Смирнов, — турки не имели подозрения, Петр I предложил им прислать туда (в Прикаспийские провинции.— *Ф. А.*) для наблюдения своего комиссара»[116].

Как видно, во внешней политике Петра I северо-восточный Азербайджан приобретал исключительно важное значение. Любопытно, что в официальных дипломатических кругах Петербурга предстоящий поход в прикаспийские провинции первоначально назывался «шемахинской экспедицией»[117]. Русский консул в Иране С. Абрамов, в свою очередь, распространял слух о том, что император идет «к Шемахе не для войны с Персией, но для искоренения бунтовщиков»[118].

Интересно то, что правительство Турции в августе 1722 г. заявило русскому послу в Стамбуле Неплюеву, что «Грузию оно намерено присоединить к своим владениям и что оно не возражает против занятия русскими Шемахи»[119]. Любопытно, что это мнение турецкое правительство высказало уже после того, как обещало принять Гаджи Давуда под свое покровительство.

Анализ многочисленных документов показывает, что Шемаха, «будучи узловым пунктом русско-турецких противоречий в Прикаспии, заняла первостепенное место в плане

[115] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1722), л. 26.
[116] Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, М., 1959, стр. 66.
[117] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1722), л. 26 б; Ф. Соймонов. Ук. раб., стр. 63; Донесение Кампредона от 3. IV 1722 г., СИРИО, т. 49, стр. 85.
[118] ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, II отд., кн. 30, л. 151.
[119] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, д. 6, ч. I, 1722, л. 237 об; подробно см. О. П. Маркова. Ук. раб., стр. 109.

кампании 1722 г.»[120]. Немаловажное значение имели также Дербент и Баку.

Между тем, развернувшиеся в Азербайджане события заставили Петра I поторопиться с осуществлением намеченного мероприятия, тем более, что «Волынский, доставя государю подробнейшие сведения о Персии[121], предложил тогда государю, чтоб богатые персидские области, лежащие подле Каспийского моря, коими непременно могут овладеть Авганцы, для безопасности границ российских принять в свое защищение, занять и населить оные войска российскими»[122].

При рассмотрении мотивов похода русских войск в прикаспийские провинции нельзя обойти молчанием и сообщения некоторых иностранных послов, находившихся в то время в Русском государстве. Определенный интерес приобретает сообщение французского полномочного министра при русском дворе де Кампредона, который писал: «бунтовщики..., разорившие Шемаху, ищут теперь покровительство Порты. Царь никогда не потерпит, чтобы [Турция] их под это свое покровительство приняла и утвердила... Это противно интересам всех вообще держав, потому что турки сделались бы тогда господами всей персидской торговли...»[123]. В другом его письме сообщалось о намерениях Петра I овладеть теми местами, где вырабатывался шелк-сырец лучшего качества. По мнению посла, если все это осуществится, торговля шелком будет целиком монополизирована русским правительством и в то же время южные границы русского государства будут гарантированы от внезапных нападений турков и иранцев[124].

В донесении посла де Вильде Генеральным штатам Соединенных Нидерландов сообщалось, что предполагаемая военная экспедиция в сторону Шемахи и Дербента предпринята с целью овладеть этими городами и другими портами на Каспийском море «и тем самым обеспечить в России свободную торговлю шелком»[125].

20 марта 1722 г. де Кампредон писал: «Он [Петр I] хочет иметь для безопасности своей торговли порт и крепость по ту сторону Каспийского моря и желает, чтобы шелки, которые

[120] В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. М., 1951, стр. 120.
[121] Имеется в виду все Сефевидское государство.
[122] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 6.
[123] Донесение полномочного министра при русском дворе Кампредона. СИРИО, т. 49, СПб, 1885, стр. 83, 84.
[124] Донесение полномочного министра..., стр. 93—94; см. также Н. Г. Куканова. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII—нач. XVIII вв. «Исторические записки», т. 57, 1956, стр. 252.
[125] Материалы для истории русского флота, ч. IV, СПб., 1867, стр. 308.

посылались обыкновенно в Европу через Смирну, шли отныне на Астрахань и Петербург. Здесь даже льстят себя надеждой, что шах, испугавшись войны, согласился уступить все это русским за обещание им помочь ему в подавлении восстания»[126].

Мы не будем подробно останавливаться на описании похода Петра I, поскольку имеется ряд специальных работ, в том числе и монография В. Лысцова[127]. Рассмотрим лишь вопросы, до сих пор не получившие в литературе должного освещения. В нашу задачу входит, главным образом, изучение вопроса об отношении народных масс к приходу русских войск в прикаспийские провинции.

Исследование архивных документов и других материалов убеждает в том, что местное население относилось дружелюбно к России, политика которой отвечала чаяниям широких масс, страдавших от произвола коррупированной шахской администрации, от феодального разбоя и политических неурядиц.

Конечно, в феодальной среде манифест Петра I вызвал враждебную реакцию. В частности, Гаджи Давуд тревожился тем, что он назван «бунтовщиком», и русские войска идут в прикаспийские провинции не для завоеваний, а для наказания «бунтовщиков».

Гаджи Давуд не только боялся ответа за ограбления и убийства русских купцов, но и не хотел терять в случае прихода русских войск приобретенное положение и земли. Видя теперь в России мощного соперника, Гаджи Давуд стремился укрепить свои сношения с Турцией.

В ответ на манифест Петра I представители местного населения обратились со специальными посланиями к императору, в которых просили помощи и присылки войск для обеспечения безопасности жителей.

Одно из таких посланий было отправлено Петру I от дербентского юзбаши Имам Кули 4 августа 1722 г., когда император уже был в пути. В нем говорилось: «Доношу вашему императорскому величеству, что отправленные от вашего величества к нам Указы получили, и милость вашего величества со удовольствованием и покорным благодарением приняли, и должны за ваше величества бога молить...»[128].

В тот же день прибыло из Дербента Петру I еще одно письмо от имени сорока девяти жителей города[129].

[126] Донесение полномочного министра..., СИРИО, т. 49, стр. 75.
[127] В. Н. Лысцов. Ук. раб.
[128] Перевод с листа к его императорскому величеству от дербенского наиба (или наместника), полученного августа в «4» 1722 году, АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1722), л. 2.
[129] Прошение от нижайших рабов жителей и охранителей дербенских, 4 августа 1722; АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1722), л. 6—7.

Через четыре дня пришел письменный ответ от императора: «Листы ваши отправленные к нашему императорскому величеству получены, из оных усмотрели мы, что вы посланные от нас универсалы получили и имеете к нам свою верность, и представляете свои услуги, что мы приемлем милостию, и обнадеживаю вас нашею императорского величества милостию...»[130].

12 августа того же года, когда Петр I находился в Тарках, он получил еще одно письмо с подписями ста одного дербентца. В письме говорилось, что дербентцы с нетерпением ждут прихода русских войск в их город и желают его величеству «многолетнего здоровия»[131].

Содержание приведенных писем вполне определенно выражает настроение местного населения и его доброжелательное отношение к приходу русских войск. Торжественная встреча русских войск во главе с императором Петром I в Дербенте[132] является ярким выражением отношения местного населения к Русскому государству. Как свидетельствуют многочисленные источники, дербентский наиб Имам Кули на расстоянии одной версты от города встретил Петра I, стоявшего во главе войск со своей свитой, в знак покорности и дружбы поднес ему два серебряных ключа от городских ворот, произнеся речь следующего содержания: «Мне и всем жителям города чрезвычайно приятно видеть великого Императора, шествующего в Дербент, для принятия нас под свое высокое покровительство. Город наш, хотя и отстроен по вкусу Персидских царей, однакож много есть доказательств, что он получил основание свое от Александра Великого. Поэтому, нет ничего приличнее и справедливее, как город, основанный Великим, передать во власть не менее Великого Монарха... Мы почитаем за величайшее счастье быть верноподдаными Великого Государя, и в знак этого с рабскою покорностью подносим ключи города, поручая себя и все наше достояние покровительству и милости Вашего императорского величества»[133].

По поводу радушной встречи русских войск Петр I писал в письме, отправленном в Сенат: «...когда приближались к сему городу (Дербенту), то наиб (наместник) сего города встретил нас и ключ поднес от ворот»[134].

Не менее рады были бакинцы, получившие манифест Петра I и узнавшие о предстоящем походе его в сторону Баку, принадлежавшего к тем городам Среднего Востока, которые издавна имели торговые связи с Россией. Благодаря этим связям бакинцы ближе узнали русских, и поэтому не случайно, что на манифест Петра I они ответили с большим воодушевлением. «В сем же пути бакинские жители прислали письмо к Императору, которым предавали себя в его покровительство». Письмо Петру I было составлено от имени городской знати и горожан всех сословий[135]. Письмо так и озаглавлено: «Прошение знати и простонародия благословенной крепости Бадкуба» (Баку.—*Ф. А.*). По всей вероятности, это прошение было написано 18—19 августа 1722 г., когда Петр I со своей армией двинулся в сторону Дербента.

Под письмом имеются 13 подписей жителей Баку, 12 из них—отметки личных печатей и один отпечаток пальца. Нам удалось расшифровать девять имен авторов письма: Дергах Кули, Мухаммед Кули, Салим, Аслан, Гейбат Али, Молла Кули, Фатх Али, Али Ага, Гюль Али. Из-за плохого качества трех отпечатков нам не удалось их расшифровать. Что касается отпечатка пальца, то полагаем, что его поставил один из представителей простонародия, который в отличие от представителей знати не имел собственной печати[136].

Как уже было отмечено, вопрос присоединения Баку к Российской империи и без того фигурировал в намеченных мероприятиях Петра I. Поэтому послание бакинцев было радостно принято Петром I, который прямо из Дербента 25 августа 1722 г., как только ознакомился с содержанием «прошения» бакинцев, отправил в Баку морем с подпоручиком морского флота Луниным[137] ответную грамоту.

Не дожидаясь возвращения Ф. Лунина, Петр I, исходя из содержания «прошения» бакинцев, заблаговременно сообщил правительственному сенату в Москве, что Баку «...через письмо предался в Его Величества волю»[138].

Следует отметить, что об ответной грамоте Петра I бакинцам от 25 августа 1722 г. до сих пор не упомянуто ни в одной работе, касающейся истории России или Азербайджана первой половины XVIII в. В некоторых работах допуска-

---

130 По имянному его императорского величества указу, отправлена его величества грамота ко всем жителям города Дербени 9 августа 1722 г., АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1722), л. 13.

131 К его императорскому величеству от наиба дербентского, полученном при Тарках августа в 12 дня 1722 г., АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1722), л. 37.

132 В. Лебедев. Ук. раб., стр. 28.

133 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 6; СИРИО, т. II, стр. 495; С. М. Соловьев. Ук. раб., стр 677.

134 О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем «Русский архив», 1899, № 12, стр. 485.

135 Ф. М. Алиев. Письмо бакинцев Петру I в 1722 г., «ДАН Азерб. ССР», 1964, № 7, стр. 57—60.

136 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 20 (1722), л. 12; ср. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 6.

137 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 20 (1722), л. 12.

138 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 95.

ются неточности, грамоту Петра I бакинцам путают с его первоначальным манифестом. П. Г. Бутков, в свое время допуская ошибку, писал: «...по занятии Дербента послан был от государя в Баку флота лейтенант Лунин, склонить жителей к послушанию и раздать манифест, коего содержание было такое, чтобы Бакинцы, для своей безопасности от бунтовщиков приняли российский гарнизон, по примеру Дербента; но Бакинцы приняв от Лунина манифест, самого его в город не пустили и ответствовали, что они, оборонявшись несколько лет от бунтовщиков без посторонней помощи, надеются и впредь без нее обойтися, и потому ни одного человека в гарнизон не примут»[139].

Примерно такое же высказывание встречаем у многих историков. Однако почти все они, в том числе А. Бакиханов[140], В. Н. Левиатов[141] и В. П. Лысцов[142], повторяют ошибки, допущенные ранее. Кроме того, они не совсем верно толкуют тот факт, что Ф. Лунин не был допущен в Баку. Ряд неточностей имеется и в первом томе «Истории Азербайджана», откуда можно заключить, что якобы «поручик» Лунин появился у стен Баку с «манифестом» еще до того, как Петр I с войском вошел в Дербент. А после занятия Дербента Петр I получил письмо от бакинских жителей[143]. В действительности же Лунин был отправлен в Баку 25 августа, после получения Петром I письма от бакинцев (22 августа) с ответной грамотой, а не с манифестом императора.

Следует напомнить, что в начале XVIII в. в Баку среди местной феодальной и городской верхушки образовались две группировки. Первая, возглавляемая Мухаммедом Кули, ориентировалась на Россию и стремилась к сближению с ней. Видимо, в этой группировке большую роль играли представители крупного купечества, которые вели обширную торговлю с Россией и дорожили этими отношениями. Другую группировку возглавлял бакинский султан Мухаммед Гусейн бек, возможно, опасавшийся в случае прихода русских потерять власть.

Можно предполагать, что на первоначальный манифест Петра I ответили в Баку сторонники российской ориентации, которых поддерживали представители простонародья, ремесленники и купечество во главе с Мухаммедом Кули. А что касается отказа бакинцев и недопуска Ф. Лунина в город, то, видимо, ответная грамота Петра I от 25 августа, посланная с Ф. Луниным и адресованная Мухаммедом Кули, попала в руки представителей другой группировки, возглавляемой бакинским султаном Мухаммедом Гусейн беком. В одном из источников читаем: «Хотя до сего времени жители города и охотно отдавались в покровительство государства [России]; но вдруг они, или паче начальники их поступили совсем противном образом»[144]. На наш взгляд, эта выдержка в некоторой степени обосновывает наше предположение.

С другой стороны, «прошение городской знати и простонародия» крепости Баку говорит о том, что еще при иранском владычестве в Азербайджане среди городской знати нарастала пророссийская ориентация, впоследствии явившаяся одним из факторов присоединения Азербайджана к России.

К Петру I, находившемуся в Дербенте, обращались и отдельные лица, просившие его принять их на российскую службу. В этом отношении характерно обращение приехавшего из Шемахи Муртузы Кули, родом из Дербента. Он лично явился к Петру I и, доложив о «шемахинском погроме», в конце беседы заявил, что «...желает он служить его императорскому величеству; и пребыть всегда в верности не щадя и живота своего». Некоторые азербайджанцы, не имевшие ни власти, ни богатства, без всяких просьб или жалоб, руководствуясь старинным адатом гостеприимства, прибывали в лагерь Петра I, чтобы поклониться ему. По этому поводу в архивном документе, датированном 23 августа 1722 г., читаем: «...при Дербене явился другой дербенский житель, что родом Кизилбашения... перешел в Дербень тому же лет с пятнадцать и имеет у себя жену и детей, и как де он услышал, что войска его императорского величества маршируют близко, то пришел он его величеству поклонница...»[145].

В Дербенте Петр I встретился с представителями различных сословий городов Шемахи, Сальяна, Решта, Тифлиса, Еревана и некоторых других, просивших о присылке в их города русских войск и принятии их в российское подданство[146]. Шемахинцы заявляли, что надеются «на милость» Петра I[147], так как «те народы, которые от ...персиан изобижены о пришествии вашего величества уведомились и о желании вашего величества ведать хотят»[148]. Далее, шемахинцы просили Петра I прислать к ним «...с подлинным известием об этом, чтобы мы, узнав желание вашего величе-

139 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 28—29.
140 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 105.
141 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 79—80.
142 В. П. Лысцов. Ук. раб., стр. 120.
143 «История Азербайджана», т. I, стр. 301—302.

144 О персидском походе, при государе Петре Великом бывшем. «Русский архив», 1899, № 12, стр. 486.
145 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18, (1722), л. 58.
146 А. Н. Гулиев. Из истории азербайджано-русских отношений XV—XVIII вв. Баку, 1958, стр. 30.
147 АВПР, ф. СРП оп. 77/1, д. 22, (1722), л. 2.
148 Там же.

ства, поступать могли»[149]. Таким образом, различные слои населения радушно относились к приходу русских войск во главе с Петром I. Сам император об этом сообщал сенату в своих письмах. Описывая восторженную встречу, оказанную русской армии населением Дербента, Петр I писал: «Правда, что сие люди нелицемерно любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили»[150].

Петр I был готов в соответствии с просьбой азербайджанцев принять их под свое покровительство. Однако неожиданные и неблагоприятные обстоятельства воспрепятствовали осуществлению ряда мероприятий, связанных с генеральным планом прикаспийского похода. В результате стихийного бедствия на море около Дербента был уничтожен почти весь запас провианта русской армии[151]. Кроме того, находившаяся в течение длительного времени в движении русская конница проявляла признаки усталости, лошади гибли от жары и жажды[152]. Немалую роль сыграл также и полученный Петром I недоброжелательный ответ из Баку, противоречащий намеченному плану Петра I о занятии прикаспийских областей в кратчайший срок. Наконец, не менее важную роль сыграли события, которые готовились на Балтике и угрожали нарушению стабилизации положения на севере, установленного Ништадтским миром.

Все эти неблагоприятные обстоятельства заставили Петра I вернуться обратно. Вернувшись из Дербента в Астрахань, он приказал в Казани и Нижнем Новгороде «со всяким поспешением построить 30 больших гекботов, как бы по вскрытии реки поплыли в Астрахань»[153]. Дальнейшее распоряжение Петра I, адресованное генерал-майору Матюшкину, было коротким и лаконичным: «Когда придут весною из Казани 15 гекботов, тогда с четырьмя полками на оных итти в Баке, и взять»[154]. Однако Петр I этим не ограничился и дал распоряжение лучше изучить пути в сторону Шемахи и Баку: «как удобнее с так великою армеею дойтись в оба места то есть в Шемаху и Баку»[155]. С целью топографического изучения дороги до Низабадской пристани было решено отправить специально выделенное лицо[156]. Одновременно дербентскому наибу Имам Кули было приказано собрать сведения «...подлинно о пути до Низовой, а от Низовой до Баки и от Баки до Шемахи»[157]. В то же время Петр I всячески старался препятствовать дальнейшему сближению Гаджи Давуда с Турцией. Петербургский кабинет даже дал секретное указание русскому резиденту в Стамбуле Неплюеву, чтобы он любой ценой помешал принятию Гаджи Давуда под турецкое покровительство.

Но турецкий султан действовал по своему усмотрению. Воспользовавшись возвращением Петра I из пределов Кавказа, он отправил Гаджи Давуду грамоту, обещая покровительство Турции на тех же условиях, что и крымский хан. Ему пожаловали ханский титул и власть над двумя областями — Ширваном и Дагестаном, тогда как Дербент и провинции Прикаспия к югу от него были заняты русскими войсками. Надо полагать, что султан, щедро отдавая прикаспийские провинции Гаджи Давуду, провоцировал его на столкновение с русскими войсками. В конце 1722—начале 1723 г. султан отправил Гаджи Давуду знамя — бунчук, 30 тысяч червонцев и свой фирман. Об официальном принятии Гаджи Давуда под турецкое покровительство примерно через два года его самостоятельного правления сообщает современник: «В 1720 году Шемаха взята от бунтовщиков, и главнейший их, именем Давудбек, оною владел сам собою до 1723 году и потом под протекцию турецкою до 1728 году»[158]. Об этом Петр I узнал после его возвращения из прикаспийского похода 13 февраля 1723 г., когда он принимал турецкого дипломата Нишли Мухаммед Аги и вел с ним беседу о событиях на Кавказе[159].

Касаясь вопроса взятия Шемахи, Дж. Ханвей писал: «Хаджи Давуд бек, начальник Шемахи, напуганный переходом Дербента в руки правителя (имеется в виду Петр I.— *Ф. А.*), который взялся за оружие, чтобы наказать его за неправильные поступки, послал нарочного в Константинополь, предлагая принять себя самого под протекторат Султана. Т. к. такое предположение соответствовало видам турок...—его приняли с большим удовольствием... и прислали, в связи с этим, знамена с конским хвостом, которые даруют в Турции Пашам только первого ранга»[160].

После того, как Турция официально признала вассальную зависимость Гаджи Давуда и фактически получила свободный доступ в Ширван, Петр I стал опасаться за свои позиции в Закавказье, ибо Шемаха стала официальной резиденцией Гаджи Давуда. В Баку же борьба между сторон-

---

149 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 22 (1722), л. 2.
150 СИРИО, т. 11, стр. 494, 495.
151 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 96; В. П. Лысцов. Ук. раб., стр. 123.
152 В. П. Лысцов. Ук. раб., стр. 123.
153 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 159.
154 Там же.
155 ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 30, л. 265.
156 Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные, ч. III, стр. 316—317.
157 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 13 (1722), л. 84.
158 И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 94.
159 О. П. Маркова. Ук. раб., стр. 27.
160 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 200.

никами России во главе с Мухаммед Кули и бакинским султаном Мухаммед Гусейном еще более обострилась.

Являясь противником российской ориентации, Мухаммед Гусейн сделал попытку связаться с Гаджи Давудом[161]. Он порицал поступок дербентского наиба Имам Кули, который в письме к Мухаммед Гусейну призывал его к дружбе с Российским государством. Получив это письмо, Мухаммед Гусейн заявил: «дербентский де наип сам крестился и людей своих в Дербене всех крестил, а я де того не учиню и государя российского с войским в Баку всякими мерами пущать не буду»[162]. Торгового человека Гамзу, доставившего письма дербентского наиба в Баку, султан хотел умертвить, а товарища его, принесшего весть о возвращении Петра I в Астрахань, вознаградить 10 рублями[163]. Однако жизнь Гамзы была спасена, ему помогли вернуться в Дербент Мухаммед Кули и его единомышленник Дергах Кули бек, заявившие при этом: «мы его императорскому величеству служить рады, понеже де мы и прежде сего до его императорского величества о том писали»[164].

Между тем, положение в Бакинской крепости все еще оставалось напряженным. С осени 1722 г. город переживал продовольственные затруднения, а с другой стороны, бакинский султан Мухаммед Гусейн поддерживал связь с Гаджи Давудом, который намеревался напасть «...на Баку и на протчие... города»[165].

До сих пор в исторической литературе бакинский султан Мухаммед Гусейн, не придерживавшийся российской ориентации, был известен как ставленник и сторонник Ирана. Однако архивные документы свидетельствуют о его связях с Гаджи Давудом. Следовательно, в данном случае бакинский султан Мухаммед Гусейн выступает как союзник противника шахской власти. Это дает основание полагать, что Мухаммед Гусейн как феодал, побуждаемый личными интересами, хотел избавиться от иранского господства. Кроме того, имеются достоверные сведения, что бакинский султан уже несколько лет как перестал платить казне проценты из получаемых им пошлин с торговли[166]. Шахское управление, не сумев привлечь к ответственности бакинского султана, который почти перестал подчиняться, хотело путем увеличения

161 В. П. Лысцов. Ук. раб., стр. 126.
162 Там же.
163 Там же.
164 Там же.
165 ЦГАДА, ф. 9, оп. 2, д. 59, л. 841.
166 Петр I. Инструкция когда даст бог Баку возьмем что чинить. В. В. Комаров. Персидские войны 1722—1725 гг. (Материалы по истории царствования Петра Великого). «Русский вестник», 1867, т. 68. № 4, приложения, стр. 598.

жалованья «служивым» людям, составляющим шахскую администрацию, поправить свое пошатнувшееся положение: вместо 30 рублей каждому «служивому» лицу назначалось 50 рублей жалованья[167].

Есть основание полагать, что Мухаммед Гусейн не выражал мнения подавляющего большинства населения города Баку. Так, примечателен архивный документ, составленный по ответам на вопросы случайно схваченных двух «языков». Документ составлен 3 сентября 1722 г., уже после возвращения Лунина. Одного из них допрашивали в русском лагере. Это был нахичеванец по имени Мамед Касимов. На вопрос: «Про приход в здешние края войск его императорского величества, какое Дауд бек, Усми и Суркай, и в Шемахе и в Баке жители мнение и рассуждение имеют?»[168] он ответил: «О приходе де войск его императорского величества в здешние края Дауд беку зело противно и сколько может он противиться оным, а Усмее де Суркая какие мнение и рассужление о приходе российских войск имеют про то он не ведает, а из шемахинских де жителей, которые партии шаховой, те желают пришествие к себе войск в протекции его величества, а которые де шемахинские жители партии Даудбекской, и тем приход войск российских противен, а бакинские де жители о приходе российских войск зело радуются и желают быть в протекции его императорского величества»[169].

Другой допрашиваемый по имени Раджаб ответил на аналогичный вопрос: «О приходе де войска его императорского величества в здешние края Даудбек, Усмий и Суркай какое мнение и намерение имеют он не знает, а город де Бака желает быть в протекции его императорского величества...»[170].

Отметим, что хотя русской армии и не удалось в 1722 г. дойти до Шемахи и Баку, Петр I все же остался доволен первоначальными результатами похода. По поводу занятия Дербента император сообщил сенату: «...тако в сих краях... фут получил, чем вас поздравляю»[171]. Такой подход императора Петра I к походу, который стоил государству огромных средств и людских потерь, станет более понятным, если учесть, что Петр I первоначально считал вполне достаточным «хотя фут в персидских рубежах получить»[172]. Однако после возвращения в Россию император решил уже овладеть

167 Матюшкин. Пункты докладные Вашему Императорскому Величеству (Петру I). См. В. В. Комаров. Ук. раб., приложение, стр. 608.
168 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 24 (1722), л. 60.
169 Там же.
170 Там же, л. 62.
171 Материалы для истории русского флота, ч. IV, СПб, 1867, стр. 491.
172 Там же, стр. 331.

побережьем Каспийского моря полностью. На первом месте стояло занятие Баку — важного стратегического пункта для упрочения положения России на западном побережье Каспия. Очень четко политика Петра I в отношении Баку сформирована в его инструкции генерал-майору Матюшкину: «Итти к Баку... и тщится с помощью Божиею конечно тот город достать, яко ключ всего нашего дело в сих краях».

Еще будучи в Дербенте, после возвращения подпоручика Лунина с отказом из Баку, 30 августа Петр I писал, что пока Баку и Ширван еще не взяли, а если возьмем «и тогда о том надлежащее рассмотрение учинено будет»[173]. Однако Петр I, исходя из дружелюбного отношения большинства бакинцев, настолько был уверен в занятии Баку, что преждевременно дал указание Матюшкину об усилении обороноспособности Бакинской крепости после ее занятия[174]. В особенности следовало укрепить и умножить артиллерию крепостных стен. Эти указания содержатся в инструкции Петра I, посланной им 4 ноября 1722 г. из Астрахани под любопытным названием «Инструкция когда даст Бог Баку возьмем что чинить».

После занятия Баку Матюшкин должен был овладеть устьем реки Куры и построить там на надежном месте небольшую крепость для 300 человек[175]. В дальнейшем Петр I намеревался в устье реки Куры основать большой торговый город наподобие города в устье реки Невы—Петербурга.

Для своевременного обеспечения намеченной экспедиции в Баку Петр I приказал в Казани и в Нижнем Новгороде построить еще около 100 крупных и малых судов.

Подготовка к походу в Баку совпала с другим не менее важным событием. Дело в том, что афганцы, захватив Исфаган, продолжали свое наступление на другие города Ирана. Вскоре угроза нависла и над гилянцами, которые, в свою очередь, обратились за помощью к России. Так как этот неожиданный оборот дел вполне соответствовал планам Петра I, то последний, не теряя времени, отдал приказ об отправке военной экспедиции к южным берегам Каспийского моря.

В декабре 1722 г. российская эскадра во главе с полковником Шиповым без единого выстрела вступила в Энзелинский порт, а затем русские войска заняли и город Решт.

Между тем, шах Тахмасиб II Сефевид, не ведая о занятии русскими войсками почти всего юго-западного побережья Каспия, снарядил посольство во главе с Исмаил беком и отправил его в Петербург, чтобы тот от имени иранского государства просил у Петра I военной помощи в борьбе с афганцами, взамен обещав ему уступить некоторые города, в том числе Дербент и Баку. Узнав о занятии русскими войсками Решта, Тахмасиб II отправил гонца вернуть Исмаил бека. Однако русские власти под разными предлогами задержали гонца, пока Исмаил бек не отплыл на русских судах в Россию, где был принят очень доброжелательно.

[173] ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 30, л. 298.

[174] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 17 (1722), л. 62.

[175] Собственноручный указ Императора Петра I генералу Матюшкину. См. В. В. Комаров. Ук. раб., Приложения, стр. 602.

Получив в лице Гаджи Давуда влиятельного вассала и союзника в Закавказье, турецкий султан начал усиленную подготовку к наступлению в пределы Закавказья. В пограничных полосах страны комплектовались отряды, заготавливались запасы провианта. В этой связи даже «арзурумский паша запретил вывоз пшеницы из турецких владений в персидские»[176]. Сделав соответствующие приготовления, турецкие войска под командованием Ибрагим паши и Ариф Ахмед паши направились в сторону Закавказья[177].

Следует отметить, что на завоевание Закавказья Турцию подстрекали западноевропейские государства, прежде всего Франция и Англия[178]. «Франция, игравшая роль «посредника» между Турцией и Россией, фактически разжигала противоречия между этими государствами»[179]. Английский и венецианский послы, а также австрийский резидент, подстрекая Турцию к войне, сообщали главному турецкому визирю, что русские с 100-тысячной армией вступили в пределы Закавказья, когда они возьмут Ширванскую, Ереванскую области и часть Грузии, тогда грузины и армяне, ныне находящиеся под властью турецкого султана, «сами вступят под русское покровительство»[180].

Иранский историк I половины XVIII в. Мухаммед Казим, касаясь турецкой интервенции в Закавказье, писал, что якобы без особых усилий турецким войскам удалось захватить ряд городов — Тифлис, Гянджу, Ахар, Ереван, Нахичевань, Тебриз, Марагу, Гамадан, Керманшах и др.[181] Однако, как следует из архивных документов, закавказские народы повсеместно оказали турецким войскам упорное сопротивление. В эти тяжелые для Азербайджана дни не только про-

[176] П. С. Гиланец. Дневник осады Исфагани..., СПб, 1870, стр. 36. Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 201.

[177] Мухаммед Казим. Наме-йи алем ара-йи Надири... М., 1960, т. I, л. 33 а.

[178] См. подробно А. А. Абдурахманов. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана. Баку, 1964, стр. 33—35.

[179] Там же, стр. 34.

[180] С. М. Соловьев. Ук. раб., стр. 691.

[181] Мухаммед Казим. Ук. раб., л. 33 а.

стое население, но и часть феодальной верхушки, временно позабыв о междоусобных войнах, решили сплотить свои ряды и преградить путь врагу. Ярким примером тому может служить акт заключения договора перемирия между армянской феодальной верхушкой и духовенством, с одной стороны, и гянджинской феодальной знатью и духовенством, с другой.

Инициаторами заключения подобного договора были армяне, проживающие в Карабахе, которые, опасаясь быть истребленными турецкими завоевателями, обратились к феодальной верхушке Карабахского беглярбекства (центр — Гянджа) с предложением заключить договор о совместной борьбе против турецких агрессоров, которую обещало поддержать русское государство.

П. Т. Арутюнян, исследователь истории освободительного движения армянского народа в первой четверти XVIII в., опубликовал ряд архивных документов, относящихся к истории освободительного движения в Карабахе. В частности, П. Т. Арутюнян освещает взаимоотношения карабахских армян с гянджинцами, их совместные усилия в деле организации сопротивления турецкой агрессии [182].

Пока шла договоренность о совместном сопротивлении врагу, многочисленная турецкая армия, захватив Тифлис, продвинулась дальше на Восток с намерением овладеть всем Закавказьем. Однако в Гяндже турецкие войска встретили героическое сопротивление азербайджанцев и армян, которым помогали кахетинцы во главе с Константином II. Несмотря на то, что противник обладал сильной артиллерией и «...четыре тысячи бомб едином разом бросил» [183] в город Гянджу, все же под натиском народного ополчения он вынужден был покинуть свои позиции и отступить в беспорядке [184].

Все источники, по-разному описывая поражение турецких войск под Гянджой, сходятся к одному: турецкие войска под ударами гянджинских отрядов были разбиты наголову. Вот один из этих вариантов: «Когда противник подошел к Гяндже, гянджинцы после долгих переговоров, будто согласились на добровольную сдачу города и заранее подготовив ловушку для неприятеля впустили его в город. Как только турецкие войска вошли в крепость, тут же за ними закрылись ворота крепости и враг очутился в западне. Очутившись на незнакомых узких улицах, турецкие войска растерялись и, понеся большие потери, покинули город и пустились в бегство по направлению к Турции» [185].

[182] П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954.
[183] ЦГАДА, Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 525 а.
[184] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 202.

О героических подвигах азербайджанского народа в борьбе с турецкой агрессией в Гяндже говорится и в архивных документах. В одном из писем, полученном армянином Ильей Мушега от некого Али Наги, говорится, что «между османцами, наступающими на Гянджу и жителями Гянджи семь раз происходили бои: всякий раз османцы оказывались разбитыми». По данным автора письма, в этих боях турки потеряли 5 тыс. человек [186].

В другом документе говорится: «...османцы [наступающие на Гянджу] бежали [ибо] потеряли 2000 человек: [они] направились в Тифлис, а часть из них в Константинополь, чтобы известить Хондкара [султана]...» [187]. Армянский священник в письме к дербентскому коменданту Юнгеру отмечал: «...в Гандже побито 9 тысяч человек турок, а достальные ушли в город Тефлис, и из оных ушедних половина осталась в Тефлисе, а половина пошла в Константинополь для учинения своему султану известия, и чтоб нынешним летом с знатным числом войска паша возвратитца» [188].

О разгроме гянджинцами многочисленных турецких войск говорится в письме самих же гянджинцев Петру I [189].

Угроза захвата Турцией всего Закавказья и выхода ее к Каспийскому морю заставила Петра I поторопиться с военной экспедицией в сторону Баку. Свои опасения Петр I письменно изложил генерал-майору Матюшкину: «Получена ведомость из Грузии, что турки оных уже принудили в подданство и паша идет к Шемахе; зело опасно, чтоб не захватил Баку...» [190].

С целью опередить турок Петр I торопил Матюшкина с походом и велел ему, не дожидаясь постройки судов в Казани и Нижнем Новгороде, «сколько есть судов» [191] в Астрахани взять и отправиться в Баку с послом Ирана Исмаил беком, который обещал императору Петру I склонить бакинского султана к сдаче города русским войскам без боя [192].

Российский флот из Астрахани отправился в сторону

[185] Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, стр. 11; Г. А. Эзов. Ук. раб., стр. 364; М. М. Альтман. Исторический очерк города Гянджи. НАИИ, инв. 1691, стр. 21—22.
[186] АВПР, ф. СРП, д. 15-А (1724), л. 22; см. П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 170.
[187] Там же.
[188] Г. А. Эзов. Ук. раб., стр. 364.
[189] ЦГАДА. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 520.
[190] ЦГАДА, ф. 9, оп. 1, д. 30, л. 368; Собственноручный указ Императора Петра генералу Матюшкину. См. В. В. Комаров. Ук. раб., приложения, стр. 602.
[191] Там же.
[192] В. В. Комаров. Ук. раб., стр. 602.

Баку под командованием Матюшкина 20 июня 1723 г. Вся эскадра была разделена на три отряда. Первым отрядом командовал сам Матюшкин, вторым — генерал-майор князь Трубецкой, третьим — бригадир князь Барятинский. Капитаны-лейтенанты князь Урусов, Пушкин и Соймонов были «главнейшими морскими офицерами при трех частях эскадры»[193]. Артиллерией командовал майор Гербер.

6 июля эскадра прибыла в Бакинский залив к морским стенам Бакинской крепости[194], которая считалась самой сильной укрепленной крепостью на всем побережье Каспийского моря. «Город сей,—говорится в документе того времени,—есть весьма изрядной и крепкой, пушек и ружья в оном довольное число»[195].

По прибытии в Бакинскую крепость генерал-майор Матюшкин в тот же день отправил в крепость майора В. Нечаева с письмом «персидского посла Измаил бека к султану, главнейшему начальнику города Баки, в котором посол старался склонить султана, чтоб он сдал город российских войск предводителю»[196].

Кроме письма Матюшкин велел В. Нечаеву передать бакинскому султану, что он прибыл «...чтоб принять город в защищение против бунтовщиков, и того ради он уповает, что султан не будет препятствовать сие намерение исполнить, но паче поступить по предложенному от Измаил-бека совету»[197]. Однако бакинский султан Мухаммед Гусейн категорически отказался допустить русские войска в Баку.

По замыслам Матюшкина, план овладения Баку предусматривал комбинированную атаку с моря и суши. Четыре батальона пехоты во главе с полковниками Астафьевым и Безбородным были назначены к выходу на берег, чтобы атаковать крепость с суши. Командующий артиллерией Гербер получил указание держать в готовности два бомбардирских гекбота и еще 5 других, вооруженных 18-фунтовыми медными пушками, для подготовки атаки Бакинской крепости со стороны моря[198].

193 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 159—160. С. Б. Ашурбейли. Очерки по истории средневекового Баку. Баку, 1964, стр. 254—256.
194 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 60 б.
195 ЦГАДА, ф. 9, д. 30, л. 327.
196 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 60 б; ср. Собственноручный указ императора Петра I генералу Матюшкину. СПб., 13 мая 1723 г.; В. В. Комаров. Ук. раб., Приложение, № 6, стр. 602; Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 204.
197 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 12; Описание походов при Петре Великом в Персию. См. Материалы Военно-учетного Архива Главного штаба под. ред. А. Ф. Быковича. СПб., 1871, стр. 539; Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 160.
198 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 12; Материалы Военно-учетного архива, стр. 533; Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 161; С. Б. Ашурбейли. Ук. раб., стр. 254.

21 июля в 7 часов утра по сигналу началась высадка десанта на берег под прикрытием одного большого бота и нескольких бус. Эта операция была произведена так поспешно, что бакинский гарнизон не успел оказать никакого препятствия высадке российских войск. Однако едва последние добрались до берега, как конница бакинского гарнизона совершила вылазку из города в надежде, что русские еще не успели перебросить на берег артиллерию и она сможет сбросить высадившиеся войска в море. Но к этому времени русские войска уже успели установить на берегу батареи, вооруженные одной 5-пудовой мортирой, двумя 2-пудовыми мортирами и двумя 2-пудовыми гаубицами. При приближении конницы бакинского гарнизона русские батареи открыли «скорую стрельбу». Внезапный артиллерийский огонь застал конницу бакинцев врасплох; не выдержав артиллерийского огня, она поспешно устремилась к городу[199].

Одновременно с высадкой десанта к городу подошли 7 гекботов. Два из них, вооруженный каждый двумя пудовыми мортирами, должны были бомбардировать город. Остальные пять гекботов с 10- и 12-фунтовыми пушками предназначались для открытия бреши в крепостной стене со стороны моря. Русские суда встали полукругом перед бакинской крепостью. Бакинский гарнизон подвергал российские корабли непрерывному обстрелу из орудий, установленных на крепостных стенах. Русские корабли, приняв бой, дали ответный артиллерийский огонь. Пушечная дуэль продолжалась не более часа, ибо маленькие крепостные пушки не смогли соперничать с мощной корабельной артиллерией. К тому же в городе вспыхнул сильный пожар. Но обстрел крепости все продолжался. В ответ из города производили неоднократные конные вылазки на батареи, которые каждый раз успешно отражались русскими войсками. В результате четырехдневного обстрела на крепостной стене образовалась значительная брешь.

План атаки предусматривал нанесение главного удара со стороны моря. Войска, находившиеся на берегу, должны были произвести ложную тревогу, чтобы отвлечь внимание защитников крепости от направления главного удара. Тем временем оставшиеся войска должны были высадиться с судов на берег и штурмовать город со стороны моря. Однако из-за сильного шторма атаку пришлось отложить, ибо поднявшийся в ту ночь сильный ветер настолько оттянул назад суда, что «стрельбу продолжать было невозможно»[200].

Воспользовавшись временным затишьем, осажденные за

199 ЦГАДА, Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 63; л. 740; С. Б. Ашурбейли. Ук. раб., стр. 255.
200 Материалы Военно-учетного архива, стр. 534.

ночь полностью заделали брешь. Матюшкин готов был на следующий день повторить обстрел города и городской стены, однако во избежание бесцельного кровопролития русское командование попыталось склонить бакинские власти к сдаче города без боя. В 11 часов утра 27 июля русскими был задержан житель апшеронского села, везший в город арбузы, по имени Мухаммед Заур, с которым Матюшкин отослал в город письмо к городским властям, «...в котором пристойным образом об упорстве их сделал выговор, свойственной с угрозами победителей»[201] и предлагал сдаться безоговорочно[202].

Письмо Матюшкина[203] сыграло решающую роль в борьбе между группировками в Баку. Видимо, бакинский султан Мухаммед Гусейн сдал свою позицию[204], так как на письмо Матюшкина ответили не султан города, а юзбаши Дергах Кули бек и его брат Гаджи Эмин, сторонники российской ориентации, которые примерно год назад подписали письмо бакинцев на имя императора Петра I[205]. Дергах Кули бек и Гаджи Эмин через своего представителя Гариба Рахматова просили передать Матюшкину, что они в принципе согласны сдать город русским властям, однако для подготовки к достойной встрече им необходима отсрочка. Но Матюшкин, не доверяя им, решительно отказался от отсрочки и потребовал, чтобы русские войска были впущены в город утром 28 июля. Свое требование Матюшкин велел Гарибу Рахматову передать немедленно и в тот же день, хотя бы ночью, возвратиться с ответом.

Гариб Рахматов в ту же ночь вернулся в лагерь русских войск и объявил, что завтра утром будет специальная делегация с официальным уведомлением о сдаче бакинской крепости.

На следующий день в 5 часов утра из Баку прибыла делегация из 9 человек во главе с отцом Дергах Кули бека и братом Хаджи Эмином. Видимо, сам Дергах Кули бек оставался в городе, готовясь к встрече русских войск. Делегация, приветливо встреченная в русском лагере, заявила о готовности бакинцев сдать город русским властям, которые «...во учиненой противности просят прощения»[206].

---

201 Материалы Военно-учетного архива, стр. 534.
202 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 164.
203 Там же.
204 А. А. Бакиханов пишет, что еще до прибытия русских Дергах Кули бек убил бакинского султана и «принял на себя титул хана». (Ук. раб., стр. 108). Однако это сообщение не соответствует действительности.
205 В документах имя Мухаммеда Кули с этого момента больше не упоминается. Видимо, в то время его уже не было в живых.
206 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 14; Материалы Военно-учетного архива, стр. 535; Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 165.

Матюшкин потребовал, чтобы для вступления русских войск в город были открыты городские ворота со стороны русских батарей и чтобы городские правители встречали бы их. Делегация попросила несколько часов времени для открытия крепостных ворот, которые во время осады были засыпаны землей. Матюшкин согласился на это, одновременно написав договорные пункты и отослал их с делегацией в город[207]. Уже к часу дня город готов был принять российские войска, которые «...строем в город пошли с распущенными знаменами и с барабанным боем и с музыкой»[208]. Неподалеку от бакинской крепости население города во главе с правителями его встретило русские войска «...зело радостно с хлебом и солью»[209]. В другом источнике написано: «Бакинские жители почти все вышли за город, без оружия, уведомили генерал-майора, что все ко вшествию россиян готово. Шествие в город происходило в наилучшем порядке...»[210].

Приветствуя русских, городские власти преподнесли генерал-майору Матюшкину четыре ключа от всех городских ворот. Вступив в город, российские войска тут же заняли посты на башнях, стенах, у ворот, пороховой казны и пушек[211].

Вслед за тем в город было доставлено с судов 14 пушек, продовольствие и амуниция. Солдатам отвели место в двух караван-сараях — армянском и индийском[212]. В «знатнейшей мечети» русское командование учредило гауптвахту[213].

В городе было обнаружено 80 медных и чугунных пушек, две большие гаубицы без станков, малое количество пороху и еще меньше ядер к гаубицам[214].

Бакинский гарнизон состоял из 700 солдат, которыми к приходу русских войск в город командовал юзбаши Дергах Кули бек. Русское командование, учитывая доброжелательное отношение последнего, приняло его на российскую военную службу[215].

Русские войска с первых же дней вели себя в Баку сдержанно, командование категорически запретило насилие и грабежи. Поведение русских солдат и властей не могло не отразиться на настроении бакинцев в их обращении с русскими солдатами.

---

207 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 14; Материалы Военно-учетного архива, стр. 535; Ф. И. Соймонов. Ук. раб. стр. 165.
208 ЦГАДА, ф. СРП, оп. 2, д. 63, л. 741.
209 Там же; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 19.
210 Материалы Военно-учетного архива, стр. 535
211 ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 63, л. 41.
212 Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 166.
213 Там же.
214 Там же.
215 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1539, л. 17; Материалы Военно-учетного архива, стр. 535—536; Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 166; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 48.

Следует также отметить, что бакинцы, в особенности ремесленники и купцы, издавна были знакомы с русскими. Многие азербайджанские купцы подолгу жили в русских городах и наоборот. Деловая торговая связь укрепляла дружбу между представителями двух народов. И поэтому не случайно, как сообщают источники, русские войска были встречены местным населением радушно и доброжелательно.

Свидетелем тому является письмо самого Матюшкина Петру I от 18 августа 1723 г.: «оной Дергах Кули бек и протчие обыватели являются к стороне вашего императорского величества склонны и как видица, во всем оные показывают доброжелательство»[216].

Сопротивление же бакинского гарнизона можно объяснить, как мы указывали выше, лишь позицией бакинского султана Мухаммед Гусейн бека, по-видимому, желавшего создать в союзе с Гаджи Давудом независимое султанство. Источники сообщают, что Мухаммед Гусейн бек имел постоянную связь с Гаджи Давудом и даже перед приходом русских войск намеревался сдать ему город[217].

Воспользовавшись ослаблением центральной власти в Иране, Мухаммед Гусейн бек действовал самовольно. Это он приказал запереть городские ворота перед русскими войсками и всем «быть в городе безвыходно». Об этом Матюшкину сообщали бакинские жители в своем письменном обращении от 15 августа 1723 г.[218] О недружелюбном отношении Мухаммед Гусейн бека к русским доносил Матюшкину и Дергах Кули бек[219]. Русское командование отослало Мухаммед Гусейна и его братьев под стражей в Астрахань, откуда их, по личному указу Петра I, перевезли в Рогачевск[220].

Петр I, внимательно следивший за ходом боевых действий в прикаспийских областях, с большим удовлетворением узнал о занятии Баку русскими войсками. В ответ на письма Матюшкина о занятии Баку Петр I собственноручно писал: «Письмо Ваше через адьютанта Вульфа я 4-го сего месяца получил, с великим довольством что вы Баку получили (ибо не без сомнения от Турков было); за которые Ваши труды Вам и всем при вас и оном деле трудившимся благодарствуем и повышаем вас чином Генерала-Лейтенанта, что же при сем случае вам чинить о том прилагается указ»[221].

По поручению Петра I, в честь занятия Баку был дан салют пушечными залпами. «Не малое и у нас бомбардирование того вечера было тогда сия ведомость получена», — писал сам Петр I.

После занятия Баку по намеченному плану предстояло овладеть устьем реки Куры. Эта акция была проведена русскими войсками без затруднений, ибо к этому времени сальянский наиб Мухаммед Гусейн бек, а затем талышский владелец Мир-Аббас бек уже успели заявить русским властям о своей покорности России[222].

Между тем события, развернувшиеся на Апшероне, отнюдь не устраивали Турцию, которая сама замышляла захватить Баку. В этой связи по поручению турецкого султана представитель Турции в Шемахе Осман паша 6 августа 1723 г. отправил в Баку Матюшкину письмо, в котором выражалось недовольство турецких властей по поводу занятия Баку русскими войсками. Дух письма даже был несколько воинственным[223].

Это обстоятельство насторожило русское командование, которое поторопилось закрепить за собою все западное побережье Каспийского моря. Тем более, что доброжелательное отношение населения обещало удачный исход похода на юг.

В этой связи Матюшкин поручил бакинскому коменданту бригадиру Барятинскому заняться отправкой войск в Сальяны. Учитывая дружеское расположение местного населения к русским, Барятинский решил отправить туда батальон драгунов под командованием подполковника Зимбулатова численностью в 500 человек, которых морем перебросили к устью реки Куры. Подполковник Зимбулатов принял ряд мер для укрепления этого места. Несмотря на вероломное нападение на русское командование в Сальянах («подполковник Зимбулатов и все офицеры, хитростью княгини[224] будучи вызваны в гости, убиты»[225]), с занятием Баку и Сальян завершился первый этап присоединения прикаспийских провинций к России.

Воспользовавшись пребыванием иранского посла Исмаил бека в России, Петр I поставил перед ним вопрос об «...ус-

---

216 ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 63, л. 745.

217 Там же, л. 752; См. также В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I (1722—1723). М., 1951, стр. 126.

218 Там же.

219 Материалы Военно-учетного архива, стр. 536.

220 Резолюция Петра I на пункты, доложенные ему Матюшкиным. см. В В. Комаров. Ук. раб., (приложения), стр. 608.

221 Собственноручное письмо Петра I к Матюшкину. См. В. В. Комаров. Ук. раб., (приложения), стр. 608.

222 ЦГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. II, кн. 63, лл. 477, 774, 763—764.

223 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1723), л. 132.

224 Жена сальянского наиба Мухаммеда Гусейн бека. В архивных документах она названа «сальянской ханум».

225 Материалы Военно-учетного архива, стр. 537; Ф. И. Соймонов. Ук. раб., стр. 178—179.

туплении тех провинций», в которых уже находились российские войска (от Дербента до Гиляна), а также Шемахи, Мазандарана и Астрабада[226].

Исмаил бек — посланник шаха Тахмасиба II будучи сторонником российской ориентации 12 сентября 1723 г. заключил с русским правительством договор, в основу которого легли предложения, выдвинутые петербургским кабинетом. Вторая статья данного договора гласила «...его шахово величество уступает императорскому величеству Всероссийскому в вечное владение городы Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, також де и провинции Гилянь, Мазандарань и Астрабад, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег»[227].

Однако шах Тахмасиб II категорически отказался от ратификации Петербургского договора, обвинив при этом посла Исмаил бека в измене. Когда князь Б. Мещеряков, откомандированный в Иран по вопросу ратификации Петербургского договора, заговорил о цели своего приезда, главный визирь заявил ему, что они Исмаил беку никакого полномочия не давали, а потому о ратификации договора «...слышать не хотят»[228]. После этого Исмаил бек не рискнул вернуться на родину. По указу самого императора, ему отвели квартиру в Астрахани, где он оставался до конца своей жизни. При этом император назначил ему солидное жалованье[229].

В это время Тахмасиб II не обладал никакой реальной властью. Находясь в Астрабаде, куда он бежал из столицы, спасаясь от афганцев, он не был в состоянии организовать оборону своих владений от угрожавшей им турецкой оккупации. Это хорошо понимал Петр I, и поэтому он всячески старался не допустить Турцию к Каспийскому морю в тот период и, по возможности, ограничить масштабы ее агрессии в Закавказье.

Между тем, турецкая агрессия принесла много ущерба большой части азербайджанских земель. Турецкая конница

---

226 ЦГАДА. Царские подлинные письма, т. XII, № 11, л. 101—102. Инструкция коллегии иностранных дел от 29 августа 1723 г. См. история СССР, XVIII в., М., 1954, стр. 614.

227 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1 (1723), д. 15; Трактат 1723, сентября 12, лл. 14б—17. С. М. Соловьев. Ук. раб., стр. 688; ПСЗ, т. III, № 4298; История СССР, XVIII в. (первая четверть), стр. 614—615.

228 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1724), лл. 64, 75, 79.

229 Там же, л. 11, 17.

топтала посевы, разоряла и грабила города и села, разрушала оросительные системы. Все это в конечном итоге приводило к сокращению продовольственных ресурсов страны. Так, в Карабахском беглярбекстве, особенно в Гянджинской области, турецкие войска во время отступления уничтожили все посевы. В этом отношении интересно анонимное письмо из Гянджи бакинскому юзбаши Дергах Кули беку. В нем говорится: «...Гянджинские имеют великую скудность в хлебе»[230]. Кроме того, население как Карабахского, так и Тебризского беглярбекств не было гарантировано от нападения турецких войск. В то время, когда западной и юго-западной частям Азербайджана грозила реальная опасность со стороны Турции, местное население, осведомленное о более гуманном поведении российских войск в прикаспийских областях, обратилось к ним за помощью. Приводим выдержку из письма гянджинцев бакинскому коменданту Барятинскому, у которого они просили помощи: «Вашему превосходительству доносим, что повелитель турской своим злым умышлением мирные договоры ныне нарушил и учинил на страну нашу воинское нападение, в провинции Ереванской разорил христианскую церковь Святые Троицы, и пресек христианскую веру, а из наших мечетей зделал конюшни. И после того прислал семьдесят тысяч войска с пашами, с артиллериею, и с пушками, и с бомбами для взятия города Гянджи. И мы имели с ними жестокий бой осемнадцать дней и многих из них погибли великих пашей, и шествием его императорского величества оное войско весьма разбили... турецкий повелитель готовятца паки на нас для отмщения победы нашей, и мы надеемся в том на его императорское величество, что его величество всегда государю нашему чинит вспомощение, просил чтоб его величество изволил счислить нас яко подданых своим прислать к нам на оборону провинции Генджинской... А ежели российских войск не пришлетца вскоре, то неприятели наши к нам придут в город Генджу возмут и нас разорят и провинцию нашу всю опустошат»[231]. В конце данного письма имелись вместо подписей восемьдесят шесть печатей.

Однако усилившаяся турецкая агрессия и внешнеполитическое положение России не дали возможности последней откликнуться на зов местного населения других областей Азербайджана. Между тем, турецкие войска, наголову разбитые в Гяндже, готовились к новым наступлениям. Их временное отступление дало возможность карабахским армянам и гянджинцам составить текст договора о совместном

---

230 ЦГАДА. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 526.

231 Там же, л. 551и об.

сопротивлении общему врагу. Русский перевод этого договора впервые опубликован П. Т. Арутюняном в 1951 г.[232]

Союз армян с азербайджанцами на территории Азербайджана, как справедливо отмечает П. Т. Арутюнян, следует рассматривать, «...как часть общей борьбы армянского, азербайджанского и грузинского народов против турецкого нашествия»[233].

Однако и азербайджанцы, и армяне хорошо понимали, что одними внутренними силами им не устоять против многочисленной, оснащенной военной техникой турецкой армии. Поэтому население Гянджи, не получившее определенного ответа из Баку, решило обратиться с письмом непосредственно к Петру I. Азербайджанский народ к тому времени убедился, что, несмотря на различие языка и веры, русские войска в занятых ими провинциях ведут себя более гуманно, чем их единоверцы—турки, которые в захваченных ими местах творят неслыханные бесчинства и занимаются грабежом и насилием. Это способствовало тяготению народных масс к России и усилению российской ориентации среди широких слоев населения. Среди писем с просьбой о принятии под русскую «протекцию» интересны совместные письма карабахских армян и гянджинцев Петру I от 19 до 29 мая 1724 г. Так как содержание этих писем почти идентично, приводим одно из них, под которым имеется наибольшее количество печатей-подписей: «В листе к его императорскому величеству от генджинских и карабацких жителей, полученном в Москве при доношении от 29 мая 1724 года по переводу написано.

Доношение нижайших рабов генджинских и карабацких жителей.

Вашему императорскому пресветлому величеству и веры мессийской охранителю доносим, что ныне турецкой повелитель, который между его шаховым величеством имел мирные непоколебимые договоры, ныне собрав 70000 войска с несколькими великими пашами для взятия провинции Генджинской и Карабацкой прислал и мы, чистосердечные служители, всеусердно с оным безверником несколько раз имели бой, которых божиею милостию при сиятельнейшем и честнейшем здешнем великом министре Беглярбегом тысячь десять или 12 побили до смерти, а достальные из оного места ушли уходом, которые для отмщения хотят паки на нас собранием притти. А ныне слышим мы, что ваше императорское величество намерились для вспоможения нам против оных неприятелей быть в страны нашу, и мы о том зело радуемся. Також слышим, что ваше императорское величество с его шаховым величеством стали быть в крепком союзе и ныне неприятельство салтана турецкого с его шаховым величеством яко солнце видно. И для того отправили мы к вашему императорскому величеству для предложения наших суших приятств и доброжелательства одного из верных своих, чтоб вашему величеству о том донести дабы ваше величество был известен, что здешние обыватели вашему величеству все доброжелательны, а народу турскому злоумышленному неприятеля, и повеления салтана турского никогда не слушаем, и от того бегаем, и за то, что ваше императорское величество с его шаховым величеством в крепком союзе обретается, то нам изволите приказать, все усердно служить готовы; и тогда, турецкой повелитель о взятье провинций наших помышлять будет, то просим чтоб ваше величество изволило отправить к нам несколько знатных людей своих, через которых бы оные злоумышленные турки о взятье наших провинций могли отложить свое намерение, что весьма приятно будет его шахову величеству, за которую милость ваше величество благодарить будем.

Позади того письма 161 печать чернильные тамошних обывателей»[234].

Среди архивных документов имеются письма на имя Петра также и от представителей духовенства, юзбашей, «начальных людей» и прочих «обывателей Гянджи», что, несомненно, является доказательством тому, что тяготение к Русскому государству существовало не только среди народных масс, но и среди феодальной верхушки, притом мусульманской. Приведем более характерные из этих писем:

«Вашему пресветлому императорскому величеству доносим, что повелитель турской своим злым умышлением мирные договоры, которые через 200 лет непоколебимо были, ныне нарушил и учинил на страну нашу воинское нападение в провинции Иреванской разорил христанскую церковь Святые Троицы и пресек христианскую веру, а из наших мечетей зделал конюшни. И после того прислал семьдесят тысяч войска с пашами, с артиллерией и с пушками и с бомбами для взятья города Генджи. И мы имели с ними жестокий бой 18 дней и многих из них побили великих пашей, и щастием вашего императорского величества оное войско весьма разбили. И он, турской повелитель, своим неприятельским злоумышлением послал многое число войска в город Тефлис, которые тем городом и доныне владеют и жителей тамошних христианских разоряют, и жен и детей в полон берут, а из христианских церквей зделали конюшни, чего ни по ка-

---

232 П. Т. Арутюнян. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20 годах XVIII века за присоединение к России. «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. III, 1951.

233 П. Т. Арутюнян. Освободительное движение армянского народа, стр. 178.

234 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 11 (1724), л. 995, 997.

кому закону не делаетца, и в Меку и во Иерусалим для моления нас не пускают и уготовятца паки на нас для отмщения победы нашей. И мы надеемся в том на ваше императорское величество, что ваше величество всегда государю нашему чинита вспоможения, просим чтоб ваше величество изволили счисляя нас яко подданных своих, прислать к нам на оборону провинции Кенджинской и нас, нижайших, против оных неприятелей российских войск в скорости, чем бы возможно оборонитца, за что мы будем вечно бога молить, видя себя в покое, за что вашему величеству и бог воздаст»[235].

В конце письма имеются сто две печати-подписи.

Русская ориентация среди населения Азербайджана усилилась еще более в связи с тревожными сигналами о расширении турецкой агрессии в Закавказье. В новом обращении к Петру I гянджинцы писали:

«Прошение покорнейших слуг, — каджарских воителей, старейшин, старост, юзбаши и всего населения провинции Гянджи. Покорнейшие рабы твоего двора доводят до высочайшего сведения, что нами до сих пор не получен ответ на прошение, посланное его величеству беглярбегом Карабаха и нами, несчастными, но мы попрежнему надеемся и ждем твоего ответа.

Турки теперь узнали о том, что покорнейшие слуги твои осмелились просить твоей помощи, и они пуще прежнего стали враждебны к нам и готовятся покорить себе Карабах и жителей этой провинции и хотят сделать это, пока победоносные войска его высочайшего двора не успели вступить на эту землю.

Поэтому мы, рабы твои, с волнением осмелились послать твоему августейшему величеству свое второе прошение и покорнейше просим проявить благородное снисхождение и любовь к своим подданным и послать войска высочайшего двора в помощь нам, несчастным с тем, чтобы мы могли спокойно продолжать молиться за прочное правление августейшего.

Мы сочли необходимым и поэтому осмелились выступить с прошением. Остальное зависит от твоего высочайшего повеления». Далее следуют 66 личных печатей и подписей[236].

Однако в 20-х годах XVIII в. политическая обстановка не благоприятствовала присоединению к России новых земель в Закавказье. Не заинтересованная в войне с Турцией Россия, трезво расценивая свои возможности и реальное соотношение сил, 12 июля 1724 г. заключила с Османской Турцией Стамбульский договор[237], по которому Турция признала за Россией прикаспийские провинции, как добровольно уступленные ей Ираном. Россия, в свою очередь, признала за Турцией почти все восточное Закавказье и Южный Азербайджан. Одно из главных мест в Стамбульском договоре занимал вопрос о северо-восточной части Азербайджана — Ширване (исключая прикаспийские побережья). Россия ни коим образом не желала укрепления Турции в этой центральной и узловой части Закавказья. Ее позиция в отношении Ширвана была сформулирована в тексте договора: «Понеже места в Ширванской провинции, принадлежащия к Порте почитаются особым ханством, того ради Шемаха имеет быть пребыванием хана; но город да останется в прежнем состоянии, без всякаго новаго укрепления, и со стороны Порты да не будет в нем гарнизона; и ни же отправлять туда войски, исключая случаев, что или хан взбунтует и выйдет из послушания, или между жителями провинции той окажутся непорядки, вредные интересам Порты, или они предпримут неприятельския действия на принадлежащия царю места и земли; в тех случаях Порта иметь будет право, для пересечения всего того, с своей стороны потребное число войск отправить через реку Куру, с позволения однакож российских командиров»[238]. Таким образом, Стамбульский договор предоставил Ширвану определенную автономию во внутренних делах. Турция не имела права держать в пределах Ширвана войско. Исключение составлял ввод турецких войск в Ширван только в случае нарушения порядка в стране и то при согласии Русского государства. Как видно, этот договор имел большое значение для восстановления независимости Ширвана, чего настойчиво добивался для себя Гаджи Давуд, сумевший теперь своей более умеренной политикой к этому времени расположить местное население. Об этом можно судить по фирману шаха Тахмасиба II от месяца рамазана 1136 г. (1723 г.) уцмию Ахмед хану. Ему предписывалось со своим отрядом двинуться в

---

235 ЦГАДА. Кабинет Петра I, отд. II, кн. 66, л. 552 и об. см. там же. АВПР, ф. Сношения России с Арменией, 1939, д. 2, л. 71; П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 219—220.

236 АВПР, ф. Сношения России с Арменией. 1739, д. № 2, л. 68. Послание подписали: Лотф Али, Мухаммед Али, Мухаммед Хусейн, Муса Кязим, Парвине Нади, Мухаммед Али, Абул Хаджи, Мухаммед-хан, Мухаммед Мехти и еще 57 азербайджанцев, см. П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 220.

237 ПСЗ, т. VII, 1330, № 4591, стр. 303—309; С. М. Соловьев. Ук. раб., стр. 701; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 58—62; Очерки истории СССР, XVIII в., первая четверть, стр. 617; Р. М. Магометов. История Дагестана. Махачкала, 1961, стр. 197; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 38—39; О. П. Маркова. Ук. раб., стр. 30; В книге А. А. Бакиханова «Гюлистан-Ирам» заключение Стамбульского договора ошибочно указано в 1725 г.

238 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 60; Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 205.

Шемаху против Гаджи Давуда, которому «...беспутные жители той местности (Ширвана) оказывают содействие»[239].

Следует подчеркнуть, что Стамбульский договор в равной мере имел огромное значение как для России, так и для Турции. В силу этого договора предотвращалось предполагаемое столкновение русских и турецких войск на территории Азербайджана, Россия укрепила свое положение на Каспийском море и преградила путь турецким войскам на прикаспийском побережье. Вместе с тем, Стамбульский договор способствовал дальнейшему завоеванию Турцией окраин Сефевидской державы, в том числе всего Азербайджана, за исключением прикаспийских провинций и Ширвана.

В борьбе с турецкими захватчиками азербайджанский народ в тесной дружбе с армянским и грузинским народами повторил героические подвиги своих предков. Почти на каждом клочке земли Закавказья турецкие завоеватели встречали отчаянное сопротивление народных масс.

После заключения Стамбульского договора турецкие завоеватели перешли к расширению своей агрессии в Закавказье. Уже в конце июня 1724 г. диарбекирский паша Арифи Ахмед, назначенный командующим 30-тысячной армией, переправился через Аракс и направился к городу Еревану. «Для того чтобы запугать жителей,—пишет Дж. Ханвей,—он обошелся с ними с большой жестокостью; города и деревни на его пути были совершенно снесены и около 20.000 людей обоего пола он превратил в рабов. После таких варварских выступлений в середине того же месяца [июля] он подошел к Эривани»[240].

Несмотря на отчаянное сопротивление ереванцев, после ожесточенных боев город был взят турецкими войсками. Перебив мечом мужчин, оказавших им сопротивление, турки «...увели в плен их жен и детей и, уведя, заполнили ими лагерь свой и злыми деяниями осквернили их»[241].

Большие силы турков были брошены для завоевания Гянджи, Тебриза и Ардебиля — крупных центров ремесел, густонаселенных и торговых городов.

Следует отметить, что еще до заключения Стамбульского договора турецкие войска уже действовали в Азербайджане, повсеместно встречая отчаянное сопротивление народных масс, что приводило к большим потерям живой силы противника. На пути к Тебризу турецкие войска под командованием ванского паши вынуждены были приостановить свое движение у города Хоя, на защиту которого в помощь горожанам пришли крестьяне из окрестных сел. Туркам не удалось приступом захватить город, и они осадили его. Осажденные «стали испытывать лишения и мучения»[242]. Положение настолько обострилось, что некоторые из представителей высшего сословия стали высказываться за сдачу крепости. Однако героические защитники города, возмутившись трусостью верхушки, твердо заявили: «Не желаем сдавать крепость османцам»[243].

Турецкое командование решило предпринять более действенные меры по овладению Хойской крепостью. Против крепости была установлена артиллерия, которая обстреливала ее в течение сорока дней. Бесперебойная бомбардировка причинила большой урон городу, разрушила крепостные стены, через которые многочисленные войска противника ворвались в город, где завязались кровопролитные уличные бои. В конце концов, противник, имевший численное превосходство, взял верх над защитниками города. Источник гласит: «...приблизительно в течение шести часов [враг] избивал всех сопротивлявшихся, заполнил город трупами»[244]. Несколько иначе описывает завоевание Хойской крепости историк Хаммер, который пишет, что лишь на 21-й день турецким войскам удалось овладеть городом. Однако противнику нескоро удалось захватить замок правителя Хоя Шахбаз хана, который 54 дня отражал натиск турецких войск. Лишь заняв этот замок, противник полностью овладел городом[245].

Как видно, приведенные факты не очень расходятся между собой. Но так или иначе, завоевание Хойской крепости стоило неприятелю многих сил и времени. После захвата Хоя турецкое командование пробыло там еще 28 дней, а затем, оставив свой гарнизон, начало поход в сторону Тебриза.

Продвижение турецких войск по направлению к Тебризу также осуществлялось медленно, ибо противнику приходилось вести борьбу буквально за каждый клочок земли[246]. На пути к Тебризу турецкие войска захватили город Маранд. Турецкие солдаты в завоеванных местах совершали страшные злодеяния, поэтому сельское население, узнав о приближении противника, покидало свой кров и искало убежище в городских стенах. Так, местечко Софиян враг нашел

---

239 АКАК, т. II, доп. к I тому, стр. 1080.

240 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 211.

241 Абрам Ереванци. История войн 1721—1736 гг. Ереван, 1939, стр. 25.

242 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 214.

243 Абрам Ереванци. Ук. раб., стр. 30.

244 Там же.

245 Hammer. Geshichte des Osmanischen Reiches. VII, B. 1831, p. 305; Ср. Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 214; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 88.

246 Абрам Ереванци. Ук. раб., стр. 30—31.

«безлюдным, опустевшим от жителей, ибо последние, получив весть о резне и пленениях... бежали в Тавриз»[247].

Большой торговый и ремесленный город Тебриз в этот период не был хорошо укреплен, так как его стены были разрушены недавним землетрясением. Джон Ханвей так описывает состояние Тебриза: «Хотя большая часть города была разрушена землетрясением... все же он был одним из прекраснейших городов на Востоке; но он не имел ни стен, ни артиллерии, так, что подобно древней Спарте, его единственной опорой были количество и сила жителей»[248]. «Он [город Тебриз],—писал П. Бутков,—отовсюду открыт и не имеет ни замка, ни укреплений для своей защиты»[249].

Приближаясь к Тебризу, турецкие войска остановились в местности Шорсу, где произошло первое сражение между турецкими войсками и тебризцами во главе с правителем Тебриза Алай-гочи. Однако тебризцы не смогли устоять против 25-тысячной армии противника и, потеряв в бою 10000 воинов, вынуждены были отступить обратно в город[250]. Преследуя защитников Тебриза, турецкие войска подошли ближе к Тебризу и прежде чем ворваться внутрь города решили обстрелять его из пушек.

Тем временем жители Тебриза, ослабив сопротивление, заманили врага в город. Не подозревая о ловушке, четырехтысячный отряд турецких войск ворвался в город и овладел целым кварталом, который почти не защищался. Но не успел противник укрепить свою позицию, как жители окружили турецких солдат и перебили их. Это событие Дж. Ханвей описывает следующим образом: «турки толпясь друг к другу овладели целым кварталом города, а жители появившись со всех сторон забаррикадировали улицы, по которым вышел противник; так как их связь с основной частью армии была отрезана, то 4000 солдат были окружены и зарублены на куски»[251].

После этого турецкие войска неоднократно пытались ворваться в город, но каждый раз были отбиты мужественными защитниками Тебриза. Тебризцы, не ограничиваясь обороной, замышляли внезапно ночью напасть на лагерь врага. Узнав об этом через своих разведчиков, паша решил немедленно отступить. На сей раз паша шел на хитрость. Он приказал «зажечь в лагере огни, как делалось всегда; 21-го сентября ночью он неслышно выступил, оставив на

---

247 Абрам Ереванци. Ук. раб., стр. 30—31.

248 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 213; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 88.

249 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 84.

250 Абрам Ереванци. Ук. раб., стр. 31.

251 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 213.

месте палатки, чтобы ввести неприятеля в заблуждение. Через несколько часов жители вышли из города в количестве 20000 человек, увидев, что турецкая армия отступила, они преследовали ее до полудня следующего дня, но не смогли вступить с ними в бой. В отместку они зарубили не только всех солдат, попавшихся им на пути, но также и всех больных и раненых, которых неприятель был вынужден оставить на милость победителя»[252]. Турецкие войска, сильно поредевшие под ударами азербайджанских отрядов, стянулись около местечка Тасудж, расположенного неподалеку от Тебриза, на северном берегу озера Шахи[253]. Пытаясь отомстить азербайджанцам за поражение в Тебризе, турецкий паша приказал разгромить Тасудж. Однако турецкие войска и здесь потерпели неудачу. Тогда турецкое командование решило перебить и ограбить крестьян окрестностей, покорившихся завоевателям без сопротивления. Паша «велел убить всех мужчин, а женщин и детей увел с собой, как рабов»[254].

Узнав о бесчинствах турецких солдат, жители Тебриза решили преследовать врага, отомстить и помешать организованному отступлению. Заметив приближение тебризских отрядов, паша решил преградить им путь и с 8-тысячной армией вступил в бой. Потерпев поражение, он вынужден был вернуться в Хой с немногими спасшимися бегством солдатами[255].

Это была не единственная турецкая армия, действовавшая в Азербайджане. Турецкие войска неоднократно нападали на Карабах и Мугань, но каждый раз терпели неудачу. Вот что написано по этому поводу в одном из документов того времени: «Турки с великими трудами неоднократно на армян [в Карабах] ходили, но четвертократно бежали [и] проиграли: армяне туркам сопротивляются. И на муганцев неоднократно ж турки ходили и владеть им не могли. Из оных муганцев не малое число к армянам же преобщились»[256].

О взаимной поддержке азербайджанцев и армян в борьбе с турецкой агрессией имеется много фактических данных. В одном из писем от 6 марта 1724 г. дербентскому коменданту Мартирос вардапет из азербайджанского города Кабалы писал, что местный юзбаши Сатаг, сын Хаджи Ахмеда, «во многом нам [армянам] помогает, до сегодняшнего дня он за

---

252 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 214.

253 Там же.

254 Там же.

255 Там же.

256 Расшифровка тайного письменного доклада ген. Левашева, адресованного царскому двору. См. А. Абрамян. Договоры 1724 г. о взаимопомощи между армянами и азербайджанцами. «Изв. АН Арм. ССР», 1951, № 12, стр. 60.

нас заступается... он так же является нашим сторонником»[257]. П. Т. Арутюнян в уже упомянутой нами монографии приводит убедительные факты о бескорыстной дружбе азербайджанцев с армянами, об их совместной борьбе против турецких захватчиков[258].

Однако, несмотря на мужественное сопротивление и совместную героическую борьбу азербайджанцев и армян, многочисленные турецкие войска не без помощи отдельных представителей местной феодальной верхушки в некоторых местах добились успехов. Так, пали города Нахичевань и Ордубад[259]. Турецкие войска также заняли Борчалы и Казах[260].

С наступлением зимы турецкое командование отложило наступательное движение на территорию Азербайджана. Воспользовавшись сезонной передышкой, турецкое командование решило пополнить ряды своей сильно поредевшей армии. Отступление же турецких войск из пределов Тебриза и Гянджи являлось не чем иным, как крупным поражением турецких войск на территории Азербайджана в 1724 г. Не оправившаяся от полученного удара часть турецкой армии вернулась на родину, остальные войска стянулись на зимовку в Грузию, Ереван, Нахичевань и Ордубад.

Таким образом, к концу 1724 и началу 1725 г. почти вся Грузия, Армения часть Азербайджана оказались под властью Турции, западным побережьем Каспийского моря овладела Россия, а центральная часть Ширвана оказалась в руках местного феодала Гаджи Давуда, находившегося в вассальной зависимости от Турции. Такие иранские города как Керман, Кандагар, Исфаган и Шираз подпали под власть афганцев. Власть Тахмасиба II — наследника сефевидского трона—признавалась только в Мазандаране, Астрабаде и в некоторых местах Южного Азербайджана.

Положение в Азербайджане в этот период было крайне тяжелым. Давал о себе знать неурожай, вызванный уничтожением посевных площадей и разрушением оросительных систем.

В 1725 г. Турция сосредоточила все свои силы против Тебриза и Гянджи. Командование над армией, посланной против Тебриза, было поручено ванскому паше Абдулле Копурли, которому в виде подкрепления было послано еще

---

257 АВПР, ф. Сношение России с Арменией, 1724, д. 4, л. 17; См. П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 178, 179.
258 П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 179 и др.
259 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 214.
260 Перевод послания армянских католиков Исая и Нерсеса и Карабахских меликов от 18 октября 1724 г. См. Г. А. Эзов. Ук. раб., стр. 382.

11000 войск крымского хана[261]. Общее количество войск Абдуллы Копурли доходило до 70000 человек.

Между тем, в Тебризе велась усиленная подготовка к обороне города. В городе имелось немало жителей, способных носить оружие. Полные «...благородной решимости защищаться до последней крайности [они] отослали свои семьи и наиболее ценное имущество в горную страну Гиляна»[262].

Военные действия турецких войск на территории Азербайджана начались в мае 1725 г., когда сын ванского паши Абдуллы Копурли Абдурахман бек добрался до окрестностей Тебриза. Несмотря на некоторый успех, турецким войскам все-таки не удалось войти в город.

Спустя месяц вражеская армия под командованием Абдуллы Копурли снова подступила к Тебризу. Неприятелю удалось осадить город. Но не добившись быстрого и ощутимого успеха, командующий турецкими войсками велел обстрелять город. Обстрел продолжался примерно около двух месяцев[263]. Современник описываемого события Абрам Ереванци сообщает, что «по истечении 60 дней, когда Абдулла увидел, что враг все еще продолжает весьма упорно сопротивляться приказал всем вообще войскам своим двигаться вперед, вторгнуться в город и одновременно палить в него из пушек. И тогда все они вместе как звери напали на них, ворвались в город и в течение семи дней, сражаясь с противником, перебили 85 тысяч войска и завоевали город. Все городское население, и женщин и детей взяли в плен и разграбили имущество их»[264].

Несколько иначе описывает захват Тебриза турецкими войсками в 1725 г. англичанин Дж. Ханвей. По его данным, тебризцы, узнав о приближении 70-тысячной турецкой армии, не желая допускать ее близко к городу, решили дать противнику бой. Основное ядро тебризских войск составляли горожане, владевшие оружием, но не привыкшие к военной дисциплине.

Как только противники сошлись, начался ожесточенный бой. Обе стороны горели желанием одержать победу: азербайджанцы, несмотря на превосходство неприятеля в численности и снаряжении, боролись мужественно и стойко, отстаивая свою независимость; турецкие же войска стремились взять реванш за прошлогоднее позорное поражение. «Они бились с одинаковой отвагой до ночи»[265]. Вскоре превосход-

---

261 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5 (1725), л. 365.
262 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 236.
263 Абрам Ереванци. Ук. раб., стр. 31.
264 Там же.
265 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 237.

ство противника дало о себе знать; теснимые со всех сторон, тебризцы вынуждены были отступить к городу. Турки, преследуя их, вместе с тебризцами ворвались в город; «...битва возобновилась с невероятным упорством. Жители устроили окопы в 9 различных кварталах, из которых состоял этот большой город и защищались с такою же храбростью и решительностью, которую и раньше высказывали при всяких обстоятельствах. Туркам понадобилось 4 дня и ночи, чтобы завладеть семью из этих окопов, несмотря на повторные атаки. Наконец, 3-го августа около 20.000 человек отступивших к двум последним окопам, считая, что они дальше не в состоянии более продержаться, предложили капитулировать; соответственно им было разрешено отступить в Ардебиль со всем имуществом, которое они смогли вывезти»[266].

Несмотря на то, что отдельные детали, сообщаемые Абрамом Ереванци и Дж. Ханвеем, не совпадают, не вызывает сомнения то, что Тебриз был захвачен после долгих и кровопролитных боев — «немногие осады были столь кровопролитными, как эта»[267]. Тебризцы хорошо сознавали все последствия турецкого господства — жестокие пытки, насилие, грабеж и страшную месть завоевателей за стойкое сопротивление. Поэтому прежде чем сдать свои позиции они добились от турецкого командования разрешения беспрепятственного выхода из города. Об обороне Тебриза И. П. Петрушевский пишет: «...азербайджанские народные массы активно боролись с турецкими захватчиками. «Простонародье», т. е. ремесленники и беднота героически обороняли Тебриз. В конце концов турки одолели, но защитники Тебриза выговорили для себя свободный выход из города с оружием и семьями»[268]. Любопытно, что турецкое командование охотно согласилось с этим предложением, желая, чтобы тебризцы оставили город и прекратили сопротивление, стоившее турецкой армии огромных потерь. По неофициальным данным, турки в этой борьбе потеряли более 20.000 солдат[269]. Шейх Мухаммед Али Хазин, посетивший Тебриз после этих событий, застал его пустым и разоренным, что являлось прямым результатом нашествия турок[270]. В обороне города, сообщает он, особое мужество проявило «простона-

[266] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 237.

[267] Там же.

[268] И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 315.

[269] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 237.

[270] Шейх Мухаммед Али Хазин. Тарих-е ахвал бе-тезкире-йи хал-е мовлана-е Шейхе Мухаммед Али Хазин ке ход навеште аст. (на перс. яз.) Лондон, 1836, стр. 235.

родие», которое во время одной из контратак уничтожило около четырех тысяч турецких солдат[271].

Имеем основание полагать, что среди офицеров турецкой армии, особенно командовавших артиллерией, были иностранцы из западноевропейских стран. Так, по некоторым данным, когда турецким войскам не удалось взять Хамадан «...немецкий регент взорвал мину, которая находилась в его ведении»[272]. Подобные «регенты», по всей вероятности, были размещены и в турецких военных частях, действовавших в Азербайджане.

Турецкое командование не удовлетворилось захватом Тебриза: «для полного удовлетворения оттоманского двора недоставало только лишь возможности отомстить за поражение, нанесенное одному из его полководцев под стенами Гянджи в 1723 году»[273].

Покорить Гянджу турецкое командование возложило на Сары Мустафа пашу, который подступил к ней с 40-тысячной армией. Вскоре Сары Мустафа паша получил сильное подкрепление — сын крымского хана «и брат Нараддин Салтан своими татарскими [войсками] прибыл к Гяндже»[274]. Однако гянджинцы не собирались сдаваться, они были полны решимости бороться с противником.

Противник не смог взять город приступом. Началась утомительная осада, продолжавшаяся более двух месяцев. Однако успехи турецкого оружия в других местах Закавказья и Южном Азербайджане, сдержанная политика Русского государства, особенно после смерти Петра I (январь 1725 г.), лишили гянджинцев надежды получить военную помощь от России. В городе началась нехватка продовольствия. Все это в конце концов заставило гянджинцев в августе 1725 г. прекратить сопротивление. Учитывая стратегическое значение Гянджи, турецкое командование решило превратить ее в свой опорный пункт. С этой целью султан приказал укрепить и восстановить Гянджинскую крепость[275].

В одном из архивных документов 1725 г. говорится, что после захвата Гянджи Сары Мустафа паша ввел свои войска в пределы Ширвана. Однако турецкие войска не имели успеха и «разбежались толпами»[276]. Этот любопытный факт в документе дан настолько скупо, что нам трудно конкретно указать, в каком месте Ширвана и от кого турецкие оккупационные войска получили отпор.

Неудача постигла турков и в Карабахе, где против них

[271] Шейх Мухаммед Али Хазин. Ук. раб., стр. 151.

[272] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 214.

[273] Там же, стр. 238.

[274] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5, (1725), л. 365.

[275] Там же.

[276] Там же, л. 238.

успешно действовали армянские отряды[277]. Однако, несмотря на то, что в некоторых горных частях Азербайджана отдельными островками в тылу врага оставались непокоренные места, туркам к концу 1725 г. удалось занять почти все главные города Азербайджана. «18 декабря в Константинополе раздались пушечные выстрелы: турки праздновали взятие Ардебиля»[278].

Покорением Ардебиля формально завершилось завоевание Азербайджана Турцией. Таким образом, прикаспийские провинции Азербайджана остались в составе Российского государства, а больше половины страны подпала под власть турецких феодалов. Последние, прибрав к своим рукам богатые страны Закавказья, старались эксплуатировать местное население, увеличивая размер и количество прежде существующих податей и повинностей. А. Папазян обнаружил в Матенадаране огромное количество документов, относящихся к периоду оккупации турецкими войсками Закавказья в 1724—1735 гг. Эти документы проливают свет на историю внешней политики Османской империи и содержат ценные данные относительно тяжелого состояния народных масс в зоне турецкой оккупации. Среди этих документов имеются выписки из пространных налоговых книг. В частности, А. Папазян исследовал турецкие налоговые реестры села Вагаршапата за 1725—1728 гг. Из этих налоговых реестров выяснилось, что в период турецкой оккупации дважды была произведена всеобщая перепись населения — в 1725 г. и в 1728 г. В первые годы оккупации турецкие завоеватели в сборе налогов вели сравнительно умеренную политику. Согласно реестру 1725 г., общая сумма взимавшихся с этого села налогов составила 91 515 акче. По реестру 1728 г., эта сумма поднялась до 211 322 акче[279].

Рост налогов был не только следствием повышения цен на продукты и другие сельскохозяйственные товары, сколько результатом совершенно прямого усиления налогового бремени.

Правда, цитируемый документ относится лишь к части Закавказья — к армянскому селу. Однако полагаем, что Турецкое государство в оккупированных зонах вело почти единую политику. Тем более, что факты, содержащиеся в имеющемся в нашем распоряжении единственном документе на турецком языке «Указы по Гянджинскому вилаету (1727/1140)»[280], относящемся к Карабахскому беглярбекству почти совпадают с приведенными данными.

Сравнивая данные источников, повествующих о положении народных масс Азербайджана, не трудно сделать вывод, что жизненные условия населения областей, оккупированных Турцией, сильно отличались от условий населения прикаспийских провинций, занятых русскими войсками. Об этом красноречиво свидетельствует отношение жителей, включая и феодальную знать, к Русскому государству, с одной стороны, и к турецким властям, с другой. В феврале 1727 г. командующий русскими войсками в прикаспийских провинциях Долгоруков, будучи в Ленкорани, лично доносил императрице Екатерине I следующее: «Во всех провинциях, коими я ехал, с великой радостью меня встречали ханы, салтаны и все старшины, по их обычаю, со своими музыками, и во всем меня довольствовали; не токмо которые в нашу порцию достались, но которые по трактату и не в нашей порции,—все желают быть в подданстве вашего императорского величества и просят меня, чтоб я их принимал в протекцию Российской империи, чего мне учинить чрез трактат и без указу невозможно; однакож, как могу, с ними обхожусь ласково и вовсе не отказываю... И так весь здешний народ желая вашего императорского величества протекции с великою охотою, видя, какая от нас справедливость, что излишнего мы с них ничего не требуем, и смотрим крепко, чтоб отнюдь ни мало им обиды от нас не было, и крепкими указы во все команды от меня подтверждено по жестоким штрафом; а которые в Турецком владении—так ожесточены, вконец разорены, и такое ругательство и тиранство турки делают, как больше того быть нельзя. И так все народы, как христиане, так и басурмане,—все против них готовы, только просят, чтобы была им надежда на нас»[281].

7 мая 1727 г. в Петербурге была издана «Реляция», извещающая о результатах поездки князя Долгорукова по прикаспийским провинциям, следующего содержания:

«Сего мая в 1 день, получена ведомость от генерала господина князя Долгорукова Аншефт командующего над войски Ея императорского величества обретающимися в Персии, из Дербента от 5 числа апреля, сего 1727 года, что он имел свой марш из Гиляни до Дербента с некоторою частью кавалерии, и будучи в том марше привел ея императорскому величеству в подданство Персидская провинции, лежащия

277 П. Т. Арутюнян. Ук. раб., стр. 268—269.

278 С. М. Соловьев. Ук. раб., стр. 951.

279 А. Д. Папазян. Турецкие налоговые реестры села Вагаршапат. 1725—1728; «Изв. АН Арм. ССР», 1960, № 5, стр. 464 (на арм. и турец. яз.).

280 Ömer Lutvi Barkan. XV—XVI incu asirlarda Osmanli imparatorlugunda zirai ekonominin hukuku ve mali esaslari. I cild. Istanbul, 1945, sah. 195—197.

281 С. М. Соловьев. Ук. раб., стр. 948; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 93.

по берегу Каспийского моря, а именно, Кергерруцкую, Астаринскую, Ленкоранскую, Кызыл-Агацкую, Уджаруцкую, Сальянскую, також и степеные народа, Муганской, Шегсеванской, Мазаригской провинции пришли в подданствож. И во время сего его маршу, помянутых провинций владельцы ханы, султаны и другие управители великую показывали ему учтивость и послушание, и в провианте, в фураже, и в подводах великое он имел от них довольство, и давали все с радостью; и сверх того под драгун презентовали шестьсот шестьдесят лошадей, и в верности ее императорскому величеству подданство учинили присяги и обещали платить на каждый год в казну Ее Величества податей по сту тысяч рублев: також и армяня из собрания Саганацкого прислали к нему своих депутатов с прошением, чтоб им всем быть в вечном ея императорского величества подданстве, и дать бы им места для поселения в провинциях принадлежащих ее императорскому величеству, которые им показаны, и они армяне видя те места довольны оными явились; по неже оные места изрядные, хлебородные и лесные, и желают на оные переходить. Також персиане тех провинцией, которые по трактату достались под владение турецкое, и которые под владением Персидским остались, просят в подданство ея императорского Величества; понеже от турков им великия озлабления, разорения и тиранства учинены.

И тако с помощью божиею дела ея императорского величества в Персии благополучно идут»[282].

Между тем, население Азербайджана в оккупированных турецкой армией областях ничем не было гарантировано от насилия алчных иноземных феодалов. Повсюду жители подвергались хищническим ограблениям, военачальники то и дело пополняли свои карманы, «вопреки указаниям султанского правительства население было обложено тяжелыми податями»[283]. Обездоленные жители сел и деревень искали спасения, убегая в области, занятые русскими войсками. Это явление стало настолько обычным, что уже в 1728 г. русские власти решили официально принять беглецов из турецкой оккупационной зоны в свои владения. Архивный документ гласит: «Народы кои из турецкой порции и из барьера в нашу порцию прибегают... по мнению резидента Неплюева принимать можно»[284]. Обнищание беглецов доходило до того, что родители, будучи не в состоянии прокормить своих детей, продавали их. «Многие пришедшие, — повествует источник — басурманские народы от бедноты продают россиянам и армянам детей своих мужеска и женска под вечное служение»[285].

Иное положение было в прикаспийских областях. Здесь народ, по крайней мере, получил гарантию от физического истребления и крайнего голода. Подтверждение тому находим в архивном документе: «...провинции сальянские и муганская, Кызыл агачи, шекисевинцы (шахсеваны) и многие качевные ея императорскому величеству поддались под протекцию и оные укрепятся, так что с помощью божею никакого нападения не опасаются...»[286]. Некоторые феодалы также предпочитали быть в русском подданстве. В этом отношении более последовательной политики придерживался правитель Кубы Гусейн Али хан, который с пятьюдесятью «знатных людей Кубы» прислал письмо Русскому государству и принес присягу о верности[287]. Об этом говорится также и в другом достоверном источнике — в журнале Верховного тайного совета от декабря 1726 г.: «...перешел в подданство ея императорского величества, обитающийся в Ширванской провинции кубинский хан Хусейн Али-бек со своим владением»[288]. Русское командование, доверяя местным феодалам, иной раз в занятых городах и селах оставляло небольшое количество солдат. Однако не все местные феодалы искренне относились к русским властям в прикаспийских провинциях, хотя русское командование при назначении правителей старалось исходить из желания феодальной верхушки, чтобы впоследствии опираться на нее. Таким образом, по просьбе шахсеванов и старшин Муганской степи, были назначены их султаном местный феодал Рамазан, а при нем наибом Али Кули. В Сальянской же провинции оставался прежний наиб Гардалибек[289]. Ход дальнейших событий показал, что преданность Русскому государству Рамазана и Гардалибека была неискренней. Подстрекаемые иранским шахом Тахмасибом II они сделали попытку установить связь с Гаджи Давудом.

Весной 1727 г. шах Тахмасиб II отправил послание к Рамазану, в котором призывал его вступить в союз с Гаджи Давудом против России.

Рамазан султан по получению указа шаха тут же отправил письмо Гаджи Давуду, в котором предлагал ему восполь-

---

[282] Печатанная в СПб Реляция, приведении генералом князем Долгоруковым в Российское подданство лежавших по берегу Каспийского моря несколько провинций. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, (1727), д. 38, лл. 51а—52б.

[283] В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 92.

[284] АВПР, оп. 77/1, д. 4 (1728), л. 131 а.

[285] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), л. 38 б.

[286] Там же, д. 9 (1726), л. 242 а.

[287] Там же, д. 9 (1727), л. 449.

[288] СИРИО, т. 56, стр. 587; А. А. Абдурахманов. Ук .раб., стр. 51.

[289] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), л. 463 а. По всей вероятности, имя Гардалибек происходит от искаженного «Гариб Али бек», здесь мы придерживаемся транскрипции первоисточника.

зоваться почти полным отсутствием русских войск и прийти со своими войсками. В письме Рамазан султана говорилось: «Счастливому командующему, нашему Аджи Давуд хану, ныне указ шахова величества Тахмасиба на имя мое и Мусабеку прислан а особливо вашей милости, а как сие письма получив и в скорости брата своего Мамед хан бека в деревне Жевать [Джавад] вышли чтоб мне с ним видеться, а со мной ныне русских людей только десять человек, а другие с бригадиром и в себя содержите безопасение пожалуй времени не упущай и скоро суды приезжай»[290].

Однако шах Тахмасиб II и его сторонники просчитались в попытке привлечь Гаджи Давуда на свою сторону. Будучи тонким политиком, Гаджи Давуд очень дипломатично ответил на письмо Рамазан султана, упрекая его: «негодно чтобы прежде вам присегать»[291], а потом восстать против русских.

Вскоре Рамазан султан был разоблачен муганским наибом Кули[292], который в донесении русским властям писал: «Рамазан солтан сего апреля месяца обещал «200» лошадей дать под драгун и в своем слове неустоял, а я нижайший усмотрел за ним, что он неприятелем является и я несколько людей своих по всем дорогам разставил, которые указ за печатью шаха Тахмасиба и письма от Хаджи Даудхана за печатями достались и в мое руки отдали... Да к прежнему наибу, который в Сальянах убил подполковника, Мамед Усейна беку писал Гардалибек и оное письмо попалось мне за печатью его Гардалибека и отнес в крепость и счастливому полковнику отдал. Да еще от Хаджи Дауд хана, к Гардалибеку письмо которое ему же полковнику отдал...»[393]

Генерал-майор Шипов, с которым Али Кули держал связь, в донесении в Государственную коллегию иностранных дел передал, что Рамазан султан и сальянский наиб Гардалибек имеют «злоумысел чинить над нашими людьми и пересылали за Давуд беком»[294] в Шемаху своих людей с письмом за печатью, которые в дороге были пойманы[295].

Вскоре выяснился еще один факт. К Шипову прибыли старшины других шахсеванских племен Нияз бек и Мухаммедали бек, сообщившие, что после «присяги» русским властям к Рамазану прибыл с письмом от турок некий Мамед Кули хан, который затем отправился в Шемаху[296]. Этот факт

[290] От Рамазан солтана писанное письмо Хаджи Дауд хану. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), лл. 468б, 469а.

[291] От Хаджи Дауд хана к Рамазан Салтану. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), лл. 469 а, 469 б.

[292] Перевод с персидских писем, которые подал Муганский наиб Али Кули. 1727 г. апреля 8 числа. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), л. 568 и об.

[293] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), л. 471 об.

[294] Там же, л. 463 а.

[295] Там же.

[296] Там же, л. 464 а.

подтвердил также один из муганских старшин Мухаммед Диарбек[297]. О чем беседовал Рамазан султан с представителем Турции, нам неизвестно. Однако можно полагать, что эта беседа была направлена против России, тем более что после переговоров с Рамазан султаном Мухаммед Кули хан отправился к Гаджи Давуду.

Когда Рамазан султан и Гардалибек были разоблачены, они попытались оправдаться, утверждая, что их письмо и печать поддельные[298]. Однако, как скоро выяснилось, родной брат Рамазан султана состоял на службе шаха Ирана, который с его помощью решил привлечь на свою сторону азербайджанских феодалов, находящихся в русском подданстве[299].

В то время как в прикаспийских областях Азербайджана, присоединенных к Российской империи, был установлен порядок, созданы относительно благоприятные условия для развития хозяйственной жизни, а население их относилось доброжелательно к русским властям, в областях, захваченных турками, царили произвол и насилие. Бесчинства завоевателей и жестокая эксплуатация привели к новой вспышке освободительного движения народных масс против турецких феодалов. С целью подавления народных волнений «...из Царяграда... велено одному турскому паше в Персии с войсками итти на время в Ширван и в Шемаху для успокоения тамошних народов своевольств... в силу... заключенного между Россией и Портою о Персии трактата, как по оному туркам позволение дано в случае каких явившихся в Ширване противностей и бунтов от народа входить туда для успокоения оного на время, и потом паки оттуду выходят, не оставляя в войск своих никого»[300]. В другом документе говорится «о сближении турков в Персии к российским провинциям и с намеряемом оных привоза в Шемаху артиллерии и прочая»[301]. В 1728 г. против турков выступили кочевники Карадага и Саваландага. Восстали и кочевые племена шахсеваны. К восставшим примкнуло население Халхала, Мараги и Гямруда[302]. Вскоре восставшие окружили турецкий гарнизон в Ардебиле.

Положение турецких властей в Азербайджане осложнялось с каждым днем. Турецкий паша перестал доверять Гаджи Давуду, который последнее время почти не считался с Турецким государством и проявлял попустительство в отношении антитурецких выступлений. Недовольство турецких правящих кругов было вызвано также и намечавшимся сближе-

[297] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1727), л. 464 а.

[298] Там же, л. 463 б.

[300] Журнал Верховного тайного совета от 23 марта 1726 г. см. СИРИО, т. 55, стр. 131—132.

[301] Черновой журнал Верховного тайного совета от 25 апреля 1726 г. см. СИРИО, т. 55, стр. 221.

[302] В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 94.

нием его с Россией. В официальных турецких кругах стало известно, что Гаджи Давуд ведет тайные приготовления, чтобы завязать дружеские узы с Русским государством. «По истощении всех средств, — писал русский историк первой половины XIX века Неверовский, — предвидя дурной конец, он [Гаджи Давуд] и обращался к русскому правительству с просьбою о принятии, его в подданство со всеми владениями»[303]. По секретному указанию султана Турции, Гаджи Давуду в мае 1728 г. было предложено с семьей и братьями приехать в Гянджу с визитом вежливости. Здесь он был арестован и отослан на Кипр, где и скончался. На место Гаджи Давуда был назначен Сурхай хан, еще в 1721 г. отстраненный Гаджи Давудом от управления Ширваном.

Современник пишет, что когда власть в Ширване была признана за Гаджи Давудом, то Сурхай хан «...на Хаджи Дауда великое сердце возымел, его ханом не признал, но и не почел к туркам поддаться не хотел и объявил им, что понеже оные Даудбека, который родом мужик простой, великим человеком сделали, а его как родного князя и владельца оставили и так обидели, он Порту поддаться не мог, пока он реваншу над Хаджи Даудом не получит»[304], ...«в оном 1728 году турки за некоторые вины Дауд-бека взяли под стражу и из Шемахи увезли, а на ево место Зурхая определили ханом Шемахинским и Ширванским»[305].

Кроме приведенных доводов, по всей вероятности, Турция до некоторой степени опасалась, что на почве вражды с Гаджи Давудом Сурхай хан может перейти на сторону России. В одном из трудов, опубликованных в начале XIX века, по этому поводу читаем: «Порта, раздраженная непокорством Дауд Бега, лишила его достоинства шемахинского хана и назначила на его место Сурхай хана, которого хотела привлечь на свою сторону, чтоб воспрепятствовать намерению его поддаться покровительству России»[306].

«Турки, недовольные дерзостью и непослушанием Дауд бека, отдали шемахинское ханство Сурхай хану», — говорится в архивном документе[307].

Теперь же Сурхай хану удалось утвердиться в Ширване и тем самым стать правителем обширной территории Северного Азербайджана. Взамен полученной власти Сурхай хан должен был платить «туркам довольные и тяжелые подати и другие подарки»[308].

В. Н. Левиатов, касаясь последних лет деятельности Гаджи Давуда, писал: «Судя по действиям Дауд-бека, он превратился в типичного турецкого пашу. Однако, несмотря на то, что он исполнял все требования Порты, он все же был смещен»[309]. На наш взгляд, принимая во внимание приведенные строки, нельзя в полной мере согласиться с мнением В. Н. Левиатова о покорности Гаджи Давуда турецкому султану. Зато Сурхай хан стал послушным орудием Турции. Получив от нее военную помощь, Сурхай хан начал военные действия против прикаспийских областей Азербайджана: «...Сурхай в соединении с самим турецким войском впадение учинил в российския провинции Кизил-Агач... и Сальян; там бывших людей побил и пленил; устроенные магазины с провиантом и многие там лежащие деревни без остатку выжег, пожитки пограбил и несказанное свирепство производил»[310]. О разорении Сальянской провинции имеется достоверный архивный документ, в котором весьма детально описывается, сколько деревень и имущества было разорено и ограблено в 1728 г. войсками Сурхай хана в присоединенных к Российской империи землях. Причем, в этом походе принимал активное участие и Ибрагим паша, стоявший ранее с турецкими войсками в Тебризе[311].

Результат грабительского нападения Сурхай хана и Ибрагим паши на Сальянскую провинцию был настолько ощутимым, что русское командование в прикаспийских областях было вынуждено составить специальный «реестр» о причиненном ущербе, который генерал-лейтенант Румянцев из Баку отправил вместе со своим донесением в Коллегию иностранных дел.

В «Реестре» приводятся названия 24 селений, некоторые из них ныне не существуют на карте Азербайджана. Интересно, что по перечню разграбленного в Сальянской провинции имущества можно приблизительно судить об экономическом состоянии прикаспийских областей Азербайджана в 20-х годах XVIII в. Приведем несколько фактов из упомянутого реестра: грабители, возвращаясь обратно, угнали 5253 барана, 940 лошадей, 3597 волов, 100 верблюдов и забрали с собой 4045 тагаров чалтыка, 2173 тагара проса, 622 тагара[312] пшеницы, 556 ковров и паласов, 2351 предмет разной посуды, многочисленные предметы домашнего обихода и др.

---

303 Неверовский. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб, 1848, стр. 21; В. Г. Гаджиев. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, стр. 117.

304 И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 103.

305 Там же, стр. 94.

306 Д. Бутурлин. Военная история походов России, ч. II, т. IV, I половна, 1823, стр. 105.

307 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 108 б.

308 И. Г. Гербер. Ук. раб., стр. 95.

309 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 97.

310 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 89.

311 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 11 (1728), л. 97.

312 Тагар — мера сыпучих тел. Размер его в XVIII в. в зависимости от местности измерялся в пределах от 7,5 до 37,5 пудов.

Войска Сурхай хана и Ибрагим паши разорили, а затем подожгли также склады русских войск в Сальянах, в которых находились запасы продовольствия, в частности хлеб. Им же были захвачены амбары, в которых находилось 175 тагар чалтыка, 69 тагар проса и пр.[313]

Как видно из приведенных фактов, войска Сурхай хана и турецкие отряды причинили богатой Сальянской провинции большой материальный урон. Правда, здесь не говорится о сопротивлении местного населения захватчикам, однако об этом можно судить хотя бы по тому факту, что почти во всех деревнях грабители убивали и брали в плен людей, сжигали их дворы.

В то же время перечень ограбленного имущества—огромного количества лошадей, волов, баранов, пшеницы, медной посуды и т. д.—свидетельствует о хорошем материальном состоянии отдельных деревень в тот период, когда в прикаспийских областях находились русские войска. Так, в деревне Шихкенди при наличии 40 дворов у населения было отобрано 850 баранов, 208 волов, 20 лошадей и т. п. Это значит, что на каждый двор в среднем приходилось более 21 барана, 5 волов, на каждые два двора по одной лошади и т. п. Видимо, Сальянская область была одной из доходных среди прикаспийских провинций Азербайджана 20-х годов XVIII в. Разорение ее, несомненно, наносило огромный урон не только местному населению, но и русской казне. В связи с вероломным нападением на Мугань и Сальяны генерал-лейтенант Румянцев срочно отправил к Сурхай хану офицера с письмом-протестом. Однако Сурхай хан, получивший новое подкрепление от находящегося в Тебризе и Гяндже турецкого командования, не только не ответил на полученное им письмо, но продержал русского офицера под арестом 20 дней[314]. Затем, видимо, опасаясь русских войск, отпустил его с письмом, в котором указывал: «...он с русскими в ссору вступать не будет, а шехсеванцев [шахсевенов] будет искать и разорять, где их поймает»[315]. Это следует объяснить тем, что шахсевены неоднократно проявляли свое нежелание признавать турецкое господство и выражали симпатии России. Теперь, когда последним грозила опасность, русские власти предупредили шахсевенов о намерении Сурхай хана и предлагали «...кочевым народам из Муганской степи ретироваться к куринской

[313] Реестр какие в 1728 году владением Сурхай хана Шемахинского и Тевризского Ибрагим паши с войском в Сальянскую провинцию подданным его императорского величества всероссийского разорение причинило и сколько деревень разорено и дворов позжено и людей побито и в плен взято и имения и скота пограблено. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 11 (1728), л. 97—100 об.

[314] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1 (1729), л. 79 а, 79 б.

[315] Там же, л. 79 б.

крепости»[316]. Шахсевены последовали совету комендантского управления и стянулись к крепости. Однако это не помешало Сурхай хану осуществить свое намерение. Вскоре его конница появилась у куринской крепости и не только разорила кочевые племена, но, переправившись на южный берег Куры, подожгла и разорила сальянские деревни. Многих людей воины Сурхай хана угнали в рабство, захватили огромные богатства и много имущества[317].

Узнав о новом злодеянии Сурхай хана, Румянцев «...тот же час командировал подполковника Пушешникова четырех сот человек пехоты из бакинского гарнизона, так же и немалого драгун издешнего Бакинского салтана Дергах Кули бекова людьми в сторону Сальянь»[318].

Когда русские войска совместно с отрядами бакинского Дергах Кули бека вступили в Сальянскую провинцию, Сурхай хан во избежание столкновения быстро отошел к западу, где были размещены турецкие войска. В донесении в Верховный тайный совет Румянцев сообщал, что: «...паша турецкой имел намерение разорить Куринскую провинцию еже ли б неприспела наша пехота»[319]. Хотя подполковнику Пушешникову был дан указ преследовать противника, однако это оказалось неосуществимым, ибо русские отряды в основном состояли из пехоты, а войска Сурхай хана из конницы.

Не сумев наказать Сурхай хана, Румянцев отправил турецкому сераскеру Мустафе паше письмо от 22 декабря 1728 г. Ссылаясь на Стамбульский договор 1724 г., Румянцев жаловался на Сурхай хана, напавшего на «...куралинский народ» и «куринскую провинцию»[320].

Одновременно Румянцев отправил письмо русскому резиденту в Стамбуле Неплюеву, в котором, в частности, говорилось: «того ради прошу Вас, государя моего о сем на него Сурхая к ответу представить, крепкое представление, что всегда явно подозрительные дружбе дела делает...»[321].

Как и следовало ожидать, турецкое правительство письма и жалобы представителей Российского государства предпочитало обходить молчанием. Между тем, Сурхай хан со своими отрядами, захваченными «имуществом» и скотом удалился в Казыкумых. По неофициальным данным, к этому времени число угнанных из Сальянской провинции баранов доходило до «сорока тысяч»[322].

Любопытно, что после ограбления Сальянской провинции Сурхай хан, не возвращаясь в свою резиденцию — Новую

[316] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. (1729), л. 79 б.

[317] Там же.

[318] Там же.

[319] Там же, л. 80 а.

[320] Там же, лл. 83, 84.

[321] Там же, л. 93 б.

[322] Там же, л. 82 а.

Шемаху, сперва обосновался в Лагиче, а ограбленное имущество и скот «...послал в прежние владения в Казы кумыки»[323]. Вскоре он переменил место своего пребывания и обосновался в деревне Магач. По-видимому, первое время Сурхай хан сильно опасался ответных действий русских властей и не рискнул оставаться в Новой Шемахе с награбленным имуществом. Мало того, будучи уверен, что русские войска, преследуя его, могут проникнуть в Новую Шемаху, он «...что имелось в Шемахе хлеба и прочего, то все распродал»[324]. В качестве наиба в Шемахе он оставил казыкумыхского феодала Мухаммеда[325].

Еще имеются сведения о том, что Сурхай хан совершал частые грабительские набеги в сторону Кубы и Дербента. Но здесь его отряды встречали противодействие русских войск и каждый раз вынуждены были отступать[326].

Как явствует из архивных документов, Сурхай хан не мог привлечь в свой отряд азербайджанцев и довольствовался услугами наемных войск из Дагестана. «И при нем [Сурхай хане], — читаем в архивном документе, — не имеется в Магачах более двухсот человек его казыкумыхского, а из шемахинцев (азербайджанцев) ни единого»[327]. Поэтому Сурхай хан, остро нуждавшийся в подкреплении, предлагал дагестанским феодалам присоединиться к нему, суля им при этом большие выгоды.

В свою очередь, Румянцев 3 октября 1728 г. отправил из Шабрана письмо дагестанским владетелям и духовным лицам, уговаривая их не соглашаться на авантюрные предложения Сурхай хана. Мало того, русским войскам удалось отогнать почти весь мелкий рогатый скот Сурхай хана в свою зону. Сурхай хану не удалось получить необходимой поддержки со стороны местных феодалов и он стал опасаться за свою власть. В 1729 г. он отправил в Стамбул шемахинского наиба Мухаммеда Казыкумыхского и одного из главарей суннитского духовенства — «шемахинского эфенди» с письмом, в котором бил тревогу о том, что русские войска непрестанно причиняют ему и его подданным обиды «... и требовал от Порты присылки войск, чтобы в тех обидах ему отмщение... [русским] учинилць»[328].

Однако Турция не ответила положительно, что грозило еще большим ослаблением позиций Сурхай хана. Вскоре в Гянджу прибыл Ибрагим паша и потребовал от Сурхай хана объяснения причины переселения его из Шемахи в Казы-

[323] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1 (1729), л. 162 а.
[324] Там же.
[325] Там же, л. 162 б.
[326] А. Зиссерман. Военно-исторические очерки. «Русский вестник», 1877, апрель, стр. 660.
[327] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1 (1729), л. 162 б.
[328] Там же.

кумых. Сурхай хан ответил, что пока ему не окажут военной помощи против русских, он не намерен возвращаться в Шемаху. Далее Сурхай хан выразил свои опасения; он писал, что «...я от России ныне злобу имею. Что по ее [Турции. — *Ф. А.*] же указом был в Мугане и в Сальянах, за что же российские командиры не токмо моих·но и всего моего казыкумыцкого владения баранов отогнали, а Порта де к возвращении тех баранов нималого старания не имеет»[329].

Между тем, в письме Сурхай хана есть и доля правды — нет сомнений в том, что он действовал с санкции турецкого правительства и с помощью турецких войск. Следующий документ, составленный до нападения Сурхай хана на Сальянскую провинцию, на наш взгляд, не требует комментариев: «На сих днях, писал ко мне турецкий паша из Гянджи, что он намерен послать Сурхая с несколькими числом войск к шахсеванцам для отмщения», — сообщил 30 сентября 1728 г. князь Аргутинский посланцу русского правительства в Карабахе Карапету[330].

Сурхай хан действительно оказал некоторые услуги Турецкому государству. Так, когда он был в Сальянах, к нему обратились влиятельные феодалы Южного Азербайджана беглярбеги Карадага «...Абдуразак хан и прочие знатные (люди), которые против турок бунтовали»[331]. Они пытались уговорить Сурхай хана выступить совместно против турецких агрессоров. Сурхай хан, ответив им утвердительно, затем «...без всякого скорбу их туркам отдал»[332]. Однако противники турецкого господства были настолько многочисленными, что арест Абдуразак хана и его сообщников ничуть не поправил положения вещей. Позиция турецких властей в захваченных краях, особенно в Закавказье, Южном Азербайджане и северо-западном Иране, продолжала оставаться критической. Главной причиной этого оставалась освободительная борьба широких народных масс крестьянства и трудового населения городов, стремившихся освободиться из-под ига турецких завоевателей[333]. Турецкие власти в Закавказье сами нуждались в военной силе. Вот почему усилия Сурхай хана не могли иметь успеха.

К концу 20-х годов XVIII в. восстановление пришедшего в упадок Иранского государства при наличии общенародного антитурецкого движения в Азербайджане и во всем Закавказье сделало положение турецких захватчиков крайне неустойчивым. Для укрепления своих позиций турецкие завоева-

[329] АВПР ф. СРП, оп 77/1, д. 1, (1729), л. 163 б.
[330] Там же, д. 2 а (1729), лл. 11—12.
[331] Там же, д. 1, (1729), л. 82 а.
[332] Там же.
[333] Н. Д. Миклухо-Маклай. Из истории афганского владычества в Иране. «Уч. зап. ЛГУ», 1954, № 179; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958, стр. 56.

тели стремились обманным путем ввести в заблуждение народные массы и направить их против русских властей, находящихся в прикаспийских провинциях. В этом деле они решили воспользоваться услугами самозванцев, оказавших определенное влияние на население. Подкупив одного из таких самозванцев, выдававшего себя за сына шаха Султана Гусейна Исмаила Мирзы[334], турки поручили ему вести среди населения пропаганду против русских. Однако самозванец не смог увлечь за собой народные массы.

Российские власти в прикаспийских провинциях внимательно следили за происходившими событиями в зоне турецкой оккупации и трезво оценивали положение вещей, стараясь не упустить из виду любую выгодную обстановку. Так, русский военачальник В. Левашев, узнав о предводителе отрядов сопротивления туркам Беджеане Султане[335], завязал с ним отношения, обещав ему убежище в случае неудачи. Беджеан Султан не примкнул к отрядам самозванца, присланным со стороны Турции, и, оттянув своих людей в горы, продолжал борьбу против турецких завоевателей в районе Султание[336].

Турецкие власти решили во что бы то ни стало через своих агентов усмирить антитурецкое настроение населения и направить вооруженную толпу людей в присоединенные к России области Азербайджана, где «...подданные его императорского величества... (пребывали) в покое, и противности от них нималой не видно»[337]. В это время Румянцев писал Неплюеву: «... получил я ведомость, что самозванец шахович своими [людьми] в Муганскую степь к нашим кочевым народам для разорения было приближался, но от командования посланца была партия. Его самозванца не могли догнать»[338]. Следует отметить, что первоначально к самозванцу присоединилось двести дворов муганцев. Однако вскоре народ, распознав истинные цели самозванца — ставленника турецких завоевателей, покинул его. Многие из восставших обосновались в присоединенных к России прикаспийских областях, что гарантировало им безопасность. Не добившись успеха, самозванец решил отомстить муганцам, разорив и ограбив их хозяйство. «... Самозванец, — гласит архивный документ, — по учению турецкому или сурхаеву вступил в область его императорского величества в Муганскую степь и начал было кочевому народу немалые обиды приключать...»[339].

334 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 17.
335 Беджеан Султан — родом из Грузии был на службе шаха Султана Гусейна. АВПР, ф. СРП, 77/1, д. 10, л. 14 а.
336 Там же, лл. 13 а, 13 б.
337 Там же, л. 164 а.
338 Там же, л. 13 а.
339 Там же л. 164 а.

Узнав об этом, русское командование отправило против принца-самозванца отряд русских войск во главе с капитаном Потцыным. Против самозванца также выступили представитель муганской знати, подлинный приверженец русской ориентации Али Кули хан и его брат со своими отрядами. 15 июня 1729 г. совместные отряды русских и азербайджанцев настигли самозванца и разбили его наголову. Спаслись лишь сам самозванец и 10—15 его воинов, которые удалились в Халхал, а затем в Мусуслу[340].

Из донесения князя Румянцева из Баку от 12 июля 1729 г. известно, что в отрядах самозванца насчитывалось две тысячи человек, тогда как отряды Потцына и Али Кули хана вместе взятые составляли не более 650 человек[341]. Как видно, несмотря на численное превосходство неприятель, не имевший никакой поддержки со стороны местного населения, потерпел неудачу. В бою погибли брат Али Кули хана и несколько человек из объединенного отряда[342].

Не нашел поддержки самозванец и в Мусуслу. Здесь против него выступил другой местный феодал Мир Фазил, который захватил, а затем убил самозванца. После этого Мир Фазил «с протчими обывателями в вверенном подданстве его императорскому величеству присягали и во их обычаю утвердились и награждены от него халатами и отпущены ныне пребывают в верности», — говорится в письме генерал-лейтенанта Левашева Румянцеву[343].

Приведенные факты, с одной стороны, свидетельствуют о доброжелательном отношении к Русскому государству большинства населения, проживающего как в прикаспийских, так и в других частях Азербайджана. С другой стороны, они показывают нараставшую в народе ненависть к турецким завоевателям.

Вместе с тем, в ряде случаев турецким завоевателям удавалось привлечь на свою сторону некоторых представителей местных феодалов. Так, в Астаринской провинции турецкое командование подкупило одного из местных феодалов по имени Вейсал. «Из астаринской провинции, — читаем в одном из документов того времени, — забунтовав один старшe именем Вейсал пристал к туркам, которого турки, не охраняя дружеского трактата, приняли и содержали при себе»[344]. Несмотря на неоднократные попытки и усилия, Вейсал не смог поднять население Астаринской провинции против русского владычества. Тогда Вейсал, как и другие наемники Турции, решил расправиться с мирным населением. Вейсал «...в аста-

340 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 1 (1729), лл. 156 а, 164 а.
341 Там же, л. 156 а.
342 Там же, л. 155 б.
343 Там же, л. 13 а.
344 Там же, л. 119 б.

ринской провинции обывателям чинил многие обиды и разорение, людей побивал, дворы жег, скот отогнал»[345].

Узнав об этих бесчинствах, Левашев отправил письма Али паше в Ардебиль и Мустафа паше в Тебриз, потребовав выдачи Вейсала русским властям. Турецкие военачальники не удовлетворили требования Левашева [346]. Напротив, они не прекращали своих авантюр[347], безуспешно стремясь поднять местное население против русских. Озлобленные непокорностью азербайджанского народа, турецкие завоеватели посылали карательные отряды из регулярных войск, которые жестоко расправлялись с мирным населением. Современник описываемых событий Иван Карапет сообщает: «...понеже Турки у Кызылбашш (имеется в виду азербайджанское население.—*Ф. А.*) отбирают не токмо пожитки, но и жен и детей для своих скверных дел берут насильно, а кто оспорит, тех убивают до смерти»[348].

Усилия турецких завоевателей подавить сопротивление народных масс и посеять вражду между народами Закавказья и Россией терпели неудачу. Простой народ и большинство феодалов, возненавидев турецкое господство, предпочитало покровительство Русского государства. Причем, в борьбе против жестоких поработителей объединились армяне и азербайджанцы, создав единый фронт против общего врага[349].

Есть основание полагать, что в прикаспийских провинциях большинство из феодальной знати верно служило Русскому государству. Об этом можно судить по архивному документу, составленному 29 мая 1730 г. генерал-фельдмаршалом В. В. Долгоруковым. Этот документ представляет собой перечень представителей местной феодальной знати прикаспийских провинций с указанием их отношения к русскому правительству. Приводим некоторые выдержки из него.

«В Астаринско-Кергеруцко провинциях ханом Мухаммед Муса — надобно и верно.

В Уджарцкой провинции Салтан Мухаммед Джафар — верной и надобной.

В Муганской Шахсеванской, Мазаригской степях ханом Али Кули — верно и надежно.

В Баке салтаном Дергах Кули: надобно наградить против первостатейных.

В Кубинской провинции и в Шебране и Кулагане и Мушкуре ханом Хусейн Али бек малолетный, однакож надлежить его наградить и наиба его Афрасяба, который зело верно и надобно.

[345] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, (1729), л. 119 б.
[346] Там же, д. 14 (1729), л. 119 в.
[347] Там же, лл. 13 б, 127 а.
[348] Заявление Ивана Карапета от 30 марта 1730 г. См. Г. А. Эзов, Ук. раб., стр. 449.
[349] Там же.

В Сальянской провинции наиб Голь Ахмедхан добро и верно.

В Муганской шагисеванской Мазаригской степей наибом Муса юзбаша верно, добро и надобно.

В Дербенте наибом Имам Кули бек о верности его известно всем.

В Ленкоранской провинции ханом Мир Азиз: посредственно.

В Казылагацкой провинции салтаном Келбеали: посредственно.

В Баке наибом Абуразак посредственно, однакож верно.

И вышеписанным первостатным надлежит дать, кроме жалованья, по шубу соболивую, здешне золотой материи, а мехи соболей до двухсот рублев: а протчим господинам таевые мехи: також и сукон и те парчи и мехи и сукна послать генерал-лейтенанту Левашеву и Румянцеву. Не шитые подать на них рассуждение смотря потамошным состоянию могут они зделав раздать»[350].

Как видно из приведенного документа, почти все феодалы—султаны и наибы были «верными, добрыми и надобными» людьми для русских властей в Прикаспии. Среди них имелось всего три «посредственных», и то они оставались верны Российскому государству. Приводимые в документе оценки позиций упомянутых феодалов были, видимо, весьма точными, поскольку он был составлен через восемь лет после присоединения прикаспийских областей к России, в период, когда Турция и постепенно восстанавливавшая свое государство феодальная знать Ирана всячески подстрекали местных азербайджанских феодалов к выступлению против русских властей. Приведенный документ еще раз опровергает устаревшую точку зрения, согласно которой будто в политических событиях описываемого периода первостепенную роль играли религиозные симпатии азербайджанцев.

Против турецких завоевателей на территории Азербайджана в 20-е годы XVIII в. также успешно боролись армяне Карабаха, о чем обстоятельно рассказывают П. Т. Арутюнян, В. А. Парсамян[351] и др.

Таким образом, в 20-е годы XVIII в. на территории Азербайджана происходили сложные военно-политические события. Самым крупным было столкновение политических интересов России и Турции в Азербайджане, в результате чего по Стамбульскому договору 1724 г. территория последнего была поделена между ними.

[350] Ведение что в прилученные ко империи Российского персидские провинции имеется ханов, салтанов, наипов. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 9 (1730), лл. 29 а, 29 б.
[351] В. А. Парсамян. Участие польских армян в восстании Давид Бека. Ереван, 1962.

Начиная с 1724 г. северо-западная и юго-западная часть Азербайджана подпали под гнет турецких завоевателей, прикаспийские же провинции Азербайджана вошли в состав России. В то время как турецким войскам приходилось вести ожесточенные бои за каждый клочок земли и с трудом подавлять сопротивление населения, русские войска почти нигде не встречали сопротивления, если не считать эпизодического противодействия одной из феодальных группировок в Баку.

В зоне турецкой оккупации завоеватели, облагая народ бесчисленными налогами, разрушали производительные силы страны. В прикаспийских провинциях же русские власти проводили весьма умеренную налоговую политику, осуществляли меры, направленные на расширение торговли, восстановление и развитие разрушенного хозяйства. С этой целью составлялись многочисленные проекты, представляемые на рассмотрение правительства. В одном из таких проектов говорилось: «нужно восстановить заброшенные караван-сараи в предместиях Баку; стараться о возвращении разбежавшихся жителей, обещая им помилование; привлекать заманчивыми обещаниями армян и индийцев из Шемахи и создать в Баку складочный пункт для всей торговли»[352].

Поэтому не случайно, что несмотря на различие языка и веры, подавляющее большинство азербайджанского народа предпочитало русское подданство, протекторат России, обеспечивавший относительно благоприятные условия для развития материальной и духовной культуры.

Русское государство, заинтересованное в поддержке местного населения, старалось расположить его к себе. В этих целях осуществлялся ряд мер, в том числе бакинцев и других азербайджанцев поощряли к активному участию в Волжско-Каспийской торговле.

Участие азербайджанских купцов в Волжско-Каспийской торговле, видимо, было обоюдно выгодным. Об этом свидетельствует тот факт, что бакинские купцы, ввозившие товары в Россию, нередко подолгу оставались там со своими семьями, занимаясь торговлей в русских городах. Приведем архивный документ, констатирующий наплыв азербайджанских купцов в города России в конце 20-х годов XVIII в. и датированный 1729 г.: «Список бакинских и сальянских купцов, которым выдан паспорт в Астраханской губернской канцелярии для торговли в верховых российских городах». Здесь приводятся следующие имена членов семейств купцов «Бакинской

[352] [И. Г. Гербер]. Замечания, клонящиеся к истинной выгоде вашего величества в тех завоеванных персидских провинциях, которые, по персидским трактам, остались за его величеством всероссийским. См. М. А. Полиевктов. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIII в. Россией прикаспийских областей Кавказа. Материалы по истории Грузии и Кавказа, IV вып. 1937, стр. 283.

провинции города Баку»: «Хаджи Селим, Ибрагим хан, Абдул Касем, Керим, Шехрибану баба, Асия жена Хаджи Селима, мулла Мехмед Кули, Ханом Султан баба, Экбир жена Керимова, Мехдум баба, Хаджи Зюрфикар, Ага Мехмуд, Эмеля девка, Хан Мамед, Текезбан девка, Пери жена Муламбекова, Мехемед Садых, Ахмед сын, Мансур Эвез Али, Хаджи Бану баба, Кул Али, Гелихон жена хан Мамедова, Мулам-бек, Гюзель жена Садыхова, Пери баба»[353].

Всего в списке названо более 60 имен бакинских и сальянских купцов, которые, прибыв в Астрахань со своими семьями, просили астраханскую канцелярию выдать им паспорта для въезда во внутренние города России для торговли. Несмотря на то, что в документе не указывается количество привезенных им товаров, можно полагать, что эти купцы выезжающие вместе с семьями, не были мелкими торговцами. С другой стороны, этот документ, вопреки ранее установившемуся мнению, показывает, что азербайджанцы, как и русские, армяне, индийцы, принимали активное участие в Волжско-Каспийской торговле.

Население прикаспийских провинций Азербайджана, отошедших к России, получило передышку от феодального насилия иранских властей и стало заниматься мирным трудом: «сии люди, — пишет современник, — обрадовались, как увидели, что при разграничении их уезд русским, а не туркам остался»[354]. Жители же из западной и юго-западной частей Азербайджана, испытывавшие на себе тяжелое бремя турецкого владычества, подвергались неслыханным насилиям. Жестокий гнет турецких завоевателей, хищническое налоговое ограбление, тирания и произвол стимулировали дальнейшую освободительную борьбу азербайджанцев, в 30-х годах XVIII в. вступившую в новый этап своего развития.

[353] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 163 (1729) л. 2.

[354] ЦГАДА, Ф. Ермоловых, ед. хр. 315, л. 35; И. Г. Гербер. Описание стран и народов, стр. 93.

БОРЬБА ПРОТИВ ТУРЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ XVIII в.

К 30-м годам XVIII в. большая часть территории Сефевидского государства была полностью очищена от афганских захватчиков[1]. Однако северо-западная часть государства — Иранский Курдистан, Хамадан, Керманшах, значительная часть Персидского Ирака, почти все Закавказье (кроме прикаспийских областей) — все еще находилась в руках турецких завоевателей. Теперь перед Иранским государством, в котором с каждым днем выдвигался Надир Кули хан, стояла другая, не менее важная задача — свести счеты с турецкими завоевателями.

Турецкое завоевание было тяжелым бедствием для населения завоеванных стран. Пришли в запустение ирригационные системы, являющиеся жизненной артерией для сельского хозяйства многих областей, были опустошены села, города и области, сократилась торговля и производительная деятельность городов. Турецкая агрессия сопровождалась огромными человеческими жертвами. Разорение крестьян и горожан, захват в плен и массовый угон мирного населения привели к появлению на городских рынках большого числа рабов.

Современник событий Шейх Мухаммед Али Хазин лаконично и образно дал характеристику своей эпохи в следующем двустишье:

От множества зла и беззакония времени
Правда отвернулась, справедливость исчезла из среды[2].

Во время военных действий больше всего страдали сельские местности, не имевшие оборонительных сооружений. О тяжелой крестьянской участи в дни турецкого господства можно судить по надписи, имеющейся в мечети селения Ванmicand, примыкающей к гор. Ордубаду в Нахичеванском округе: «...были крайний неурожай и скудность, так что ман[3] пшеницы стоил 400 динаров, рис — 800 динаров, масло — 280 динаров, мед — 3200 динаров, душаб — 2400 динаров, лук — 800 динаров, чеснок — 120 динаров; хлопок — 400 динаров, семечки дыни — 5000 динаров... В результате дороговизны и скудности был настоящий ад. Время настолько омрачилось, что на протяжении одного года селение Ванmicand и его окрестности три раза подвергались нападению и опустошению, и многие мусульмане, мужчины и женщины были убиты и угнаны в неволю, а прочие рабы божии, рассеявшись и перейдя реку Аракс, поселились в деревнях того берега. И в те дни неблагоприятного сочетания планет[4] торговля также была прекращена»[5].

Содержание данной надписи очень четко рисует состояние населения, находящегося в зоне турецкой оккупации. Голод, неурожай, дороговизна и эпидемии стали обычным явлением почти во всех областях, куда бы не ступали копыта турецкой конницы. Невспаханные поля, выжженные посевы, развалины домов, люди, оставшиеся без крова — вот незавидный пейзаж, созданный господством турецких завоевателей.

Безусловно, такая обстановка благоприятствовала началу военных действий Надира против Турции. Немаловажным событием, обещавшим Ирану удачный исход войны, был государственный переворот в Турции 1730 г., в результате которого свергли Султан Ахмеда III, а турецкие правящие круги занялись взаимной борьбой и улаживанием внутренних неурядиц. Русское государство, враждовавшее в то время с Турцией, стало более благосклонно относиться к Ирану.

Таким образом, Надир и другие иранские феодалы-военачальники, трезво оценив обстановку, решительно высказались за военные действия с Турцией. В связи с этим шах Тахмасиб II послал к турецкому султану официальное посольство с требованием о возвращении всех областей, находившихся во владении Сефевидов и занятых теперь турецкими войсками[6], на что Турция ответила категорическим отказом.

Между тем, правящие круги Ирана, отправив в Стамбул посольство и не дождавшись ответа, начали военные действия[7]. В Южном Азербайджане опорными пунктами турецких

[1] Н. Д. Миклухо-Маклай. Из истории афганского владычества в Иране. «Уч. зап. ЛГУ», 1954, № 179.

[2] Шейх Мухаммед Али Хазин. Ук. раб., стр. 194.

[3] Ман, или батман нахичеванский, — около 13 *кг*; тебризский — 3 *кг*.

[4] Согласно средневековым представлениям мусульман, всякое стихийное или общественное бедствие объяснялось астрологически неблагоприятным сочетанием планет и созвездий: И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 318.

[5] Эта надпись впервые в научной литературе приведена в работе Н. Ханыкова „Menioires sur quegues inserigtions musulmanes du Caucase“. Мы использовали русский перевод надписи И. П. Петрушевского с незначительными изменениями. См. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений, стр. 301—302; его же. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 318; Ш. С. Гусейнов. Последствия налоговой политики шаха Султан Гусейна и Надир шаха для экономики Азербайджана. «Изв. АН Азерб. ССР», 1961, № 4, стр. 15; М. Х. Нейматова. Эпиграфические памятники Азербайджана. Баку, 1963, стр. 139.

[6] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 104.

[7] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1730), л. 16; Мухаммед Казим. Ук. раб., т, стр. 82 а—92 а. П. Г. Бутков. Там же.

завоевателей были такие крупные ремесленно-торговые центры, как Марага, Тебриз и Ардебиль. Первую крупную победу над турецкими войсками в Южном Азербайджане войска Надир Кули хана одержали в Мараге. Под ударами его войск турецкие части, возглавляемые Теймур пашой, отступили в сторону Тебриза[8]. В Тебризе турецкие военачальники просили нового пополнения в живой силе и провианте. Хотя турецкое командование и отправило в сторону Тебриза необходимую провизию и войска в количестве 4000 человек под командованием Копурли паши, однако на пути к Тебризу отряд был разбит иранскими войсками, а провиант захвачен. Сам Копурли паша с оставшимися в живых воинами отступил в сторону Еревана[9]. Таким образом, положение турецкого гарнизона в Тебризе стало критическим.

Вскоре Надир Кули хан неожиданно для турецких войск со своей армией появился у Тебриза. «Османцы, — пишет Абрам Ереванци, — не ожидали от него [Надир Кули хана] чего-либо подобного и вдруг увидели его стоящим перед городом, в то время как по их предположению мог явиться из своего города лишь спустя шесть дней»[10].

Началась ожесточенная схватка. Не выдержав натиска многочисленных войск противника, турецкий гарнизон стянул свои силы в город и в течение шести дней отбивался от беспрерывных атак иранских войск, однако, предвидя исход сопротивления, турецкое командование решило оставить город и направиться в сторону Еревана[11]. К тому же местное население с оружием в руках поднялось против турецкого гарнизона[12].

В результате этого в сентябре 1730 г. войска Надир Кули хана овладели Тебризом[13].

Современник событий Шейх Мухаммед Али Хазин пишет, что Надир Кули хан, освободив Тебриз от турок, дал противникам «суровое наказание и выгнал их за Аракс»[14]. «И взял Кули хан Тафриз и все войска османское какое он там нашел, полностью перебил, — сообщает Абрам Ереванци. — Некое укрепление было возведено османцами посреди города,

8 Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 98 б.
9 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 105.
10 А. Ереванци. Ук. раб., стр. 153.
11 Там же; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 54.
12 Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 104 б.
13 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1730), л. 96; ЦГВИА, д. 1540, л. 113 об; А. Ереванци. Ук. раб., стр. 54; Акоп Шамахеци. Походы Тамас-Кули хана (Надир-шаха) и избрание его шахом. См. С. Тер-Аветисян. Походы Тамас-Кули-хана (Надир-шаха) и избрание его шахом в описании Акопа Шамахеци. Тифлис, 1932, стр. 9; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 105; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 96; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 53; М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1958, стр. 94.
14 Шейх Мухаммед Али Хазин. Ук. раб., стр. 190.

Кули-хан, совершенно разрушив, снес его до основания. Остался он в городе два месяца, пока набрал большое войско, численностью около двадцати четырех тысяч с тем, чтобы пойти на Ереван»[15].

Однако прежде чем идти на Ереван, Надиру предстоял захват еще одного крупного опорного пункта турецкого командования — Ардебиля. Небезынтересно отметить, что и на этот раз благодаря вмешательству русских властей город Ардебиль был занят без кровопролития. Это произошло таким образом: когда город Ардебиль был осажден войсками Надир Кули хана, оставшийся без поддержки и подкрепления малочисленный турецкий гарнизон, «...не видя помощи от своих, просил у генерала Фамилишина, командовавшего в Астаре, помощи»[16]. Приезжие купцы из Ардебиля сообщили русскому командованию, что там «...турков немного и в опасности от персиян укрепляются»[17]. Интересы Русского государства в то время требовали, «... чтобы турки были выбиты из Ардебиля и удалились от Каспийского моря»[18].

Генерал-лейтенант Левашев, заменивший командующего в каспийских областях Румянцева, внимательно изучил создавшееся положение и нашел очень остроумный выход: он послал на помощь Надир Кули хану несколько переодетых русских офицеров с тем, чтобы они не были опознаны турками, и артиллерию, но в то же время[19] он сообщил турецкому паше в Ардебиле, что тот «может найти убежище в Астаре и ему навстречу вышлют отряд, чтобы принять под командный ему гарнизон»[20]. Вскоре упомянутый турецкий паша действительно «прибыл в Астару с 160 чел. пехоты и 130 конницей»[21].

Таким образом, благодаря тонкой дипломатии Левашева все обошлось гладко — турецкие войска, не понеся потерь, с малочисленным отрядом покинули Ардебиль, нашли прибежище в Астаре, а затем через Ширван отправились в подвластные им территории. Войска же Надир Кули хана без каких-либо усилий овладели Ардебилем.

Окрыленный успехом Надир Кули хан, обращаясь к турецким правителям городов и округов Азербайджана и Армении, потребовал немедленно покинуть их[22]. Однако дальнейший ход событий воспрепятствовал успешной борьбе против турецких завоевателей. В то время, как Надир Кули хан собирался в поход в сторону Еревана, превращенного турками в один из опорных пунктов в Закавказье, неожиданно из Хора-

15 А. Ереванци. Ук. раб., 54.
16 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 113.
17 Там же.
18 А. Ереванци. Ук. раб., стр. 54.
19 М. С. Иванов. Ук. раб., стр. 95.
20 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 113.
21 Там же.
22 Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 104 б.

сана была получена весть о восстании, участники которого «... и дом Тахмас хана [Надир Кули хана] разорили и брата его убили»[23]. В этой связи Надир Кули хан немедленно поспешил в сторону Хорасана[24]. В это же время Тахмасиб II, чтобы поднять свой личный авторитет, в 1731 г. начал новые военные действия против турецких войск, преследуя цель отобрать у них Ереван, а затем и Нахичеван[25]. Несмотря на первоначальный успех в районе Эчмиадзина[26], под Ереваном, Тахмасиб II потерпел позорное поражение и сам едва не попал в плен, будучи в нетрезвом состоянии[27]. В первых числах апреля Тахмасиб II с остатками войск за неимением провианта и фуража вернулся в Тебриз[28]. «В войске царил великий голод и у него [шаха] погибло много народа, коней и катырей [мулов. — Ф. А]»[29] — говорится в документах того времени.

Спустя некоторое время Тахмасиб II решил испытать свое счастье в Северном Азербайджане: «снабдив войско провиантом, конями и артиллерией (намереваяся) идти из Тебриза к Гяндже и Шемахе»[30]. Узнав о намерении Тахмасиба II, турецкое командование усилило оборону Гянджи. Вскоре в Гянджу прибыл Сурхай хан со своими войсками, чтобы в случае столкновения с иранскими отрядами выступить на стороне Турции[31]. Однако Тахмасиб II, не желая больше рисковать и ронять свой престиж, решил покинуть Тебриз и удалиться либо в сторону Казвина, либо Исфагана[32]. Лишенный полководческого дара, шах Тахмасиб II предавался увеселениям. «Шах,—писали из Тебриза русские дипломаты—подполковник Ерлов и секретарь Аврамов генералу Левашеву и барону Шафирову 13 июня 1731 г., — не удерживает пребыванием в подпити хмельнова и у нас почти все перебрал водку, вишневку и чихирь[33] боченками и бутулками, а нам ничего и министры и дом шахова без стыдно и нахально всех нас обирали, а нам ни от кого ничего»[34].

Между тем, после поражения иранских войск под Ереваном «положение в Персии вновь изменилось. Турецкая сторона усилилась, а персидская ослабела»[35]. Турецкое командование, воспользовавшись отступлением иранских войск и отсутствием Надир Кули хана, решило вновь захватить потерянную в 1730 г. территорию. Турецкие войска направились в сторону Тебриза. В свою очередь, «Сурхай хан получил приказ от [турецкого военачальника] Али-паши 24 апреля 1731 года, чтобы он шел в Тебриз, соединяясь с турецкими войсками, которые посланы из Гянджи»[36]. Кроме Сурхай хана турецкое командование отправило в области, присоединенные к России, своих агентов для подрывной деятельности. Один из таких агентов некий Мансур хан орудовал во владениях Али Кули хана в пределах Сальяна и Мугани[37]. Видимо, Мансур хан в этих краях не добился даже незначительного успеха и был разбит ополчениями местных правителей. Об этом можно судить по следующей выдержке из архивного документа: «Появившийся в Муганской степи Мансур хан ныне утих и по ведомостям шатается он в Муганской степи в малых людях»[38]. Зато турецким войскам сопутствовал успех в Южном Азербайджане и Иране.

Турецкое командование, ободренное успехом под Ереваном, приказало наместнику Багдада Ахмед паше вести наступление на Хамадан через Кирманшах. Это движение, непосредственно угрожавшее безопасности столицы Ирана Исфагану, заставило Тахмасиба II покинуть Тебриз. Вскоре произошла битва между двумя сторонами. Потерпев очередное поражение, Тахмасиб II отступил к Казвину[39]. Таким образом, турецким войскам открылся путь к Исфагану[40]. Однако Ахмед паша, считая, что для взятия столицы Ирана у него недостаточно сил, удовлетворился опустошением завоеванной территории.

Одновременно другая колонна турецкой армии действовала в районе Тебриза, население которого не желало больше быть жертвой алчных завоевателей и при известии о приближении противника, будучи не в состоянии оказать сопротивление многочисленным войскам, покинуло город и удалилось в недоступные горы[41]. Так турецкие войска без особого усилия вновь заняли Тебриз[42].

Турецкие войска настолько развернуто и молниеносно начали военные действия, что уже были близки к желанной це-

23 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14, (1740), л. 96.
24 Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 116 а.
25 Там же, стр. 156 б.
26 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1731), л. 373 с. об.
27 Там же, л. 374 об.; ср. лл. 470—474.
28 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 14.
29 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1731), л. 374 а.
30 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1733), л. 470—474.
31 Там же, л. 374 об; там же, ф. ВУА, д. 1540, л. 14.
32 Там же; Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 163 а.
33 Чихирь—чахыр (азерб.)—вино.
34 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1731), л. 474.
35 Там же, л. 332.

36 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1731), л. 194; ср. А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 56.
37 А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 56.
38 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 10 (1731), л. 208, с. об.
39 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 113; Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 163 а.
40 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1731), л. 213.
41 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 351.
42 Там же, стр. 109.

ли получить «...возможность направить свои действия к Каспийскому морю и утвердиться там»[43].

Оставшись перед фактом позорного поражения и опасаясь окончательно расстаться с властью, шах Тахмасиб II «помышлял уже единственно о средствах к окончанию войны»[44], ибо он «...в сию кампанию потерял все что в прошлом году приобретено было под предводительством Надира»[45].

В этой связи шах Тахмасиб II отправил своих представителей в лагерь турецкого командования с предложением заключить мирное соглашение. Мир в такой же степени был необходим и турецкой стороне. Архивный документ гласит: «с своей стороны и турки, не желая подвергнуть приобретенных выгод новым опасностям, весьма расположены к миру, почему Вавилонский паша по прибытии уполномоченной особы от шаха, без труда решил дело к удовлетворению обоих сторон»[46].

Узнав об этом, Надир Кули хан, находившийся на расстоянии 1800 верст от Исфагана, немедленно отправил письмо с предложением не заключать мира с Турцией и не уступать ей никаких земель[47]. Однако 16 января 1732 г. в городе Керманшахе был заключен мирный договор между Ираном и Турцией, который шах ратифицировал без замедления[48]. По условиям данного договора, города Ереван, Гянджа, Тифлис, Шемаха с Ширванской провинцией и Дагестан признавались за Турцией, города Тебриз и Керманшах отходили к Ирану. Границей между этими государствами должна была служить река Аракс[49]. Кроме того, Ахмед паша багдадский получил в кормление (арпалык) девять округов в области Керманшаха[50].

Во время турецко-иранской войны Российское государство, также враждовавшее с Турцией и искавшее надежного союзника в этой борьбе, высказалось за заключение договора с Ираном, при этом оно выражало готовность добровольно вернуть Ирану ряд прикаспийских областей. Надо заметить, что после смерти Петра I в Российском государстве «некому было так властно, прозорливо и умело продолжать начатое

[43] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1731), л. 4; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 37.

[44] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 18.

[45] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 109.

[46] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 18.

[47] А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 58; П. Г. Бутков как место заключения договора указывает город Гамедан. Ук. раб., стр. 110; По мнению советского историка М. С. Иванова, договор был заключен 10 января. Ук. раб., стр. 95.

[48] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 110.

[49] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 18; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 58.

[50] И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 317.

Петром»[51] мероприятие на Каспийском море. К тому же содержание значительного числа войск в оккупированной зоне становилось невозможным из-за затрат огромного количества материальных средств. «Русский двор, — говорится в архивном документе, — следуя за персидскими делами, требующими больших издержек на содержание корпуса, ибо доходов, собираемых с провинций было недостаточно, желал скорее кончить все тамошние дела и сдать их опять Персии»[52].

Русское правительство отправило в Решт известного дипломата своего времени действительного советника барона Шафирова, чтобы ускорить ведение переговоров с персидским двором. Прибыв в Решт, Шафиров отправил шаху Тахмасибу II проект договора, в котором Русское государство обязывалось передать Ирану занимаемые им области, лежащие на правом берегу реки Куры, остальные области от реки Куры до Дербента должны были временно оставаться в руках Русского государства, но и те оно обещало возвратить Ирану в случае, если последний сумеет изгнать турок из пределов Закавказья[53].

Вскоре, отправив в Решт своего представителя Ибрагим Мирзу, шах сообщил о своем согласии заключить мирный договор. Однако генерал Левашев и Шафиров, извещенные о новом поражении шахских войск в войне с Турцией и об усилении турецкой стороны, решили, «что неблагоразумно при таких обстоятельствах заключать договор: ибо легко могло случиться, что возвращение Персии области могли подпасть под турецкую власть... (решили) оттянуть переговоры до совершенного решения дел между Персиею и Турциею»[54].

Тем не менее после заключения ирано-турецкого договора Русское государство решило не обострять отношений с Ираном. К тому же явное усиление влияния Надир Кули хана обещало укрепление в Иране центральной власти и гарантировало недопущение турецких войск в прикаспийские провинции. В этой связи представители Русского государства, возобновив переговоры о заключении договора, 21 января 1732 г. в Реште подписали трактат[55].

Рештский договор состоял из 8 пунктов, которые вкратце сводились к следующему: Россия в течение пяти месяцев по

[51] А. Штылько. Волжско-каспийское судоходство в старину. СПб, 1896, стр. 45.

[52] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1540, л. 114.

[53] Там же.

[54] Там же.

[55] Там же, л. 18; ср. раб. Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, стр. 194—202; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 110; И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране, стр. 317; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 99; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 58—59; М. С. Иванов заключение Рештского договора датирует 1 февралем 1732 г. см. М. С. Иванов. Ук. раб., стр. 96.

заключении и ратификации трактата передает Ирану все земли по берегу Каспийского моря до устьев Куры с тем условием, чтобы они непосредственно находились под властью Ирана, который не должен был допускать сюда Турцию; земли к северу от реки Куры вдоль Каспийского моря, включающие такие важные города, как Баку и Дербент, должны были быть переданы Ирану после того, как последний возвратит себе все земли, захваченные в 20-е годы Турцией; в знак благодарности Иранское государство обещало соблюдать вечную соседскую дружбу с Российской империей и «неприятелей ея иметь за своих неприятелей». Подданным Российского государства иранский шах дал обещание позволять «во всех землях и местах персидского государства вести свободную и вольную торговлю беспошлинно и безо всяких других поборов и податей как с привезенных в Персию из России, так и покупаемых [в Персии] на товаров». Русским купцам разрешался также беспошлинный транзит товаров в Индию и другие соседние страны и обратно. Русским подданным также позволялось «в удобных местах домы, каравансараи и лавки для своего купечества и складу товаров строить, для чего и отводить им места».

Обращает на себя внимание 7-й пункт договора, где говорится о тех, «которые персидские подданные в подданстве российском были, те бы в лицах своих и имении никакого вреда не потерпели»[56].

Таким образом, на основе Рештского договора 1732 г. внутриполитическая обстановка в стране несколько изменилась, прикаспийские провинции Азербайджана вновь до устья Куры подпали под власть Иранского государства. Отказ Русского государства от прикаспийских провинций Турция и ее ставленник Сурхай хан расценивали не иначе, как непосредственный результат ослабления позиций России в Прикаспии. Подстрекаемый Турцией Сурхай хан решил воспользоваться этим случаем и предъявить необоснованные претензии на некоторые деревни и села в северо-восточной части Азербайджана, бывшие под протекторатом России. Сурхай хан намеревался напасть на Кубинскую провинцию, так как эти места «достались по разграничению в турецкую сторону»[57]. Мало того, он решил потребовать от кубинского наиба всех баранов и прочие поборы, которые тот собрал с населения с 1724 г., примерно, в течение 8 лет[58].

Однако Сурхай хан не торопился с походом в Кубинскую провинцию из-за отсутствия достаточных сил для столь рискованной военной операции. «При Сурхае хане войска не имеются»[59], — говорится в документе, датированном 1732 г.

Сурхай хан сильно нуждался в подкреплении. Однако первое время от Турции пополнения не поступало. Это отчасти даже устраивало Сурхай хана, который, по-видимому, воспользовавшись переворотом в столице Турции и возвращением турецких войск, решил стать самостоятельным властелином. Однако после того, как русские войска оттянулись на север, турецкое командование решило отправить в Ширван войска с учетом дальнейших совместных действий с отрядами Сурхай хана. «Сурхай де хан, — говорится в архивном документе, — и сам войско турецкова опасающие понеже де в Шемаху пришлется скоро из Генжи турок двенадцать тысяч...»[60]. До прихода турецких войск Сурхай хан, решив осуществить свои замыслы без помощи Турции, завязал родственные узы с аварским уцмием. Он выдал свою дочь за сына уцмия и тут же потребовал от него собрать или нанять войска для предстоящего похода[61]. Одновременно Сурхай хан отправил своего представителя к бакинскому Дергах Кули хану, призывая его «...к себе на помощь и обещал ему казны дать сколько потребно будет»[62]. Однако Дергах Кули хан не откликнулся на это.

Узнав об усиленных приготовлениях Сурхай хана к военным действиям, русское командование в Прикаспии приняло меры предосторожности и приготовилось к контрудару в предполагаемом районе между Дербентом и Кубой. Русские власти также старались, чтобы «подданных ея императорского величества до разорения»[63] не допускать. В связи с этим русское командование усилило военные части — в район Низабада был отослан дополнительно один батальон пехоты[64].

В марте 1732 г. Сурхай хан со своими отрядами хотел напасть на Низабад, однако, получив решительный отпор со стороны российских войск, вернулся обратно[65].

После этого инцидента ни турецкое командование, ни Сурхай хан не решались более нападать на прикаспийские провинции Русского государства, которое обещало вернуть их Иранскому государству, где к этому времени внутриполитическая обстановка резко обострилась. По возвращении из Хорасана Надир Кули хан, опираясь на поддержку военно-феодальной знати, «низвергнул [шаха Тахмасиба II] с престо-

[56] ПСЗ, т. VIII, стр. 617, 618; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 111—113; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 99; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 69.

[57] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1732), л. 19 а.

[58] Там же, л. 19 б.

[59] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1732), л. 20 а.

[60] Там же.

[61] Там же.

[62] Там же.

[63] Там же, л. 18.

[64] Там же.

[65] А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 60.

ла и отослал в Мешхед, где он ослеплен»[66]. Шахом Ирана Надир Кули хан провозгласил восьмимесячного сына Тахмасиба II Аббаса-мирзы под именем Аббаса III, при котором состоял регентом. С тех пор Надир Кули хан фактически стал полновластным правителем Иранского государства.

Первым делом Надир Кули хан аннулировал договор 1732 г., заключенный Тахмасибом II с турецким двором. Затем он настоятельно и решительно потребовал от Турции возвращения всех земель, которые были завоеваны ею, начиная с 1723 г. Отказ Турции выполнить это требование послужил причиной начала военных действий Надира против турецких завоевателей. Надир Кули хан разделил свою огромную армию, насчитывавшую до 100 тысяч человек, на 3 части: одна направилась в сторону Тебриза, другая — в Курдистан, третья — во главе с самим Надир Кули ханом взяла курс на Багдад.

Несмотря на то, что начало войны с Турцией для Надир Кули хана складывалось неудачно[67], однако он быстро оправился от поражений и, перейдя в решительную контратаку, наголову разбил турецкие войска. Не выдержав сильного натиска армии Надир Кули хана, турецкое командование попросило перемирия. Так, в феврале 1733 г. в Багдаде между Надир Кули ханом и турецким командованием во главе с Ахмед пашой был заключен договор о прекращении военных действий[68]. По условиям Багдадского договора, турецкая сторона обязалась вернуть Ирану все земли, захваченные Турцией в течение последнего десятилетия. Договор предусматривал установление границы между двумя государствами в том виде, в каком она была определена более ста лет тому назад турецко-иранским договором 1639 г.[69] Однако турецкое правительство отказалось ратифицировать договор, но обещало вернуть Ирану захваченную территорию Кавказа только через два года[70]. В связи с этим военные действия между Ираном и Турцией возобновились, но вскоре, получив ощутимые удары, турецкое командование решило приостановить военные действия на территории Южного Азербайджана. Турецкий султан через наместника Багдада Ахмед хана отослал свой «Хати-шариф (высокое повеление) ко всем управителям завоеванных областей с повелением немедленно возвратиться в Турцию[71].

[66] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 114; А. Ереванци. Ук. раб., стр. 61—63; М. С. Иванов. Ук. раб., стр. 95; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 100; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 60 и др.

[67] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 215 а.

[68] Там же, стр. 252 а.

[69] Акоп Шамахеци. Ук. раб., стр. 9; М. С. Иванов. Ук. раб., стр. 95—96; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 61; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 113.

[70] Нурулла Ларуди. Зендегани-е Надир шах-е пэсар-е шамшир (на персид. яз.). Тегеран, 1319, стр. 83; В. Минорский. Тарихче-е Надир шах (на персид. яз.). Тегеран, 1313, стр. 44.

Таким образом, шаг, предпринятый Турецким государством, до некоторой степени разрядил военную обстановку. Однако дипломатические отношения между Ираном, Россией и Турцией все еще оставались натянутыми. Освещение последнего вопроса не входит в рамки нашего исследования, тем более, что об этом более обстоятельно рассказано в работе А. А. Абдурахманова[72]. Отметим лишь, что с момента относительного налаживания взаимоотношений Надир Кули хан настоятельно требовал у Русского государства оставить прикаспийские провинции, расположенные к северу от реки Куры. В этой связи русское правительство летом 1733 г. направило к Надир Кули хану своего чрезвычайного посла князя С. Голицына для окончательных переговоров. С. Голицын от имени своего государства заверил Надир Кули хана, что Россия никогда не окажет помощи Турции в случае войны[73] с Ираном из-за Закавказья и примет конкретные меры по отношению к прикаспийским областям «лишь в том случае, если Иран будет действовать против Турции решительно»[74]. Русских властей особенно беспокоила деятельность Сурхай хана в Ширване, совершавшего грабительские налеты на прикаспийские провинции. Чтобы покончить с господством Сурхая в Ширване и вообще турок в Закавказье, Надир Кули хан 14 июня 1734 г. двинулся в новый поход из Афганистана в Азербайджан. В этом походе его сопровождал С. Голицын. Чтобы обезопасить свой тыл, Надир Кули хан на местах назначал правителей из числа благонадежных людей. В частности, в Мараге он отстранил от власти бывшего наместника и назначил правителем своего приближенного Гасан бека из Тебриза[75]. Затем через Тебриз Надир Кули хан прибыл в Ардебиль[76].

В. Минорский отмечал, что на протяжении всего пути Надир Кули хану приходилось усмирять и подчинять своей воле почти все провинции. Из Ардебиля Надир Кули хан поручил астаринскому Мусе хану послать одного из нукеров с султанским «Хати-шарифом» к Сурхай хану и потребовать немедленного удаления из Ширвана. Однако Сурхай хан убил доставившего ему письмо нукера и «...написал Муса хану дерзкое письмо в том смысле, что овладел Ширваном силой меча

[71] Мухаммед Хиджази. Холасе-е тарих-е Иран (на персид. яз.). Тегеран, 1335, стр. 188.

[72] А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 62—65; В. Минорский. Ук. раб., стр. 44.

[73] Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 88; В. Минорский. Ук. раб., стр. 44.

[74] А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 64.

[75] Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 278 б.

[76] Там же.

лезгинских львов и что Ахмед Багдадский и другие не имеют никакого права присылать подобные требования»[77].

Получив столь резкий ответ, Надир Кули хан решил наказать Сурхай хана и очистить Ширван от протурецких элементов, ибо только полное изгнание турецких войск из пределов Закавказья гарантировало безоговорочный уход русских войск из всех прикаспийских областей.

Летом 1734 г. Надир Кули хан двинул свои войска в сторону Шемахи[78], которую захватил в конце августа 1734 г., и приказал разрушить ее до основания, а население переселить в местечко Агсу.

О захвате одного из древнейших политических, экономических и культурных центров Азербайджана войсками Надир Кули хана в различных источниках имеются весьма разные и противоположные версии. Например, в анонимном источнике XVIII в. «Хроника войн Джара в XVIII столетии» читаем, что Надир Кули хан «...по просьбе жителей Шемахи, прибыл туда во главе большой армии и неожиданно вступил в нее, причем об этом люди узнали только после того, как он вошел в город»[79]. Некоторые историки и хронисты пишут о том, что при известии о приближении войск Надир Кули хана Сурхай удалился в Казыкумых, и иранские войска заняли Шемаху без каких-либо затруднений.

Один из французских миссионеров, посетивших Азербайджан в первой половине XVIII в., пишет: «Персы, видя, что никто не оказывает сопротивления их продвижению, покойно перешли реку и подошли к Шемахе, ворота которой были им открыты. Для этого города было счастием, что в нем не было войска способных оказать сопротивление персам, так как Тахмас Кули хан обещал своим разрешить грабить в том случае, если он встретит хоть малейшее сопротивление»[80]. У В. Минорского читаем: «Надир 25 августа перешел Куру и спустя 4 дня без боя захватил Шемаху»[81].

Азербайджанский историк А. А. Бакиханов, касаясь захвата Шемахи войсками Надир Кули хана, отмечал, что вследствие грубого отказа Сурхай хана Надир почел за нужное

[77] Мухаммед Хиджази. Ук. раб., стр. 188; Мирза Мехти хан Астрабади. Тарих-е Надири (на персид. языке). Тебриз, 1268, стр. 85; Рза Кули хан Хидаят. Роузат-ас-сафа-е Насири (на персид. яз). Тегеран, 1280, т. 8, стр. 324; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 113.

[78] А. Ереванци. Ук. раб., стр. 74; Г. Алкадари. Асари Дагестан. Махачкала, 1929, стр. 63—64; Донесение английского посланника в Петербург К. Рондо лорду Гаррингтону от 26. X 1736 г. см. СИРИО, т. 76, д. 147, стр. 307; Акоп Шамахеци. Ук. раб., стр. 9.

[79] Хроника войн Джара в XVIII столетии. Баку, 1931, стр. 18.

[80] Выдержки из записей французских миссионеров Маза, Башуда, Флорио и др. Перевод с франц. яз. Абезгуз, НАИИ, инв. 471, стр. 70.

[81] В. Минорский. История Надир шаха..., стр. 46.

прежде всего идти на Ширван и усмирить дерзкую надменность правителя. Лишь только появился он на берегу Куры, Сурхай хан, оставив Шемаху, удалился в горы. «Надир 17-го августа 1147 [1734 г.] вступил в Шемаху, назначил Мухаммед-Кули хана [правителя Ардебиля] правителем Ширвана»[82].

Несмотря на приведенные высказывания, есть основание полагать, что хотя Сурхай хан избежал встречи с Надир Кули ханом и удалился в Дагестан[83], однако иранские войска заняли Шемаху не беспрепятственно.

В одном из источников читаем: «Когда была осаждена Шемаха, Юсиф паша, сын Исхак паши; выступил из Тифлиса во главе своей армии на помощь Сурхай хану»[84]. Хотя данная цитата несколько далека от реальности, но все же констатирует факт осаждения Шемахи в 1734 г. во время похода Надир Кули хана.

П. Бутков утверждает, что войска Надир Кули хана Шемаху заняли лишь после двухмесячной осады и что Надир обезглавил Сурхай хана[85]. В. Левиатов, в свою очередь, пишет: «сообщение П. Буткова о том, что Шемаха была взята после двухмесячной осады, а Сурхай-хан при этом был обезглавлен не подтверждается другими источниками»[86]. В самом деле, факт казни Сурхай хана Надир Кули ханом не соответствует действительности, однако на вопросе о взятии Шемахи следует, видимо, остановиться. Дело в том, что, несмотря на умалчивание многими авторами факта двухмесячной осады Шемахи войсками Надир Кули хана, мы склонны к мысли, что осада Шемахи в 1734 г. действительно имела место. Почти все источники, в том числе и феодальные хронисты, отмечают, что после захвата иранскими войсками Шемаха по приказу Надир Кули хана была разрушена до основания. И. Лерх, дважды посетивший Азербайджан в 30 и 40-х годах XVIII в., в своих воспоминаниях писал: «Мы слышали потом, что он [Надир Кули хан] полностью сжег и опустошил город, он основал в шести милях оттуда под горой на равнине, на расстоянии одного дня пути от Куры, Новую Шемаху, укрепив ее стенами и рвами и заставил жителей старой Шемахи переселиться туда»[87].

Дж. Ханвей с сожалением пишет: «В течение многих веков Шемаха считалась одним из наиболее цветущих городов этой части света; хорошо населенным, изобилующим всем не-

[82] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 113.

[83] Мухаммед Хиджази. Ук. раб., стр. 118.

[84] Хроника войн Джара в XVIII столетии, стр. 19.

[85] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 126.

[86] В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 101.

[87] И. Я. Лерх. Сведения о первом путешествии в Персию в 1732—1735 гг. (перев. с немецк. яз. Абезгуз). НАИИ, инв. 176, стр. 23.

обходимым для жизни. Местоположение его было прекрасным, а торговля очень развита и обширна. Здесь встречались купцы из Персии и Турции, Армении, Грузии и России; поэтому здесь были склады для всех товаров этих стран, а также и для европейских.

Однако все это не было достаточной причиной для того, чтобы честолюбивый Кули хан [Надир] сохранил город»[88]. Не следует ли инцидент разрушения Шемахи и переселения городского населения в местечко Агсу связывать с широко применявшейся Надиром тактикой переселения целых племен и других больших групп населения с целью предотвращения их выступлений против правящей верхушки? В свое время такую политику осуществлял шах Аббас I и другие сефевидские шахи. Дж. Ханвей свидетельствовал: «Прием, оказанный этим городом [Шемахой] настолько возмутил их [иранские войска], что они решили снести его до основания и перебить большую часть жителей»[89]. Однако для Дж. Ханвея было очевидно, что Надир шах переселил Шемаху «...в надежде этим способом держать жителей в повиновении»[90].

Некоторые историки факт разрушения Шемахи объясняют озлобленностью Надир Кули хана, не успевшего из-за наступления зимы отомстить Сурхай хану. С. Кишмишев пишет: «Не имея возможности, по случаю наступившей зимы проникнуть в Дагестан для наказания Сурхая, он [Надир] выместил свою злобу на Шемахе: разорил город до основания, не оставив камня на камне, а жителей увел в рабство и распродал их на рынках Средней Азии и Персии»[91]. Надо полагать, что С. Кишмишев имеет в виду не все население города, а девушек и молодых людей.

Имеется еще версия, будто Надир Кули хан разрушил Шемаху как пристанище Сурхай хана. «Однако, — пишет англичанин Дж. Ханвей, — трудно сказать принес ли он его в жертву своей жажде мести и гордости, или же политическим побуждениям. Его [Надир Кули] очень занимала мысль о победе над лезгинами; опыт показал, что этот город служил им приютом за последние годы или во всяком случае тут было гнездо восстаний, откуда совершались набеги на Ширван»[92].

Однако, как уже было отмечено выше, в последнее время

---

88 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 333—334; Дж. Белл. Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь, ч. II, СПб, 1776, стр. 59, 60; «Выдержки», стр. 21, 22; Корнели де Бруин. Ук. раб., стр. 22; Ф. М. Алиев. Торговля Азербайджана в первой половине XVIII в. Баку, 1964, стр. 37.

89 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 334.

90 Там же, т. I, стр. 267.

91 С. О. Кишмишев. Походы Надир шаха в Герат, Гандахар и Индию и события после его смерти в Персии. Тифлис, 1898, стр. 93.

92 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 334.

Сурхай хан в основном находился у себя на родине в Казыкумыхе, в Шемахе же сидели его наместники. Исходя из этого, приведенная версия не может быть приемлемой.

Феодальные хронисты разрушение города Шемахи объясняют стратегическими соображениями. Мирза Мехди хан Астрабади причину переселения шемахинцев в Агсу объясняет следующим образом: «Так как население города крепости Шемахи расположилось на неудобном месте, то оно могло стать жертвой чужеземных войск»[93]. Рза Кули хан Гидаят, в свою очередь, пишет: «Так как крепость [Шемаха] находилась на неудобном месте, по приказу... Тахмасиб Кули хана в Агсу была сооружена величественная и мощная крепость и население Шемахи было переселено туда»[94]. Это мнение разделяет и А. Бакиханов. «Надир, — пишет он, — заметя неудобное положение в военном отношении города Шемахи, приказал в 4-х фарсагах от нее, на Агсу построить новый город и тотчас по окончании работы переселить туда всех жителей»[95].

Посетивший Новую Шемаху — Агсу в 1745—1747 гг. И. Лерх писал: «Новую Шемаху приказал основать в 1736 [?] году Шах Надир в 20 верстах от расположенного в горах старого города, оттуда он переселил всех жителей. Новый город представляет собой удлиненный четырехугольник в три четверти версты длины и четверть версты или 1080 шагов ширины. В нем четыре ворот, из которых открыты только два. Укрепление города состоит из высоких стен и 32 круглых полубашен; они построены из глины и кирпичей — последние в небольшом количестве; они не очень толсты, так что всякий пушечный выстрел мог бы произвести большую брешь»[96].

Как видно из этой выдержки, крепость Агсу не была такой величественной и мощной, как она представляется в описании иранского историка Рза Кули хана Гидаята.

В исторической литературе допускалась неточность в определении времени взятия Надиром Шемахи. «Выступив из Гянджи [Надир] Кули хан пошел на Шемаху и взял ее, так же и Ширван»[97], — писал А. Ереванци. Подобные высказывания встречаются в трудах Дж. Ханвея[98] и С. Кишмишева[99].

Однако отнесение разорения Шемахи ко времени после захвата Гянджи представляется нам ошибочным, исходящим из механического повторения историками когда-то допущенной неправильной версии.

---

93 Мирза Мехти хан Астарабади. Ук. раб., стр. 75.

94 Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 447.

95 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 116.

96 И. Я. Лерх. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745—1747 гг. НАИИ, инв. 489, стр. 61.

97 А. Ереванци. Ук. раб., стр. 79.

98 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 333.

99 С. О. Кишмишев. Ук. раб., стр. 93.

Современник Надир Кули хана А. Кретаци пишет: «...Шемаха была разорена и разрушена валинейматом, который взял ее до своего прихода в Гянджу и приказал водворить остальных шемахинцев [на некоторым] расстоянии [от старого города]»[100].

В. Левиатов, как и многие другие, разделяет мнение историков, отрицавших факт сопротивления шемахинцев иранским войскам[101]. Однако В. Левиатов отмечал, что «Крепостные стены, Шемахи были срыты, дабы город в дальнейшем не мог оказать сопротивление. Из-за этих же соображений население города было переселено на новое место к реке Ахсу; здесь на плоскости, примерно в 30 км к северу р. Куры был построен новый город»[102]. «Эти мероприятия, — далее пишет автор, — преследовали политическую цель, которая состояла в том, чтобы устрашить население и сделать его покорным власти завоевателя»[103]. Как видно, в этих словах кроется мысль о том, что Надир Кули хан преследовал цель усмирить непокорных шемахинцев.

Можно полагать, что шемахинцы, избавившиеся от Сурхай хана, узнав о приближении войск Надир Кули хана, не пожелали вторично попасть под власть другого иноземного завоевателя и с оружием в руках стали на защиту родного города. Однако после двухмесячного сопротивления численное превосходство противника взяло верх, и город был взят.

Советские историки М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян, пользовавшиеся первоисточниками, пришли к правильному выводу: «жестокая расправа с жителями Шемахи и разрушение города были наказанием за упорное сопротивление войску Надира»[104]. В одном из первоисточников читаем, что Надир «...выжег несколько деревень, пашни и луга опустошил, отогнал немалое число скота и тем кончил свое мщение [шемахинцам]»[105].

Между тем, Сурхай хан, оттянув свои войска на север, стал быстро создавать новые отряды, чтобы преградить путь в случае наступления иранских войск в Дагестан[106]. Опасаясь сильного противника, Сурхай хан вновь стал возлагать большие надежды на Турецкое государство, которое с готовностью откликнулось на просьбу своего ставленника о помощи. К Сурхай хану, который к этому моменту уже успел собрать вокруг себя войска в количестве 12000 человек, поспешила

[100] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 145.
[101] В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 101.
[102] Там же.
[103] Там же.
[104] М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Государство Надир шаха Афшара. М., 1958, стр. 187.
[105] История о персидском шахе Тахмас Кули хане. С французского на российский язык переведенная С. Решетовым, СПб., 1762, стр. 240.
[106] Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 90.

8-тысячная турецкая армия под предводительством Мустафа паши, Нур паши и Фети Герая султана[107].

Сурхай хан одновременно призвал также крымских татар оказать ему помощь в борьбе с иранскими войсками. Крымские войска должны были следовать через Кахетию и Белоканы[108], однако, будучи разбитыми в пути кахетинским царем Теймуразом, вернулись обратно[109].

О столкновении иранских войск с Сурхай ханом наиболее полные сведения содержатся в книге А. Бакиханова: «Оба войско сошлись в урочище Деве-батан, между Кабалой и Шемахой. Это место находится между горой и лесом. Сурхай хан ожидая приближения неприятеля, занял лес и в нем расположил свое войска тремя рядами. Персияне, ударив на первый ряд, не думали, что имеют дело с Сурхай ханом и с невольником его, Каратом, который от его имени долгое время управлял Ширваном. Опрокинутый неприятель отступил ко второму ряду. Лезгины, судя по первому натиску, полагали, что сам Надир тут находится и эта мысль была для Сурхая гибельной. Третий ряд, которым командовал сам Сурхай разделил смятение второго и вскоре все обратились в бегство, претерпев большую потерю. Турки и татары бежали в Гянджу, а сам Сурхай в Казыкумык. Сардар, овладев их лагерем, послал отряд в Хачмас, большое укрепление, построенное Сурхай ханом, которое было разорено и сожжено. Надир получив об этом известие, приказал преградить дорогу лезгинам, бегущим в Казыкумык. Но Сурхай-хан успел обогнать отряд и ночью выше Хосрека по единственному ущелью переправился в Казыкумык»[110].

Иранские войска без устали преследовали Сурхай хана. Тогда последний отослал письмо Надир Кули хану с просьбой о прощении и пощаде. Однако это отнюдь не смягчило озлобленного Надир Кули хана.

Узнав о приближении иранских войск, Сурхай хан приказал разрушить единственный мост на реке Койсу. Это не остановило войска Надир Кули хана, которые очень легко форсировали реку. Тогда Сурхай хан немедленно покинул Казыкумых и отправился в Аварию[111]. Иранские войска, захватившие Казыкумых, сперва разграбили, а затем разрушили его[120]. «Все прочие, — пишет А. Бакиханов, — попались в плен, и город Казыкумык со всеми сокровищами Сурхая и жители

[107] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 113—114.
[108] С. О. Кишмишев. Ук. раб., стр. 95.
[109] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 126.
[110] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 114; ср. Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 114.
[111] Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 447; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 114.
[112] Рза Кули Гидаят. Ук. раб., стр. 447.

города достались в руки победителя»[113]. После этой победы в лагерь к Надир Кули хану прибыл сын шамхала Адиля Герая Хаспулат хан с изъявлением покорности и с просьбой пощадить население Казыкумыха. Надир исполнил эту просьбу. Видя приближение зимы, он стремился поскорее одолеть Сурхай хана, скрывавшегося в Южном Дагестане, а затем вернуться в Азербайджан. Поэтому Надир Кули хан со своими войсками отправился в Самурский округ, в Ахты[114]. Отряды Сурхай хана не смогли устоять перед сильным противником и обратились в бегство. Опустошив край, Надир Кули хан через Кабалы, несмотря на трудный путь, 3 октября 1734 г. во главе войска прибыл в селение Куткашен. Вскоре к нему присоединился обоз с провиантом и артиллерией, оставленный в Шемахе[115]. Отсюда Надир Кули хан повел свои войска к Гяндже — одному из главных опорных пунктов турецких войск в Северном Азербайджане. Путь был нелегким, иранским войскам пришлось переправляться через Куру по понтонному мосту, искусно сделанному саперами. Возможно, что в этом деле иранским войскам оказывали помощь русские инженеры. Современные иранские историки констатируют факт участия русских специалистов в организации осады Гянджи[116]. В походе на Гянджу Надир Кули хана сопровождал представитель Русского государства князь С. Д. Голицын.

13 октября 1734 г. войска Надир Кули хана остановились в деревне Келиса-кенди возле Гянджи. Гянджинский гарнизон, состоявший из турок и крымских татар, во главе с правителем города Али пашой и султаном крымских татар Фатихом Гираем, поспешно и усиленно готовился к обороне[117]. «Надир приступил к осаде и подвел подкоп крепость [Гянджи] 7 мин в разных направлениях»[118]. В этом деле иранским саперам опять-таки оказывали помощь русские инженеры, приглашенные специально из Баку[119].

Одну из мин турецкие войска обнаружили и уничтожили. Оставшиеся 6 мин, начиненные 3500 батманами пороха, сделали свое дело — часть крепостной стены была разрушена. Но иранские войска не смогли проникнуть в город, так как городской гарнизон упорно сопротивлялся[120]. Тогда иранские военачальники решили взорвать крепостную стену с другой стороны, чтобы отвлечь часть турецкого гарнизона на оборону других участков крепости.

Осада крепости продолжалась уже 4 месяца. Безрезультатные атаки иранских войск с целью взять город приступом грозили подорвать авторитет Надир Кули хана. Отчаявшись овладеть городом, он приказал окопать крепость с трех сторон валом и направить туда русло реки Гянджачай, чтобы утопить город. В ответ турецкие военачальники ядрами разбили вал и выпустили воду[121].

Долгая и вынужденная остановка у крепости Гянджи стоила армии Надир Кули хана многих материальных средств, что, безусловно, явилось одной из причин открытого грабежа местного населения. Сперва Надир Кули хан попытался без применения насильственных мер получить у населения продовольствие и средства передвижения. Однако на зов регента при наследнике иранского престола никто не откликнулся. Тогда Надир приказал собрать необходимый войску провиант насильственно. В анонимном источнике того времени говорится: «Тахмаз-Кули [Надир]... жестоко и несправедливо собрал харедж... с населения»[122].

Суровое обращение с мирным населением, которое едва избавилось от турецкого гнета, послужило причиной негодования против новых завоевателей. В тех местах, где иранские войска особенно свирепствовали, они встречали вооруженное сопротивление населения. В источниках упоминается о героической борьбе населения Шекинского махала, особенно селения Биладжик[123], жители которого для борьбы с бесчинствующими иранскими войсками вызвали на помощь отряды из Тала, Джаниха и других местностей. Объединенное вооруженное ополчение «...двинулось против него [Надир Кули хана], перебило много воинов и захватило их имущество»[124].

А. Бакиханов сообщает, что, когда джарцы узнали о приближении карательных отрядов Надир Кули хана, жители, оставив свои дома, укрылись на неприступной горе и оттуда, зачастую делая неожиданные вылазки, перебили идущие на них неприятельские войска[126]. «Причинив им большой вред, не без урона со своей стороны, они отступили к своему укреплению»[126].

Карательными отрядами иранских войск командовал правитель Новой Шемахи сераскер Мухаммед Кули хан, который, не добившись каких-либо успехов, повел своих людей в сторону Торпахкалы. Однако под ударами вооруженного ме-

---

113 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 114.
114 Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 447; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 114.
115 В. Минорский. Ук. раб., стр. 47.
116 Мухаммед Хиджази. Ук. раб., стр. 189.
117 Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 447; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 115; Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 91:
118 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 115.
119 Мухаммед Хиджази. Ук. раб., стр. 189.
120 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 115.

121 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 115.
122 Хроника войн Джара, стр. 19.
123 Биладжик — сел. в 20 *км* от Шеки.
124 Хроника войн Джара, стр. 19.
125 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 116.
126 Там же.

стного населения он вынужден был вернуться обратно в Ляялу[127] и двинуться в сторону Алиабада[128]. Население, преследовавшее противника, неожиданно было встречено сильным артиллерийским огнем, который заставил его отступить. Теперь иранские войска перешли в наступление. Остановившись в крепости Джиник-Руха, иранское командование потребовало от жителей Джара и Талы заложников[129]. В ставку Надир Кули хана было отправлено десять заложников, но это количество отнюдь не давало завоевателям гарантии на покорность населения. Тогда иранцы потребовали еще 150 человек «...в качестве, якобы, слуг для Тахмаз-кули-хана и послали их вместе с десятью вышеупомянутыми как раз в то время, когда Тахмаз кули хан осаждал крепость Гянджу»[130].

После прибытия указанного числа заложников иранское командование, убедившись, что больше не встретит сопротивления со стороны местного населения, двинуло свои войска на Талу, которую они заняли без каких-либо затруднений. Затем были захвачены крепости Джар, Чардах, Катех и др.

С наступлением зимы иранские войска вернулись к своим укреплениям[131].

Между тем, осада Гянджи продолжалась довольно долго и безуспешно[132]. Вынужденная остановка у Гянджи могла нарушить все планы Надир Кули хана в борьбе с турецкими завоевателями, тем более, что приходили вести об активизации турецких войск в западном Закавказье. Наряду с этим, Надир Кули хан не желал продолжать свой путь на запад, оставив за собой турецкий гарнизон в Гяндже, а также прикаспийские провинции, где оставались русские войска. Конечно, беспокойство Надира было вызвано не столько безуспешной осадой Гянджи, которая все же была прочно блокирована его войсками, сколько боязнью, что русские власти в Прикаспии, наблюдавшие за действиями Надир Кули хана, воспользуются его отсутствием и окажут содействие осажденному турецкому гарнизону. Поэтому Надир Кули хан решил закончить с Русским государством давно начатые переговоры по поводу отхода русских войск из прикаспийских областей.

Он отправил в Петербург своего посланника Гусейн хана в сопровождении русского резидента с требованием передать Ирану прикаспийские области[133]. Гусейн хан прибыл в русскую столицу 5 декабря 1734 г.

127 Ляялю — сел. близ Торпахкалы.

128 Сел. Алиабад находилось в 15—20 *км* к югу от Джара; Хроника войн Джара, стр. 20.

129 Там же.

130 Там же.

131 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 116.

132 Там же.

133 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 126.

Между тем, пока посланник Надир Кули хана находился в дороге, пребывавший в то время в Баку генерал Левашев получил из Петербурга проект будущего договора об окончательном отходе русских войск из прикаспийских провинций. Выдвинутое ранее требование иранского правительства рассматривалось во влиятельных деловых кругах России, отказавшихся, по-существу, от активной внешней политики Петра, как удобный повод «...освободиться от персидских тягостей»[134].

Подробное рассмотрение хода переговоров между представителями Русского государства и иранского двора выходит за рамки настоящего исследования[135]. Мы отметим лишь, что факт заключения между Русским и Иранским государствами под Гянджой 10 марта 1735 г. договора имел большое значение для дальнейшей судьбы азербайджанского народа. По условиям этого договора, русские войска покидали прикаспийские области. Таким образом, население узкой полосы азербайджанской земли, избавившееся в 20-х годах от иранского господства и не подпавшее благодаря введению русских войск под тяжелое иго турецких феодалов, вновь теряло обретенный мир, относительно благоприятные условия для развития экономики. Правда это не нарушало складывавшихся традиционно дружественных и в том числе торговых отношений населения этих областей с Россией, которые и в дальнейшем продолжали развиваться и укрепляться. И все же включение этих областей вновь в состав отсталой феодальной деспотии имело крайне отрицательные последствия. Оно приводило азербайджанские земли к страшному разрушению производительных сил, экономическому и культурному регрессу.

Надир Кули хан, приобретя без каких-либо усилий прикаспийские области, главную свою задачу видел теперь в изгнании турецких войск из пределов Закавказья. Между тем, осада Гянджи все еще продолжалась. Немногочисленный городской гарнизон, надеясь на подкрепление со стороны Карса и Еревана, где находились турецкие части, упорно не сдавался. Чтобы уничтожить эту возможность, Надир Кули хан, оставив небольшой отряд у осажденной крепости, двинул свои войска в сторону Карса, откуда доходили слухи о продвижении на выручку гянджинскому гарнизону турецких войск под командованием Абдулла паши.

Чтобы отвлечь внимание Надир Кули хана, намеревавшегося вести военные действия против турецких войск в западном Закавказье, Турция в мае 1735 г. решила прибегнуть к услугам своего вассала крымского хана, который со своим

134 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр 127.

135 Об этом подробно см. А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 59—68; Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 447; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 116; П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 130—133.

войском должен был проникнуть через Дагестан в пределы Азербайджана[136]. Узнав об этом, Надир Кули хан приказал своему ставленнику ширванскому беглярбеги Али хану преградить путь крымским войскам[137], которые уже были в пути. В июле 1735 г. на северо-востоке Эчмиадзина между иранскими и турецкими войсками произошло кровопролитное сражение, закончившееся победой Надир Кули хана[138]. Поражение турецких войск вдохновило народные массы, томившиеся под гнетом турецких захватчиков, на освободительную борьбу. Примером этому были сплоченные действия гянджинцев: «Каждый хозяин непременно своего постояльца умертвил. В одну ночь истребили весь турецкий корпус, но паша спасся бегством в Ереван»[139].

После ряда неудач турецкое командование сочло дальнейшую борьбу с иранскими войсками бесполезной. По приказу султана и согласно договору с Надиром, Турция отзывала свои войска из ряда городов, где еще находились ее гарнизоны, в том числе из Тифлиса и Еревана. Специальное распоряжение было послано султаном крымскому хану о приостановлении продвижения его войск.

Таким образом, изгнание к концу 1735 г. турецких войск из пределов Закавказья явилось большой победой Надир Кули хана. Нельзя забывать при этом, что, хотя деятельность будущего повелителя Ирана и представителей поддерживавшей его военно-феодальной знати в период, предшествовавший коронации Надира, и была связана с освободительной борьбой в Иране против афганцев, а затем и закавказских народов против турецких захватчиков, однако главной целью этой борьбы для представителей феодального класса была победа над другими феодальными группировками и захват власти в свои руки. В то же время важным фактором успеха иранского оружия в соперничестве с турецкими феодалами явилось участие местного населения в борьбе против турецких завоевателей, что объективно умножало силу антитурецкого лагеря.

С изгнания турецких войск из Закавказья и установления господства здесь иранских феодалов начинается новый этап освободительной борьбы азербайджанского народа против иранского господства.

---

[136] Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону 10 января 1736 г., СИРИО, т. 76, стр. 243; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 105; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 68.

[137] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117.

[138] Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 55, 56.

[139] АВПР, ф. СРП; оп. 77/1, д. 2, д. 163; цит. по ук. раб. А. А. Абдурахманова, стр. 68.

БОРЬБА ПРОТИВ ИРАНСКОГО ГОСПОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ XVIII г.

Изгнание Надиром из Закавказья, в частности из Азербайджана, турецких войск, естественно, не означало освобождения народов от чужеземного владычества. Надир и иранская военно-феодальная знать, одержав победу над силами Турции, утвердили свое собственное господство над Азербайджаном. Новая власть оказалась для народных масс не менее жестокой, чем иго турецких завоевателей.

Первые симптомы антииранских выступлений появились еще в период ирано-турецких войн на территории Закавказья в первой половине 30-х годов XVIII в., хотя действия иранских войск нередко вызывали сочувствие народных масс. Своего апогея борьба против иранских феодалов достигла позднее — во второй половине 30-х годов и в особенности в 40-х годах XVIII в.

Причинами расширения и обострения народной борьбы было установление в Иране и покоренных областях жестокого режима военно-феодальной диктатуры, феодальной эксплуатации, приводившей прежде всего к разорению горожан, крестьян и целых племен, а также неоднократные карательные экспедиции шахских войск в Азербайджан.

Характерной чертой народной борьбы в Азербайджане во второй половине 30-х годов XVIII в., как и в первые десятилетия, было то, что она сочетала в себе борьбу народа за свою независимость и борьбу против всевозраставшей феодальной эксплуатации. Известно, что еще в период вооруженных столкновений с турецкими войсками на территории Закавказья Надир в отношении народов Азербайджана, юго-восточного Дагестана, Армении и Грузии начал осуществлять политику, по существу, не отличающуюся от политики сефевидских шахов и турецких захватчиков. Нуждаясь в огромных средствах для покрытия военных расходов, Надир, как в Иране, так и в завоеванных им странах и областях, осуществлял суровую налоговую политику. Для истощенных десятилетием турецкого господства крестьянских хозяйств и городов Азербайджана налоги и чрезвычайные поборы были непосильным бременем. Неудивительно поэтому, что протест

против феодальной эксплуатации стал важной особенностью народных выступлений в Азербайджане. В то же время эти выступления были направлены против власти чужеземцев и продолжали сохранять черты освободительного движения.

Другой характерной особенностью антииранского движения в Азербайджане в это время, свойственной многим движениям эпохи феодализма, был пестрый социальный состав его участников. В народных восстаниях участвовали местные феодалы, защищающие свои классовые привилегии от иноземных захватчиков.

После изгнания турецких войск из крупнейших городов Закавказья и назначения на местах своих ставленников Надир Кули хан собирался было покинуть его пределы. Однако вооруженные выступления непокорных народных масс в союзе с некоторыми феодалами заставили его несколько задержаться.

Большое карательное войско во главе с самим Надиром направилось через Грузию в сторону Джара и Талы, где население, отказываясь подчиняться завоевателям[1], со своим имуществом укрылось в горах и начало готовиться к отпору[2]. Однако иранским войскам удалось прорвать укрепления. Не устояв перед огнем иранских мушкетов, население Джара и Талы, вооруженное в основном холодным оружием, отступило, преследуемое противником[3]. Те, кому удалось избавиться от преследования, направились в сторону Аварии, многие же попали в плен и частью были истреблены карателями[4]. Все имущество побежденных досталось иранским войскам. Их жилища были преданы огню. Джар был одним из многих мест Азербайджана, куда Надир Кули хан, несмотря на неудобства продвижения обозов и войск в гористых местах, дважды направлял свои войска и, как отмечалось в местной хронике, даже «...в один год дважды брал Джар и Талу»[5]. Надир ни за что не хотел вернуться в столицу Ирана, не добившись полного покорения народов Закавказья и Дагестана. Поэтому он решил несколько продвинуться на юг по тем местностям, где народ не склонен был проявлять покорность новым завоевателям. Во главе своих войск Надир Кули хан двинулся к югу через Шеки и Ареш. По пути он приказывал

---

1 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117.

2 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91.

3 Там же, А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117; По предположению М. Х. Нейматовой, население Джара и Талы скрылось не в естественных убежищах, а в крепости «Чингиз кала», находящейся в нескольких километрах от Джара. См. М. Х. Нейматова. Ук. раб., стр. 122—131.

4 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117.

5 Хроника войн Джара, стр. 26.

жечь и разрушать селения заподозренных им в нелояльности жителей, убивать пленных, предавать их жилища огню и мечу[6]. Едва Надир Кули хан во главе войска добрался до Шемахи, как получил весть о том, что крымский хан, воспользовавшись отходом иранских войск к югу, напал на Дербент[7]. Мало того, своим фирманом крымский хан утвердил Эльдара шамхалом Дагестана, правителем Ширвана назначил Сурхай хана, а правителем Дербента уцмия Ахмед хана. Каждому из своих ставленников он дал по 2500 туманов. Сурхай хан, в свою очередь, назначил своего сына на службу крымскому хану с 500 всадниками[8]. Но успехи крымского хана были недолговечны. Вскоре он вынужден был поспешно отступить, так как внешнеполитическая обстановка резко изменилась отнюдь не в пользу этого вассала Турции: во-первых, было получено известие о приготовлениях России к походу в сторону Крыма и увеличении численности русского войска на Украине[9], непосредственно граничащей с Крымским ханством; во-вторых, стало известно о приближении иранских войск к Дербенту во главе с самим Надир Кули ханом[10].

Близилась суровая зима. Но, несмотря на холод и трудности продвижения по горным местностям, Надир Кули хан повел свои войска из Шемахи через Алты-Агач и добрался до Дере кенди[11]. Здесь Надир Кули хан приказал, чтобы к нему из Дербента явился сардар Дагестана и позаботился бы о сборе продовольствия для войск. Собрав под командой своего сына принца Реза Кули мирзы значительное количество войск, а затем разделив свою армию на три части, Надир Кули хан отдал приказ начать карательные действия. Во главе большого отряда он двинулся в сторону Будуг и Хыналыг, другой отряд в составе шести тысяч человек направился в Доггузпара и Алтыпара[12]. Этому отряду было поручено пересечь дорогу тем, кто попытался избежать возмездия.

После того, как иранские войска с большим трудом сломили сопротивление населения указанных местностей, они жестоко расправились с населением Самурского округа и

---

6 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 105.

7 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117.

8 Там же.

9 Донесение К. Рондо лорду Гаррингтону от 21 февраля 1736 г. СИРИО, т. 76, стр. 485, А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 70.

10 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 117.

11 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91.

12 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 91; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 118; Г. Алкадари. Ук. раб., стр. 66; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 105; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 70.

Кубинского уезда[13], а затем Надир Кули хан, объединив свои отряды в махале Куббе[14], двинулся в сторону Дербента.

Здесь до Надир Кули хана дошла весть о том, что новый шамхал Эльдар хан, уцмий Ахмед хан и Сурхай хан, объединившись, намереваются напасть на шамхала Хаспулат хана, придерживавшегося иранской ориентации. В этой связи Надир Кули хан двинул свои войска на Маджалис, где сын уцмия Мухаммед хан со своим отрядом преградил ему путь в тесном ущелье. Сражение закончилось победой иранских войск, которые разорили весь махал[15].

Вообще следует отметить, что в этот период (1735—1736 гг.) Надир Кули хану, воспользовавшемуся феодальной раздробленностью Азербайджана и Дагестана, до некоторой степени удалось навязать свою власть местному населению, хотя это стоило ему огромных средств и многочисленных жертв его войску[16].

В то же время Надир Кули хан, по-видимому, прекрасно понимал всю непрочность своих завоеваний, но вынужден был удовлетвориться достигнутым и временно покинуть пределы Закавказья. К этому его вынуждал целый ряд важных обстоятельств: во-первых, крайнее истощение азербайджанских и других закавказских областей; во-вторых, состояние войска, сильно поредевшего, нуждавшегося в пополнении и утомленного непрерывными многолетними походами; в-третьих, с наступлением зимы продвижение войска по гористым и незнакомым местам крайне затруднялось; в-четвертых, долгое пребывание в Закавказье могло ослабить власть Надира и его влияние на государственные дела, тем более, что уже ранее имело место выступление враждебных феодальных группировок; в-пятых, Надир уже давно лелеял честолюбивые мечты о захвате власти и коронации шахом Иранского государства, для чего, по его расчетам, к началу 1736 г. сложилась весьма благоприятная обстановка. Поэтому Надир Кули хан, довольствуясь временным усмирением местного населения, решил отойти со своими войсками на зимовку в Муганскую степь, где по заранее подготовленному плану должна была состояться торжественная церемония коронации.

В марте 1736 г. Надир Кули хан на созванном здесь собрании знати (курултай) короновался шахом Ирана, положив

13 Г. Алкадари. Ук. раб., стр. 66.

14 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 92; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 118; Махал-е Кубба — по всей вероятности, современный Кубинский район.

15 Там же.

16 А. И. Тамай. К вопросу о провале Дагестанской кампании шаха Надира (1741—1743 гг.) «Уч. зап. Даг. ФАН СССР», т. V, Ин-т истории языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1958, стр. 110.

конец формальному правлению на протяжении последних лет представителей династии Сефевидов.

В персидской феодальной историографии вопрос о приходе к власти Надир шаха, по существу, узурпации им власти своих предшественников, получил весьма тенденциозное освещение[17]. Персидские хронисты, называя Надира «освободителем Ирана», говорят о событиях в Мугани и коронации Надира, как «избрании его шахом Ирана». В противоположность официальным историографам Надира Мухаммед Хазин, являвшийся представителем старинного феодального рода и сторонником сефевидского правившего дома, рассматривал вступление Надира на иранский трон как незаконный захват власти. Объективную оценку муганского курултая дает эчмиадзинский католикос А. Кретаци[18]. Историк XIX в. А. Бакиханов писал в своем сочинении «...после сильных споров между вельможами, продолжавшихся более месяца, Надир 26-го февраля 1148 (1736 г.) вступил на престол Персии»[19].

Подлинную объективную оценку событиям 1736 г. на Мугани дали советские историки[20]. И. П. Петрушевский справедливо отметил, что Надир решил использовать свои военные успехи и свою славу для захвата шахского престола. Претендуя на миссию «освободителя Ирана» и стремясь заручиться поддержкой феодалов и признанием широких слоев населения, он пригласил на муганский курултай не только представителей военной, чиновной и духовной феодальной знати, но также городских и некоторых сельских старшин, прекрасно понимая, что последние, не привыкшие к участию в государственных делах и запуганные, примут именно такое решение, какое им будет навязано сторонниками Надира[21]. В редакторских замечаниях к книге А. Абдурахманова Г. Б. Абдуллаев, комментируя сообщение современника Надир Кули хана А. Кретаци, пишет, что выбор местности Мугани для коронации Надира определили военно-политические соображе-

17 Письмо данное персидским послом Мирза Мухаммед Кафи вице-канцлеру с изложением причин признания на престол персидского шаха Надира и клятве данной ему служить населению Иранского государства, включая и азербайджанские провинции. ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 40 (1736), лл. 80 об.; Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 32—34; Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 335, т. 1; Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 339—343 и др.

18 Шейх Мухаммед Али Хазин. Ук. раб., стр. 270—271; А. Кретаци. История о случившихся с ним событиях и о Надир шахе персидском. Пер. Т. И. Григорьяна, НАИИ, инв. 2009, стр. 148—150.

19 А. А. Бакиханов. Ук. стр. 119.

20 И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 319—320; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 106—107; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 63; А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 71; А. Гусейнзаде. Значение Муганского курултая. «ДАН Азерб. ССР», 1965, № 8, стр. 89—91.

21 И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 319.

ния. Стремление Надира собрать на территории Азербайджана большое количество войск было вызвано желанием показать народам Закавказья и Дагестана свою силу и мощь. Место пребывания Надир Кули хана охранялось сильными отрядами. «Возникает вопрос, — справедливо спрашивает Г. Б. Абдуллаев, — против кого были направлены эти предосторожности? Ведь Надир не так давно разбил турок и по крайней мере в это время был гарантирован от возможности их нападения. Не могло быть угрозы и со стороны России, с которой после заключения Гянджинского договора, он установил мирные отношения, а русские войска были далеки от Азербайджана»[22].

Далее Г. Б. Абдуллаев пишет: «Надир опасался, как он сам признался на коронации, народа, которому он принес большие беды: «Я знаю, что многие недовольны мною, — говорил он, — и они правы, ибо я у многих отнял и товар, многих умертвил, некоторых погубил и у многих отнял золото и серебро, разорил много мест, страну привел в трепет»[23].

На наш взгляд, доводы И. П. Петрушевского и Г. Б. Абдуллаева в данном случае вполне приемлемы.

Касаясь вопроса коронации Надир Кули хана шахом обширного государства, включавшего ряд завоеванных иранскими войсками стран, в том числе и Азербайджан, следует остановиться на отношении местных азербайджанских феодалов к приходу Надира к власти, чреватому трагическими событиями.

Различные источники сообщают любопытные факты, свидетельствующие о недовольстве некоторых азербайджанских феодалов возвышением Надира. Азербайджанский историк начала XIX в. Мирза Адигезал бек сообщает, что «Гянджинские ханы, происходившие из Каджар и известные по имени Зияд-оглу,... всему миру они были известны как беглярбеги и сардары, облаченные властью и самодеятельны. Граница гянджинского ханства с Гюрджистаном проходила выше «Сыныхкерпю, близ «Суры-Даша» и с Азербайджаном[24] у Худааферинского моста... Гянджинские ханы на муганском курултае, тайно или явно с исключительным рвением стремились к тому, чтобы...»[25] Надир не короновался шахом Ирана. Узнав об этом, Надир решил жестоко наказать азербайджанских феодалов путем ограничения прав и урезывания их доходов. Хотя в первое время своего официального правления он опасался резким обращением с одним из влиятельных феодалов Северного Азербайджана подорвать свой авторитет

22 См. А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 71 (редакторские замечания Г. Б. Абдуллаева).

23 Там же.

24 Имеется в виду Южный Азербайджан с центром в Тебризе.

25 Мирза Адигезал бек. Карабагнаме. Баку, 1950, стр. 47.

среди других местных феодалов. «Надир шах, — пишет Мирза Адигезал бек, — имея в виду, что потомство Зияд оглу старинное и очаг их пережил много поколений, не счел удобным применить к ним иного наказания, как только того, что платов Казаха и Бошгалу (Борчалов) со своими ханами подчинил эмирам Гюрджистана...»[26]

Гянджинские феодалы из племени каджар не были единственными противниками коронации Надира. Против кандидатуры Надира высказались также предводители азербайджанских племен отузики и кебирли. В наказание за попытки противодействия его планам Надир многих из их семейств переселил в Хорасан[27].

Особую осторожность Надир шах проявлял при утверждении в должностях старых или назначении новых правителей областей. Там, где прежние правители признавали нового шаха и проявляли покорность, Надир шах назначал при них специального наиба. Например, в Нахичеван, где правителем был хан, происходивший из местного феодального рода, был направлен наиб — некий Ага Гасан Хорасанский[28], «царский векил, — отмечает современник А. Кретаци, — назначенный ведать государственными записями и доходами»[29]. В этом со всей очевидностью проявилось недоверие Надира к местным феодалам и желание подчинить их контролю центральной власти, прежде всего в финансовых вопросах. Среди лиц, получавших назначения на высокие должности правителей областей, преобладали представители знати азербайджанского племени афшар, из которого происходил сам Надир. В частности, в Азербайджан, занимавший центральное место в его обширном государстве и непосредственно граничивший с Арменией, Грузией и Дагестаном, он назначил надежного человека, своего родного брата Ибрагим хана. Он поручил ему весь Азербайджан, а также «Ереван, всю область Араратскую и Грузию и сделал его беглярбеком, властителем и начальником, поставив выше всех остальных ханов»[30]. Как видно, Надир шах механически упразднил существующие в Закавказье прежние административные деления. Вместо Ширванского, Карабахского, Тебризского, Чухур-Саадского беглярбекств теперь существовала одна обширная административная единица, которой управлял Ибрагим хан.

В целях усиления влияния центральной власти на местах Надир шах почти повсюду — в каждом большом и малом городе — назначал своих представителей, обязанных ему своим

26 Мирза Адигезал бек. Ук. раб., стр. 47.

27 Там же.

28 А. Кретаци. Ук. раб., стр. 173.

29 Там же, стр. 174.

30 Там же, стр. 133; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 119; Рза Кули хан Гидаят. Ук. раб., стр. 449.

возвышением. Прежний правитель Ширвана был заменен Мехди Кули ханом, Наджаф Султан назначался правителем Дербента[31]. Правителем Баку и Апшерона назначался некий гилянец. «Во время Надир шаха, — писал С. Г. Гмелин, — был в Баку губернатором или ханом один совсем простой породы гилянец имени Галей, который у Надир шаха во время его владений находился в великой милости»[32]. Любопытен тот факт, что Надир шах мог бы назначить правителем Баку и Апшерона человека из среды влиятельных местных феодалов, хотя бы сына Дергах Кули хана — Мирзу Мухаммеда Агу. Однако Надир шах, как видно, не доверяя ему, предпочитал держать его при себе в войске. Можно полагать, что пребывание Мирзы Мухаммеда Аги в шахском лагере как бы служило гарантией покорности населения Апшерона. Власть в Ереване Надир шах передал в руки Мир Мухаммед хану[33]. Все назначенные правители должны были непосредственно подчиняться Ибрагим хану.

После того, как Надир шах в Закавказье назначил правителями городов и областей своих ставленников во главе со своим братом, он учредил новый порядок взимания многочисленных податей с населения.

С первого же дня своего правления Надир шах приказал: «...чтобы в каждом городе было по три человека ведающих государственными доходами. Первого называть мирза векил... из числа трех он старший, приказывающий и занимающий место выше остальных двух. Он заведует приходом и расходом, распоряжается как ведающий всей счетной частью [дефтердар], но не без ведома двух основных лиц, а лишь с их общего согласия. Второго называют везир, он следует непосредственно за первым. У него хранится дефтер с учетом всех доходов и расходов по провинции и области. Третьего называют мирсофи*, то-есть блюститель всех [остальных] дефтеров. У него находятся все дефтери и он составляет указанные списки [ведомости]. Он подробно знает местонахождение всех сел. С его ведома раздаются бекские мюльки и они находятся в его распоряжении»[34]. Благодаря такому строгому надзору и режиму Надир шаху удалось несколько поправить финансовые дела государства. После учреждения строгого контроля над чиновниками фиска государственные доходы значительно увеличились, так как они теперь поступали не в карманы местных феодалов и правителей, а всецело шли в казну и тратились главным образом на содержание огромной

---

[31] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120.

[32] С. Г. Гмелин. Путешествие по России..., ч. III, СПб, 1785, стр. 82; Обозрение российских владений за Кавказом. М., 1836, т. IV, стр. 84—85.

[33] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 133.

* Правильно — мустофи.

[34] Там же, стр. 135—136.

иранской армии[35]. Увеличению государственных доходов способствовало еще и то, что кроме специально назначенных чиновников в сборе многочисленных налогов и податей принимали активное участие военачальники во главе своих отрядов, жалование которых от государства прямо зависело от налоговых поступлений в казну. К сбору налогов Надир шах относился крайне ревностно. Малейшее нарушение установленных им очень жестких правил взимания их, присвоение чиновниками части собранных податей или укрытие от государства влекли за собой суровое наказание[36]. В этом отношении характерно обращение Надир шаха с прежним нахичеванским правителем Мирза Резой. А. Кретаци сообщает, что «когда я отправился на Мугань этот Мирза [Мирза Рза нахчиванский] был правителем Нахичевани. Он был горд, бесчеловечен. Я пожаловался на Мирзу и очень много препирались мы у велинамата [Надира шаха] даже до того, что в присутствии велинамата заявил: «Ты, разорил Нахичеванскую страну, у райатов не оставил мал [состояние]... Ныне ты свыше тысячи туманов поборов взял от страны Нахичевана, которые царь [Надир шах] прикажет, могу перечислить все по одному, ибо деньги райатов должны быть или у них или у царя. Зачем же ты пожираешь»?[37]

Мирза Реза действительно бесчинствовал в Нахичеванском крае. «Из Нахичеванской области при наличии там 82 селений, он выслал поборов [лишь] с 32 селений на сумму в 700 туманов...» Надир шах «...приказал немедленно мубаширу взыскать с него все [остальное] в течение трех дней»[38]. Возможно, что недодача в налоговых суммах, которые обязан был обеспечить правитель области, объяснялась также и плохим состоянием деревень.

За нарушение правил сбора податей были жестоко наказаны даже такие известные предводители войск Надир шаха, как Губад хан и Ма'сум хан[39].

Оставив в завоеванных городах Закавказья своих ставленников, Надир покинул Муганскую степь и, переправившись через Аракс, направился к бывшей столице Сефевидов — городу Исфагану.

После того как основное ядро иранской армии во главе с Надир шахом покинуло территорию Азербайджана и южного Дагестана, здесь вновь поднялось вооруженное востание против иранского владычества. Как и раньше, некоторые из ме-

---

[35] Ш. С. Гусейнов. Ук. раб., стр. 17.

[36] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 229 а; Ш. С. Гусейнов. Ук. раб., стр. 17.

[37] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 167.

[38] Там же, стр. 170.

[39] Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 299 а; Ш. С. Гусейнов. Ук. раб., стр. 17.

стных феодалов, преследуя свои цели, старались воспользоваться народными волнениями. Прежний правитель Ширвана Султан Мурад, заключив союз с Сурхай ханом, во главе большого войска подошел к Дербенту, где в то время имел свою резиденцию назначенный Надир шахом правитель Ширвана Мехди Кули хан. Сражение закончилось победой Султан Мурада, который и объявил себя правителем Ширвана[40]. По этому поводу А. Бакиханов писал: «...Мехти хан по делам управления отправился в Дербент. Мурад Али хан, султан Устаджлу, тамошний начальник, имея давнюю вражду с Мехди ханом, подстрекнул некоторых жителей убить его»[41]. Однако в действительности дело было не только в личной «вражде», как утверждает А. Бакиханов, Мехди Кули хан пал жертвой восстания, поднявшегося в результате бесчеловечного обращения с населением иранских властей. Местные феодалы, решив использовать общенародное недовольство в своих интересах, хотели сокрушить своих соперников. Об этом можно судить также по некоторым донесениям русских дипломатических представителей в Иране.

В 1736 г. резидент И. Калушкин сообщал своему правительству о «...беспокойствии в стране и разорении от военных людей, которые грабят всех без остатку... непосредственные замешания, старые утихают, а новые настают, как и в Дербенте учинилось, что обыватели, не вытерпя намедни присланного туда шемахинского беглярбега, не токмо ему учинились непослушны, но ево самого с великим безчестием таскали по улицам и били смертным боем. И дербентскому командиру правления отказали»[42].

Спустя некоторое время восстание в Дербенте было подавлено. Мурад Али хан по приказу Надира шаха был казнен, а «Сардар-бек Крклу [Кырхлу] с титулом хана вступил в управление Ширвана, а Неджеф султан с частью джезаирчи [карательные отряды] принял Дербент»[43]. Событие в Дербенте следует оценивать как антииранское выступление местных феодалов, поддержанное, однако, широкими слоями народных масс. И потому не случайно, что иранские власти, подавив восстание, не ограничились казнью Мурад Али хана, а в наказание и в целях предупреждения новых волнений из Дербента насильственно переселили 100 семейств вглубь империи Надир шаха, в Хамадан[44]. Ходили слухи о намерении шаха выселить в Хорасан вообще всех дербентцев, а в Дербент пригнать население из глубинных областей Ирана. Об этом русскому консулу в Иране сообщили специально подосланные люди Бамурзин и Блишуков: «Также слышали они, — доносил в центр русский консул 23 мая 1737 г., — в Дербенте от дербентских жителей, что оной хан хочет дербентцев всех перевести в город Курасаны, а в Дербент, на их место переведены будут персияне...»[45].

Переселение дербентцев не единичный случай. Напротив, Надир шах все чаще стал применять политику принудительного массового переселения в случае непокорности, наказания за неуплату податей[46] или в целях предупреждения волнений против властей. В 1736 г. так был наказан род халилванд из азербайджанского племени отузики, обитавший в округе Марага. Осуществление принудительного переселения было возложено на визиря города Мерва при Надир шахе, автора знаменитой трехтомной рукописи «Наме-йи алам арайи-Надири» Мухаммеда Казима. По приказу Надир шаха он отправился в округ Марагу и в течение шести месяцев доставил всех наказанных в Хорасан, а сам вновь вернулся в Азербайджан[47].

Политику массового переселения иранское правительство применяло также в отношении к тем лицам, которые во время пребывания в прикаспийских провинциях русских открыто симпатизировали им или переходили на постоянное жительство в области, занятые тогда русскими войсками.

Как известно, шахсеваны Муганской степи еще в 1727 г. вместе со своими семьями и имуществом из турецкой оккупационной зоны перешли на сторону Российского государства. Теперь, когда в Азербайджане вновь стали хозяйничать иранские завоеватели, Надир шах насильно переселил их в Хорасан. Русский резидент И. Калушкин по этому поводу в своем донесении императрице Анне Ивановне сообщил: «...в Муганской степи по отдаче Баку и Дербента в персидскую сторону все кочевые народы, колико их тамо было переведены в Хоросанду, а Али-Кули хан... послан в Герат, о котором и поныне ведомо что с ним учинилось»[48].

Во второй половине 30-х годов положение в областях Закавказья, освобожденных от турецкой оккупации, но вновь попавших под власть иранских феодалов, все еще продолжало оставаться тяжелым. «Поборы, — говорится в одном из архивных документов того времени, — с обывателей по-преж-

40 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 188.
41 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 119—120.
42 АВПР, ф. СРП, 1736, д. 10, л. 74; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 188.
43 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120.
44 АВПР, ф. СРП, 1737, д. 7, л. 209; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 188.

45 Показания, данные русскому консулу в Персии засланными людьми в гор. Аксу и Баку. ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 614, л. 82 и об.
46 И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений..., стр. 256.
47 Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 168б; И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 256.
48 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 615, л. 16.

нему с крайним изнурением продолжаются и деньги непрестанно в лагерь отправляет от чего все подданные день ото дня в разорение приходят»[49].

Неурожай и засуха еще больше усугубляли тяжесть положения трудящихся масс. В 1736 г. во всем Азербайджане свирепствовал сильный голод, явившийся прямым следствием нашествия турецких и иранских войск. Из-за частых военных действий крестьяне не имели возможности возделывать свои земли и собирать урожай, многие земли пришли в запустение. «В тех областях, — писал современник, — был большой недостаток хлеба и ячменя»[50]. Нередко земледельцы, стараясь избежать произвола иноземных завоевателей, покидали свои хозяйства и скрывались в горах или других труднодоступных для больших армий местах. Характерным примером может служить сообщение католикоса А. Кретаци, который, возвращаясь после муганского курултая к себе на родину через Азербайджан, был свидетелем страшного запустения селений и областей. «Я прибыл, — рассказывает он, — в оба, или Татарскую деревню Хынцорек [Хынзырак], принадлежащую Курчибеку..., расположенную среди великих гор, очень высоких и мы увидели весьма удивительную вещь: сельчане в страхе перед османцами и курдами — карачорлуйцами оставили свое находившееся в лощине село и вырыли на склонах высочайших скалистых утесов с этой и с той стороны лощины друг против друга магаран [пещеры] в качестве жилья для своей семьи и жили в них...

Было удивительно, как с помощью кожаного каната вылезали и спускались женщины с малолетними детьми на спине, и захватив кувшин с водой и другие нужные вещи, также по канату поднимались наверх и входили в свои наскальные берлоги, а потом убирали за собой кожаный канат. Таким образом, посторонний человек не мог проникнуть к ним туда. Дома же их [в лощине] были разрушены османскими, а так же разбойниками и ворами. Сначала их насчитывалось в селении Хынцорек [Хынзырак] 500 домов, но ныне число их уменьшилось, ибо многие были убиты от турка. Османские паши приходили [сюда] с войсками несколько раз, но не могли проникнуть к ним и повоевав друг против друга, возвращались со стыдом. Только отсутствие [скал] с одной стороны дало возможность их разграбить. Они [османы] передали мечу женщин, детей и мужей и ушли. Уцелела лишь половина или третья часть жителей, которые были в пещерах, откуда они сумели защититься от неприятеля ружейным огнем. В этом селении прежде выделывали много великолепных хали

[49] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 615, л. 2.

[50] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 156.

и халича, но теперь это дело значительно сократилось [сейчас] еле найдутся ткачи среди старух»[51].

Можно полагать, что подобное явление было характерным и для других мест. Тяжелые последствия иноземного нашествия и непрерывные войны давали о себе знать и крайне отрицательно отразились на хозяйственной жизни городов и деревень. О свирепствующем голоде и дороговизне в Азербайджане в период восстановления иранского господства (1736 г.) рассказывает А. Кретаци: «не только на Мугани был недостаток хлеба, но и по всей области Тебриза и здесь, в Дузахе и в Гяндже, в Казахе, Лори, в Грузии, на берегах Гагемского моря, в Цаткадзоре, в Калане, в Нахичевани и в Ереване. Во всех этих перечисленных областях османский оха пшеницы стоил по одному шахи, да и то не находили»[52]. В другом месте своего сочинения он писал: «...на Мугане очень вздорожала пшеница и ячмень: стоимость тавризского литра[53] поднялась до одного золотого и десяти тимин [туман], что составляет девятьсот драхм»[54]. Один ман зерна, по свидетельству А. Кретаци, оценивался в 300 динаров.

О свирепствующей дороговизне повествуется в письме русского резидента Калушкина от 20 декабря 1737 г.: «...все съестные припасы нужные ныне вздорожали, которых хотя и с довольством на базаре имеется, но в продажу не допущают, кроме что тайным образом продают пшена тебризской батман по рублю, масла коровьи по два рубли»[55].

Любопытное сообщение содержится в одном из современных Надиру свидетельств: «Жестокий голод, — говорится в одном из источников, — опустошил Персию, и Надир явно начал пользоваться злополучием своих подданных, продавая им хлеб по самой высокой цене»[56].

Голод и дороговизна поднимали население на борьбу, которая была тесно связана с общей борьбой всех народов Закавказья и Дагестана за независимость против иноземного господства. Надир шах вновь решил послать карательные отряды в различные области, охваченные народными волнениями.

Один из таких отрядов был направлен на север Азербайджана. Засланные в города Агсу и Баку с целью ознакомления с положением вещей Бамурзин и Блишуков сообщили русскому консулу, что «...стоит в Тебризе Тахмас хонов [На-

[51] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 157—158; И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 303.

[52] А. Кретаци Ук. раб., стр. 144.

[53] Литр — ман — батман.

[54] А. Кретаци. Ук. раб., стр. 145.

[55] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. (1738), л. 73 а.

[56] Сравнение Тахмас Кули-хана с Буонапартом. «Вестник Европы», ч. 79, М., 1815, стр. 151.

дир шаха] брат Ибран хан [Ибрагим хан] с войском своим, который намерен итти в Кабалу, а при нем войска имеетца с пять тысяч»[57]. Более подробные сведения о приготовлениях иранских войск под предводительством Ибрагим хана к походу в Северный Азербайджан сообщает русский резидент Калушкин: «Ибрагим хан из Тебриза с собственной своей командой выступил от 8 до «9000», к которым в пути присоединил, протчее все войско колико оного во всей Гадарбажанской [Азербайджанской] стороне находился. А именно от Ширвани, Мугани, Ардебиля, Эривана, Гянджи, из Грузии и Кахецкой земли и к тому набрал еще вновь из магалов или дистриктов, Соугбулаге, Карадаге, Бергушта и прочих других. Всего по мнению его было без мало с 20000. И оставя тяжелые пушки в Гяндже из оных с собой взял только десять легких и 150 яныченок, которые возят на верблюдах...»[58] Прибыв в Гянджу, Ибрагим хан прежде чем двинуться в путь отправил нарочного в Новую Шемаху — Агсу и приказал беглярбеги, чтобы тот с пятьюстами человек отправился в Дербент, где население все еще никак не хотело примириться с иранским господством[59].

На первых порах своего пребывания в Северном Азербайджане Ибрагим хан надеялся расположить непокорных джарцев, талынцев и мухахцев[60] путем мирного соглашения. Как следует из источников, он потребовал к себе представителей населения этих областей, которые отправили к нему по одному человеку. Однако Ибрагим хан многого не добился, он был вынужден пойти на серьезные уступки и заключить мир с представителями Джара, Талы и Мухахи на условиях, выгодных населению этих мест. По этому поводу в источнике читаем: «В Гянджу прибыл во главе войска брат Тахмаза [Надира] Ибрагим хан и потребовал от области надежных людей: джарцы, талайцы и мухаханцы послали ему по одному человеку и заключили с ним мир, не внося ему ничего, ни податей, ни заложников, ни чего другого; он же отпустил посланцев в 1150 [1737] в месяце близнецов»[61].

Факт заключения соглашения между шахским правителем Закавказья Ибрагим ханом, прибывшим специально во главе карательных войск для усмирения всеобщего волнения в Азербайджане, и представителями областей Джара, Талы и Мухахи еще раз свидетельствует, что иранские власти чувствовали непрочность своих позиций. Уступки Ибрагим хана демонстрировали народным массам слабость их врага, что

[57] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 614, л. 82.

[58] АВПР, СРП, оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 772 б, 773 а.

[59] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 614, л. 82 и об.

[60] Мухахи — местность в 15—17 *км* к юго-востоку от Джара, входила в состав владений Илисуйского султанства.

[61] Хроника войн Джара, стр. 27.

служило сигналом к новым вооруженным выступлениям против иранских властей.

И на этот раз некоторые из представителей местной и дагестанской феодальной знати, расценивая создавшееся обстоятельство, как наиболее благоприятный момент для личного обогащения, собрали вокруг себя лиц, мечтавших о легкой наживе, в ходе всеобщего восстания против иранского владычества они занимались исключительно грабежом. «В месяц льва [примерно, в конце июля и начале августа 1737 г. — *Ф. А.*], — говорится в источнике — дагестанцы вместе с некоторыми джарцами выступили в поход, держа путь в сторону Тифлиса, и там они захватили большую добычу»[62].

Не реагировать на действия повстанческих отрядов и грабительские походы означало смириться с создавшимся положением. Исходя из этого, Ибрагим хан двинул свои войска в Тифлис[63] на помощь прежде всего своим ставленникам.

Между тем, один из аварских феодалов по имени Галега[64], пользуясь смутами в Закавказье и отсутствием Ибрагим хана в Азербайджане, с вооруженными отрядами совершил нападение на Ареш, «...перебил там много людей, взял в плен их детей, ограбил их имущество и убил много мужчин и это, несмотря на то, что арешцы были мусульманами и с ними некоторые джарцы, которые потеряли при этом несколько человек убитыми»[65].

Для того, чтобы пресечь подобные явления, по приказу Ибрагим хана в окрестностях более или менее крупных городов населенных пунктов Карабаха, Ширвана и Шекинской области были вырыты окопы, в которые разместили усиленную охрану.

В 1737 г. в Северо-восточном Азербайджане, в частности, орудовали отряды аварского феодала Галеги, сына Сурхай хана Казыкумыхского Муртузы Али. Отряды упомянутых феодалов появлялись то у Ареша, то у Шеки и в других местах, причиняя местному населению большой урон[66]. Летом 1737 г. Ибрагим хану все же удалось нанести поражение этим отрядам, которые удалились в Дагестан.

Однако это не давало гарантию иранским властям от дальнейших нападений дагестанских феодалов, имевших многочисленных приверженцев в Джарской области и в Талы.

Антииранские выступления были настолько частыми, что

[62] Хроника войн Джара, стр. 27.

[63] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 613, л. 82 и об.

[64] Галега был владетельным феодалом в Анцухе, расположенном на р. Джурмутчае. См. Хроника войн Джара, стр. 58.

[65] Там же, стр. 27.

[66] Там же, стр. 27, 28

иранские военачальники, видя в них прямую угрозу собственной безопасности, уже не могли ограничиваться карательными экспедициями местного значения. Ибрагим хан, снарядив большую армию в 30000 человек, двинул войска в область Джар, являвшуюся потенциальным очагом антииранских выступлений. Расположившись лагерем перед Кахом, Ибрагим хан приказал приступить к рытью оборонительных окопов; работа эта производилась в течение четырех дней[67]. У крепости Аг-бурдж, сооруженной еще шахом Аббасом, Ибрагим хан задумал соорудить другое военное укрепление — крепость, которая должна была стать опорным пунктом иранского войска для военных операций против воинственных племен Джара и Талы[68].

О походе Ибрагим хана в область Джар обстоятельно, но не без субъективизма пишет иранский историк Мухаммед Казим, принимавший личное участие в упомянутом походе. Правда, Мухаммед Казим не продолжал свой путь до Джара, так как получил приказ от самого Надир шаха немедленно вернуться в Мерв во главе мервских войск. Тем не менее его запись со слов участников сражения заслуживает внимания.

По данным Мухаммед Казима, джарцы и талийцы, узнав о приходе огромной иранской армии, подкрепленной грузинскими, ширванскими и карабахскими войсками, через своих гонцов обратились за помощью к Сурхай хану Казыкумыхскому и великому уцмию Табасаранскому, предложив им совместную борьбу за народ и веру[69].

Вскоре к джарцам из Табасарана, Хыналыга, Ахтыпара и Курали пришло подкрепление в количестве 20 тысяч человек[70]. Руководить объединенными отрядами взялись пользовавшиеся известностью среди джарских племен Диване Ибрагим и Халил. Не будем описывать подробно ход военных действий. Отметим лишь, что первые стычки завершились победой регулярной армии, которая преследовала противника[71], не подозревая о расставленной ей ловушке. Вначале воины регулярной армии продвигались благополучно, хотя в горах то и дело показывались вооруженные отряды из местных «...в малом числе, а потом их через несколько дней видно не было»[72]. «И, следовательно, — поясняет очевидец, — причина была рассуждать, что они не надеясь на свою силу стоять, от страха собирались в верхние горы»[73].

---

[67] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 173 а.
[68] Там же.
[69] Там же, л. 170.
[70] Там же, л. 173 а.
[71] Там же, стр. 173 б—175 б.
[72] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 754.
[73] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 754.

Недооценив силы своих врагов, Ибрагим хан решил одним ударом покончить с противником. Он оставил свой лагерь у подножья горы и, взяв с собой всех пехотинцев, двинулся на повстанцев. Путь иранского войска лежал по узким горным проходам, крутым тропинкам и крутым скатам — все это весьма осложняло положение иранских войск. Воины едва удерживались на крутизне, забыв о воинской дисциплине и порядке в своих рядах. Ибрагим хан пропустил вперед отряды из грузин, ширванцев, воинов из племени мугаддам, дунбули и т. д. Сам же с надежным отрядом, составленным исключительно из хорасанцев, шел в арьергарде[74]. Джарцы же во главе с Диване Ибрагимом не препятствовали продвижению регулярной армии. Когда же появился отряд, возглавляемый Ибрагим ханом, местное ополчение внезапно начало «жестокую из ружья стрельбу»[75]. Ошеломленные неожиданным нападением, иранские войска даже не знали, в какую сторону обратить свои ружья, так как было еще темно и пули летели со всех сторон. К тому же противник умело замаскировался в естественных укрытиях. Одним из первых пострадал предводитель иранских войск Ибрагим хан, в которого Диване Ибрагим выстрелил сам. Получив тяжелую рану, Ибрагим хан упал с коня. По словам Мухаммед Казима, гянджинский беглярбеги Угурлу хан, увидев раненого Ибрагим хана и будучи сам раненым, подозвал своего брата Гусейн Али хана и сказал ему: «выведи его из кошмара, если не дай бог с ним что-нибудь случится, завтра весь Азербайджанский мамлекет станет жертвой гнева Надира и сгорит в огне»[76]. Однако вторая пуля смертельно сразила Ибрагим хана. Был убит также и Угурли хан.

Весть о смерти Ибрагим хана молниеносно разнеслась и создала страшную панику в рядах воинов. В источнике по этому поводу говорится: «И как скоро Ибрагим хан получа две раны с лошади упал, то протчие командиры пришли в робость и тем войску подали повод о конфузии»[77].

Жестокая непрерывная стрельба повстанцев, их решимость и твердость заставили иранских воинов искать спасения в беспорядочном бегстве. Не довольствуясь отступлением противника, повстанцы преследовали его. Очевидец сообщает, что ополченцы «до самого обоза гнались [за неприятелем] и на побеге великое множество порубили и обозом овладели, ибо обретающегося в оном войско не в состоянии было неприятелям супротивление чинить»[78].

---

[74] Мухаммед Казим. Ук раб., стр. 175 б.
[75] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 734.
[76] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 176 б.
[77] АВПР, ф. оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 754, Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 174 б.
[78] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. (1738), л. 754.

Паника среди иранских войск была настолько велика, что как только стало известно о смерти Ибрагим хана и отступлении войск, отряд, оставленный командованием у подножья горы, немедленно обратился в бегство. Однако мало кому из иранской армии удалось избежать смерти[79]. Военачальнику Мухаммед хану Афшару с великим трудом удалось собрать и увести остатки разгромленного войска, которое с отрядом из тысячи человек преследовал Диване Ибрагим до Аракса[80].

Вот как описывает поражение иранских войск под предводительством Ибрагим хана участник карательной экспедиции: «[Ибрагим хан] пришел к жарским (Джарским. — *Ф. А.*) горам, ни малого супротивления не видал. Но еще оные с покорностью к нему прислали. На что [Ибрагим хан] ответствовал: что он намерение взял их до основания разорить и потом пошел в горы, где три крепости взял. Тогда по горам между джарцами видим были люди сурхаева владения и как только еще одну крепость осадили, то неприятели изо всех его [Ибрагим хана] первого убили выструляя по нем из трех ружей, а потом генджинского беглярбегия который перед ним Ибрагим ханом поехал, отчего войско пришло в робость и хотя прочие командиры всячески старались оное от замещения удержать, однакож лезгинцы не давая ко исправлению время со всех сторон сильный огонь производили и тем персиян принудили в бегство обратитца и гналиса за ними не токмо низу гор, где лагерь стоял, но и когда на ровное место выбежали, то из лезгинцев несколько сот человек конных показались и персиян жестоко встретили. Токмо вдаль за ними гнатца не отважились, на том побеге еще из командиров убиты Эреванской беглярбеги и 2 султана соухбулагской и мугамской, а из войска множество погибло, кроме что неприятели побили, но и в узких проходах бегучи сами себе так стеснили, что многих до смерти подавили, и в реке потонуло. Понеже персияне чрез оную необходимо бежать принуждены были»[81]. Далее он сообщает, что «самое малое число бегом спастись могло, и может быть те, которые перед взяли а оные по ущельям в горах и по лесам разбежались, как то он сам учинил»[82].

Поражение иранских войск в Азербайджане и в Южном Дагестане весьма дорого обошлось Иранскому государству. Вместе с главнокомандующим иранскими войсками в Закавказье Ибрагим ханом в этой операции иранских войск против джарцев погибли многие военачальники, знатные ханы и султаны. «Хроника войн Джара» называет, в частности, «Огурлу хана, Авшар-хана, Беркусай-хана, моурава Хизи-хари, Керим-агу, векиля Казаха и других ханов, султанов и воинов»[83].

По данным русских дипломатических представителей в Иране и современников описываемых событий, из тридцатидвухтысячной иранской армии спаслось бегством лишь от 7 до 8 тысяч людей. Остальное «...почти все войско погибло. Колико онаго при Ибрагим хано было со многими знатными командирами, которых считают до двенадцати персон якож и артиллерия неведимо, что с оной учинилось, которую Ибрагим хан из Тебриза с собой взял состоящую в тридцати пушек»[84].

Говоря о поражении иранских войск, на наш взгляд, следует также учесть то обстоятельство, что Надир шах, начав свой поход против среднеазиатских ханств и Индии (1737—1739), мобилизовал для этого едва ли не все основные ресурсы государства — военные и материальные. Изо всех областей, подвластных ему, были взяты для возглавляемого им войска многочисленные воинские отряды. Русский дипломат доносил своему правительству: «хотя ныне по разбитии Ибрагим хана ни в той стороне ни во всей гадербаджане [Азербайджане] то есть от Эривана до самого Дербента нигде войска нет, ибо он [Надир шах] изо всех тех городов военных людей взял с собой»[85]. А при Ибрагим хане, хотя и осталось большое войско, однако оно состояло в основном из новобранцев, не имевших ни опыта, ни навыков ведения войны. Да и сам главнокомандующий Ибрагим хан не блистал способностями полководца и военного стратега[86].

Как видно, названные факторы способствовали столь быстрому и сокрушительному поражению иранских войск.

Воодушевленные успехом, отряды повстанцев не довольствовались обращением в бегство противника и захватом большого количества провианта, оружия, даже орудий, которые были оставлены на поле битвы и в лагере Ибрагим хана у подножья горы. Часть джарцев отправилась в сторону Бакинской крепости, где, по предварительным данным, находился иранский гарнизон. Узнав о приближении отрядов повстанцев, «...из ближних деревень обыватели, избегая конечную свою гибель в Баку, собрались»[87].

---

79 Там же.

80 Там же, л. 729; Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 173а—178б; СИРИО, т. 80, д. 242, стр. 490; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 189; А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской кампании шаха Надира (1742—1743). «Уч. зап. Дагестанского ФАН СССР», Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1958, стр. 68.

81 АВПР, ф. СРП, д. 7 (1738), л. 773 б.

82 Там же, л. 774 а.

83 Хроника войн Джара, стр. 30.

84 АВПР, ф. СРП, д. 7 (1738), л. 755 б.

85 Там же.

86 Там же, д. 8 (1738), л. 409 б.

87 Там же, д. 5 (1739), л. 37 б.

Под Баку «мушкурцы и куралинцы и других званий народы к лезгинцам[88] сообщались» и еще более увеличили силу осаждавших. Русский резидент Иван Калушкин в своей реляции от 31 января 1739 г. писал «...по полученным из Ширвани ведомостям подлинно известно, что лезгины во многочисленным собрании к Баке приступили и содержат [его] в осаде»[89]. Как явствует из сообщения русского дипломата, бакинская крепость в то время охранялась маломощным иранским гарнизоном[90]. В крепости не было ни одной пушки. Иранские войска были плохо вооружены. «...От неприятельной силы город устоять никак не надеется для того, что в оном ни пушек ни пороху, даже малого войска нет..., — продолжал писать далее в своем донесении И. Калушкин, — и хотя между оными некоторые ружья имеют, но отпору неприятелям чинить не могут...»[90]. Не будучи в состоянии отбить атаку бакинский правитель Селим хан обратился к командованию российского флота, зимовавшего в бакинской бухте, за помощью и просил передать в его распоряжение хотя бы несколько пушек. Русской флотилией в бакинской бухте в это время командовал Каблуков, который по получении письма от бакинского султана Селим хана отправил в бакинскую крепость из «...своего гекбота четыре пушки, пороху и свинцу так же и одного пушкаря, которой поставя те пушки на городовой стене производил из оных стрельбу»[91]. Только лишь после неожиданной пушечной пальбы осаждавшие были вынуждены снять осаду Бакинской крепости и удалиться.

Небезынтересно привести здесь высказывание русского резидента И. Калушкина, узнавшего о происшедшем инциденте в Бакинской крепости от консула Арапова. Он пишет: «И такой его [Каблукова] поступок не знаю может ли быть оправдан, ибо он тем сколь одним во обороне Баки показал угождение, столь других может привести в огорчение»[92].

Отступление повстанцев от Бакинской крепости вовсе не говорило об их поражении в Северном Азербайджане. В архивных документах того времени часто встречаются фразы о том, что в «...ширванской стране опасность от оной лезгинцев не вовсе миновалась...»[93]. Это сильно тревожило шахских министров в столице Ирана, откуда беспрерывно отправлялись строгие предписания правителя города Решта, которые непосредственно держали связь с Баку, о содействии и укреплении Бакинской крепости.

---

[88] Здесь и далее под «лезгинцами» подразумеваются не только лезгины, но и «джарские аварцы».
[89] АВПР, ф. СРП, д. 5 (1739), л. 37 б.
[90] Там же.
[91] Там же, л. 39 а.
[92] Там же,
[93] Там же, л. 101 а.

В одном из документов от 1739 г. сообщается, что когда один из русских торговых кораблей собирался отплыть с грузом из Энзели на север в сторону Баку, рештский визирь настоятельно просил русского консула Арапова на этот корабль «...положить три пушки полуфутовые и пороху восемь пуд понеже лезгинцы намериваются вторично к Баку подступить и для обороны города он те пушки от себя посылает»[94]. Однако консул отказал в просьбе рештскому визирю. Тогда последний стал настаивать на своем и даже упрекнул русского консула, который «не по дружбе поступает, употребляя при этом и другие термины к нареканию...»[95]. Об этом Арапов сообщил резиденту Калушкину, который ответил, «что при нынешних горских замешаниях ненадлежежалобы для всякой осторожности российским судам в Баку ходить, дабы никогда лезгинцы городом не овладели и прибыв оные суда не захватили»[96]. Калушкин опасался, что в противном случае в правящих кругах Ирана подумают, что Русское государство «в пользу наступателей участие приемлется»[97]. Поэтому далее он писал консулу Арапову: «когда уже судно туда [в Баку] грузица, то можно ряшскому везиру в отвоз помянутых пушек и пороха показать угождение...»[98].

К концу 30-х годов XVIII в. повстанцы контролировали почти все караванные пути, связывающие многие торгово-экономические центры. Современник по этому поводу писал: «...ныне от Кизляра до самой Шемахи в проезде от лезгинцев отстоит всякая опасность, где только через дачи денег едва проехать можно»[99]. Это сообщение заслуживает внимания по двум важным соображениям. Во-первых, раз купцы «чрез дачи денег», то есть выплачивая своеобразную пошлину, могли переезжать из города в город, значит повстанцы в контролируемых ими местах все же поддерживали относительный порядок и не были безнадежными грабителями, как о них зачастую писали хронисты и другие представители феодальных властей. Они действовали в рамках существующих в то время представлений и правил — как известно, пошлина собиралась и шахской администрацией. Нетрудно также предположить, что снисхождение со стороны повстанцев оказывалось в основном русским купцам, так как из Кизляра в Шемаху в основном приезжали русские купцы. Во-вторых, предводители антииранского движения в Азербайджане, видимо, добившись в некоторых местах опреде-

---

[94] АВПР, ф. СРП, д. 5 (1739), л. 101 а.
[95] Там же.
[96] Там же. лл. 101 а, 101 б.
[97] Там же, л. 101 б.
[98] Там же.
[99] Там же, оп. 77/1, д. 7 (1738), л. 756 а.

ленных успехов, старались уже навести порядок в контролируемых зонах.

Любопытно, что русские купцы, в такой напряженной обстановке получившие возможность везти свои товары в торговые центры Баку, Шемаху, Дербент, несли больше убытков в этих городах, нежели в пути. В одном из архивных документов говорится «...об обидах чинимых российским купцам в Ряще, Шемахе, Баке, а паче в Дербенте»[100]. Но год спустя политическая обстановка в Азербайджане вновь накалилась и иноземные купцы решили повременить с сухопутной торговлей. Из Ширвана без конца поступали тревожные сигналы. «Ныне здесь,—писал резидент Калушкин из Исфагана 16 января 1739 г.,—по полученным из Ширванской стороны известиям ведомо, что лезгинцы от старой Шемахи даже до Дербента в великом собрании стоят, и путь так заворили, что никому ни пешему пробраца никак нельзя»[101]. Иранские власти были не в силах справиться с повстанцами, ибо основное ядро регулярной иранской армии находилось при Надир шахе в далекой Индии. В документах того времени читаем, что поход в Индию «...руки его [Надир шаха] завязывает»[102]. Видя равнодушное отношение иранских властей к позорному поражению своих войск в Азербайджане и к смерти Ибрагим хана, Калушкин писал: «...непонятно есть, что б его величество смерть брата своего Ибрагим хана лезгинам и причиненное от них великое разорение персидским деревням упустить похотел»[103].

Между тем, повстанцы усиливали свой натиск, все более угрожая крепостям и населенным пунктам Азербайджана, где были размещены иранские гарнизоны и находились представители шахской администрации. Один из повстанческих отрядов с каждым днем сужал кольцо осады вокруг крепости Шемахи. Другой отряд, хотя и был отброшен от Бакинской крепости, но не утратил боевого духа и не прекратил наступательных действий. В одном из документов 1739 г. читаем, что «...лезгинцы от Баки не вовсе отступили, но отшед от города так далеко, что пушечный выстрел достать не может, остановились, и все дороги так захватили, что ныне и проезда нет»[104].

Безусловно, в результате непрерывных военных походов иранской армии, сопровождавшихся ограблением деревень и разорением посевов, сильно пострадало сельское хозяйство Азербайджана. Во многих деревнях и округах оставались заброшенные земли, сократилась урожайность, царила дороговизна. Положение с продовольствием к весне еще ухудшилось, когда и без того немногочисленные запасы оказались на исходе. К тому же связь между отдельными областями страны и торговыми центрами почти прекратилась. В донесении императрице Анне Ивановне от 12 мая 1739 г. И. Калушкин писал: «по здешней дороговизне едва можем пропитание иметь»[105].

Воцарению беспорядка в стране, значительному ослаблению позиций центральной власти на местах способствовало продолжительное отсутствие Надир шаха в столице. Во время индийского похода в качестве наместника в столице оставался его сын Реза Кули-мирза, не обладавший ни способностями, ни авторитетом, ни решительностью своего отца. Чтобы усмирить Азербайджан—постоянно действовавший очаг антииранских выступлений, Реза Кули-мирза отправил туда нового сардара Амираслан хана[106]. В источниках нет сведений о характере поручения ему. Неполны сообщения и резидента И. Калушкина: «О принятий же мере против дагестанцев еще не слышно токмо, что шах [принц]в Адараджан отправил сардарам Амираслан хана, а протчем или какие новые наборы в той стране на место побитых учреждены были о том и по сие время неведомо. Но может стаца, что шах оного сардара при отправлении его к тому указом снабдил, о чом впред время окажет...»[107].

Есть основания полагать, что, если даже новому сардару и было поручено принцем создание новой армии, его усилия в этом направлении не увенчались успехом. Амираслан хану не удалось собрать сколько-нибудь значительное наемное войско, так как в этих местах мужчины, способные носить оружие, удалились в горы, организуя партизанские отряды для борьбы с иноземными поработителями. Амираслан хан сообщил об этом принцу Реза Кули-мирзе, находившемуся в то время в Бендер-Аббасе. Принц немедленно вызвал к себе ширванского беглярбеги Таги хана и строжайшим образом приказал ему «...дополнить потерянное число команды своей, то есть восемь тысяч человек новыми людьми, набрав в тамошних приморских местах и Ширванской губернии»[108]. Можно предположить, что старания Таги хана также оказались тщетными. Ибо, по данным архивных документов, иранским властям даже в самом Иране приходилось туго с новобранцами. Приводим выдержку из письма современника. «...около Ахсу [Новой Шемахи]

---

100 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5 (1739), л. 295 а.
101 Там же, л. 32 а.
102 Там же, л. 180 б.
103 Там же.
104 Там же, л. 48 а.

105 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5 (1739), л. 126 а.
106 Там же, л. 37 а.
107 Там же, лл. 37 а, 37 б.
108 Там же, л. 108 б.

персидского войска в собрании имеются двадцать тысяч, якож и сердар Магемат Гусейн хан от себя разглашает, что он из Тегерана на помощь в Ширван идет во шести тысячах токмо на оном заподлинно никак утвердитца нельзя и в собрании такому числу войска быть не надеюсь»[109].

Пока иранское командование было занято набором новых воинов для комплектования своих карательных отрядов, повстанцы продолжали контролировать почти все главные караванные пути. По этому поводу в архивном документе 1739 г. читаем: «...курьер Серебряков, когда с двумя персиянами, отправленными от султана к шемахинскому беглярбегию из Дербента выехали и просили своего шкипера чтобы он к себе на Гекбот принял и отвез до Баки. Понеже сухой путь весьма опасен от лезгинцев и никак нельзя им поехать...»[110].

К лету 1739 г. принцу Реза Кули-мирзе все же удалось снарядить большое войско под командованием Сефи хана Султана и отправить в Ширван.

Современник писал, что повстанцы, узнав «о приближении к Шебран персидского сердара Сефи хан Султана с войском, ретировались в свои жилища в горы, которой без малейшего от оных супротивления дошел до Кубы, растоянием от Дербента один день езды и что дорога от Баки до оного Дербента ныне безопасна...»[111].

Вследствие карательных экспедиций к концу 1739 г. антииранское движение здесь несколько пошло на убыль.

109 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5 (1739), лл. 270 а, 279 б.
110 Там же, л. 275 б.
111 Там же, л. 346.

ГЛАВА IV

ЛИКВИДАЦИЯ ИРАНСКОГО ГОСПОДСТВА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ В 40-х ГОДАХ XVIII в. И ВОЗНИКНОВЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ФЕОДАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Начиная с 40-х годов XVIII столетия освободительное движение в Азербайджане вступает в новый период своего развития. Причины, побуждающие местное население к восстанию, были прежние. Главными из них являлись стремление к независимости и растущая феодальная эксплуатация местного населения, которое, как пишет современник, «...и без того от единых шаховых и большего его во время его правления налогов в крайне разорение и нищету...»[1] приходило. Описывая тяжелую долю населения Азербайджана, русский резидент И. Калушкин в донесении от 15 ноября 1740 г. писал: «И почти ниединые таковые провинции не осталось, в которой бы довольство во всяких вещах имелось, но везде генерально чрезвычайно дороговизну в необходимых надобностях наипаче же в съестных припасах всеконечное оскудение или самую нужду претерпевают... Все государство—от непрестанных чинимых налогов крайне изнурено, везде генеральный недостаток во всем день ото дня умножается, и потому ни единые надежды неусматривается, чтоб в таком трудном и тяжелом случае свое необходимыми потребностями в разных поборах ему способствовать могло, ибо оставлять изнеможенные и нищету крестьяни в которой провинции довольствия провианта и протчих припасов нет, кроме, что все общее оскудение везде претерпевают...»[2].

Голод и нужда царили повсюду, обрекая на тяжелые страдания народные массы.

Восстания 40-х годов XVIII века, вызванное прежде всего непосильной феодальной эксплуатацией, происходили повсеместно в империи Надир хана. В областях и странах, покоренных иранскими феодалами, в том числе и в Азербайджане, эти восстания приобрели также черты освободительного движения, направленного на завоевание независимости от чужеземного ига.

1 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 556.
2 Там же, л. 576 а.

В Азербайджане и Южном Дагестане подобные выступления, несмотря на их мощь, оставались, как и в прежние годы, стихийными и не имели последовательных и преданных делу народа руководителей. Основным ядром взявшихся за оружие масс были крестьяне, которые, как правило, не выдвигали из своей среды вожаков, способных руководить вооруженной борьбой. Темные крестьяне легко становились жертвой обмана более предприимчивых феодалов и нередко превращались в их руках в орудие достижения корыстных целей.

Так, в 1740, Гусейн Али хан кубинский[3] и сын уже известного нам Сурхай хана Казыкумыхского Муртуза Али хан, пользуясь недовольством народных масс и их жаждой борьбы против своих угнетателей, пробрались в руководство восстания в Северо-восточном Азербайджане. Введя в заблуждение повстанцев, они повели их не в центры иранской администрации, а в те места, где можно было захватить богатую добычу.

Слепо следуя за своими корыстолюбивыми вожаками, повстанцы напали на Ниязабад, являвшийся узловым пунктом транзитной торговли. Ограбив местных и приезжих купцов, повстанческие отряды по наущению своих предводителей двинулись в «Шабран и Мускур уже прежде разоренные в достаток опустошены»[4]. Вскоре кубинский хан оставил Муртуза Али хана и с большой добычей удалился в Дербент. «Кубинский хан,—говорится в архивном документе,—в рассуждении имевшегося своей к шаху верности отсоединился того сурахайского сына, удалился и в Дербент ушел»[5]. Хотя факты из данной цитаты соответствуют действительности, однако выражение «верность к шаху» здесь не совсем верное. Кубинский хан покинул Муртуза Али хана скорее всего из-за боязни быть сурово наказанным Надир шахом, слух о победоносном походе которого в Индию распространился даже за пределами государства.

Оставшись на время единоличным предводителем вооруженной толпы, Муртуза Али хан по-прежнему продолжал грабительские налеты на купеческие караваны и относительно богатые области. Однако, опасаясь столкновения с регулярной армией, отряды Муртуза Али хана действовали только в районах между Низабадом и Дербентом. В архивном документе говорится, что повстанцы[6] «наивышие поиски с суровыми изнурениями во всей Низовой до окрестностях Дербентских мест продолжают»[7].

[3] Имя хана в документе не указано.
[4] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 555 б.
[5] Там же.
[6] Здесь имеются в виду также наемные войска из Южного Дагестана.
[7] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 555 б.

Многие сельские жители, опасаясь за свою жизнь, в панике начали искать убежище в городах-крепостях. Такое, в частности, происходило на Апшероне. По этому поводу резидент И. Калушкин писал: «...обыватели бакинского уезда в великие страх и опасения пришли. Так, что оставя свои дома и жилища с женами и детьми в Баку убежали...»[8]. Однако Муртуза Али хан не повел свои войска в сторону Баку, заблаговременно убедившись в бесполезности осаждать хорошо укрепленную Бакинскую крепость. Именно по этим соображениям Муртуза Али хан двинулся в сторону Агсу. Первое время отрядам Муртуза Али хана удалось осадить Агсу—Новую Шемаху и даже набеги свои «до Куры реки безпрепятственно распространять»[9]. Однако буквально через полмесяца Муртуза Али хан, убедившись в тщетности осады, разорил окрестные деревни и отошел к Старой Шемахе[10].

Но Муртуза Али хану не удалось осадить Старую Шемаху, так как правитель Агсу пустил ложный слух о том, что к нему отправлено подкрепление из центрального Ирана, а затем с трехтысячным войском напал на след лезгин, которые, опасаясь столкновения с регулярными войсками, удалились прочь[11]. Однако отход отрядов Муртуза Али хана в горы отнюдь не говорил о восстановлении порядка в стране, ибо, как сообщают первоисточники, караванные пути все еще находились в опасности[12].

Хотя в это время Надир шах и находился далеко от Азербайджана, но он дал распоряжение об отправке в Азербайджан и Дагестан карательных отрядов с тем, чтобы подавить здесь очаги антииранских выступлений. Многие историки, в особенности дореволюционные, касаясь этого вопроса, пишут, что Надир шах, будучи в походе, отправил в Азербайджан и Дагестан отряды с целью отомстить за смерть родного брата. Например П. Бутков сообщает: «Сия [весть о гибели брата] воспламенила Надира к отмщению и к приведению всего Дагестана и Ширвана в зависимость скипетру своему»[13]. Это не совсем верная точка зрения, неоднократно повторявшаяся многими историками, не может быть приемлемой хотя бы по той причине, что Надир шах недолюбливал своего брата и называл его «...глупым и деревенским диким мужиком»[14].

[8] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 555 б.
[9] Там же, л. 565 а.
[10] Там же, л. 575 а.
[11] Там же, Хроника войн Джара. Ук раб., стр. 33.
[12] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), стр. 575 б.
[13] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 211, ч. I; Дж. Малькольм. Тарих-е Иран (на перс. яз.). Бомбей, 1866, стр. 34—35.
[14] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1738), л. 409.

Современник пишет, что повстанцы «...без сумнения могли всю Азырбайджанскую страну удобно завладеть или по последней мере оную разоря добычи себе получить, понеже ныне в тех краях якож и в приморских городах столько войско не имеется, чтоб могло им супротивление чинить...»[15]. Чтобы предупредить опасность потери богатейшего края, Надир шах распорядился сформировать новые карательные отряды для отправки в Дагестан[16]. Узнав об этом, Муртуза Али хан, опасаясь сурового возмездия, посовещался с другими представителями феодальной верхушки, стоявшими, как и он, у руководства антииранского выступления, и решил отправить в Иран своего представителя и просить пощады. «...Сурхаев сын,—читаем в архивном документе,— с другими владельцами согласились послать от себя нарочитых людей к шаху, когда он из Индии возвращался с таким объявлением, что они его величеству послушание и покорность приносят, прося его милостивую протекцию... как только посланные... в Мешхед прибыли, тогда шахов сын Реза Кули Мирза следуя к отцу своему в Гарат оных возвратил изъясняя следующим понизительным ответом, что они яко подлые люди недостойны такого великого монарха за мерзлыми своими комиссиями утверждать и для того никакия нужды неусматривается на высокий лагерь»[17].

Не получив искомого прощения от принца Реза Кули-мирзы, Муртуза Али хан вместе с наемными войсками удалился в горы. Основное же ядро повстанческих отрядов, состоящее, главным образом, из джарцев, талийцев, шекинцев и других, рассеялось по домам или скрылось в своих укреплениях. Джарцы и талийцы на этот раз собрались вокруг главы Джаро-Талийского общества Ходжа Аги Муртуза эфенди, который, в свою очередь, мобилизовал своих соплеменников для отпора ожидавшейся карательной экспедиции.

Между тем Надир шах на обратном пути из Индии, будучи в Афганистане в Надирабаде[18], откуда собирался совершить поход в Среднюю Азию, узнал о приготовлениях в Джаро-Талийском обществе к новым выступлениям. Тогда он срочно отправил письмо Ходжа Ага Муртуз эфенди и потребовал усмирить население, обещав ему пощаду и награды. Но Ходжа Ага Муртуза эфенди остался верен сплотившимся вокруг него соплеменникам. Не получив ответа и опасаясь расширения вооруженного восстания в Северном

[15] АВПР, ф.СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 557 а.

[16] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120.

[17] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 565 б.

[18] Военный лагерь, отстроенный Надир шахом вблизи разрушенного им Кандахара.

Азербайджане, Надир шах снарядил большой отряд под командованием сардара Мухаммед Али хана и Гани хана Абдали. Он приказал им «по возможности защитить Ширван» и выступить против джарцев зимой, когда горные дороги делаются непроходимыми[19].

Иранское командование, намереваясь нанести удар джарцам не дожидаясь лета, видимо, исходило из нескольких соображений. Во-первых, в неблагоприятных зимних условиях повстанцам не удастся уйти в горы и таким образом они будут полностью уничтожены. Во-вторых, в правящих кругах Ирана стало известно, что Турецкое государство всячески старается подкупить и привлечь на свою сторону джарцев. Не примирившись с потерей захваченных земель, турецкая правящая верхушка готовилась к новым авантюрам. Концентрируя свои силы на западной ирано-турецкой границе, Турция была готова всегда поддержать антииранские выступления, которые могли ослабить ее соперника и послужить ее собственным интересам. По поручению турецкого султана визирь Али через духовное лицо Мухаммед эфенди в начале 1741 г. отправил главе Джаро-Талийского общества Хаджи Аге Муртуза эфенди письмо следующего содержания:

«...что мы извещены о вражде и борьбе, которые существуют между вами и Надыр шахом со дня возникновения их по сей день; проявленная вами храбрость и неустрашимость, стойкость и крепость сердца [решимость] вашего стали нам известны. Не доверяйтесь этим угнетателям, так как в случае доверия попадете в огонь. Мы узнали о том, что вы не поддались на их ложь и, обманувшись не доверились их словам. Известно, что сказано: «не следует отклонять голову [избегать] от огня там, где дело касается чести и славы». Всем стало ясно, что вы поступили согласно [этого] изречения. Ваши славные поступки и предприимчивость послужили причиной возрастания нашей бесконечной к вам любви. Ваша стойкость во имя веры станет притчей на языках [не сойдет с уст]. Все славославят вас. Поэтому при удобном случае о ваших славных поступках и неослабных стараниях сообщим тому, кто распоряжается нашей судьбой и благополучием, т. е. властелину земли, владыке морей, предводителю мусульман, божей тени на земле его величеству султану, да будет вечна его держава.

...Для того, чтобы жить под сенью дерева с крепкими ветвями и корнями, доходящими до корней земли до большой глубины; вы обращайтесь к незначительным средствам и повод к этому великолепен. Путь, который ведет к этому

[19] Хроника войн Джара, стр. 33; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120.

то, чтобы вы вместе выражениями вашей цели прислали документы о вашей верности данным словам и договоры о вашей стойкости облегчите себя покрывалом [броней] союза [племен] и немедля пришлите письма об общем настроении и мнении, пришлите ко мне с упомянутым посланием также представителей и племен и рядовых агсаггалов

Таким образом, поможет бог вам достичь ваших целей»[20].

В источниках и архивных документах пока нам не удалось обнаружить ответа Ходжа Ага Муртуза эфенди на это письмо. Возможно, что на свое обращение к джарцам в 1741 г. турецкий султан не получил ответа.

Тем временем по приказу Надир шаха началась подготовка к выступлению в карательную экспедицию иранского войска. Чтобы добиться быстрого усмирения повстанческих отрядов в Ширване и северной части Азербайджана, Надир шах особым фирманом усилил ряды отрядов Гани хана. По этому поводу А. Бакиханов писал: «Фет-Али-хан, Коса-Ахмедлу и Мегмет Али-хан, сардар азербайджанский [имеется в виду Южный Азербайджан], с 15000 [хорасанских войск] и все начальники Грузии получили приказание участвовать в походе Гани хана»[21].

23 февраля 1741 г. объединенные войска подошли к берегам Алазани. Население, заранее узнав о приближении карательных войск, укрепилось в основном в трех пунктах— Джаре, Кавыхе, Агзибире[22]. Из стратегических соображений иранское командование решило расположиться лагерем между Джаром и Талой. Здесь войско, занявшее удобную позицию, не замедлило приступить к осаде Джара, которая продолжалась семь дней. Повстанцы отчаянно сопротивлялись, но вынуждены были отступить. Население, не ожидавшее от иранских войск пощады, покинуло родные места. Местечко Джар еще до того, как иранские воины ворвались в него, стал почти безлюдным. Любопытное сообщение по этому поводу читаем в «Хронике войн Джара»: «...город был взят кызылбашами и в их руки попали скот, имущество, коровы и провиант и только два пленных»[23]. Джарцы, хотя и отступали, однако не прекращали мужественного сопротивления превосходящим силам противника. Но так как они отступали неорганизованно и рассыпались по разным укреплениям, то их сопротивляемость намного ослабла. Поэтому спустя некоторое время иранским войскам после кровопролитной битвы удалось захватить еще одно укрепление повстанцев—Кавых. Тогда остатки разбитых отрядов повстанцев отошли к Агзибиру, стоявшему на вершине покрытой лесом горы. К крепости Агзибир вела лишь одна тропинка; склоны горы были скалисты, обрывисты и труднопроходимы.

Защитники крепости Агзибир с утра до позднего вечера отбивали атаки неприятеля, нанося ему чувствительный урон, хотя и сами несли не меньшие потери. Силы были слишком неравны, Гани хан имел огромное количественное превосходство, не говоря о том, что большую часть повстанческих сил составляли непрофессиональные воины. Несмотря на стойкость и мужество защитников, крепость Агзибир все же пала[24].

После подавления сопротивления повстанцев иранские войска подвергли их край неслыханному опустошению. Части населения, особенно женщинам и детям, удалось избежать гибели, так как они заблаговременно укрылись на самых отдаленных вершинах гор. «Вся провинция,— писал А. Бакиханов,—была опустошена до такой степени, что не осталось почти никаких признаков бывшего народонаселения»[25]. Об ужасах, творимых иранскими карательными отрядами под командованием жестокого Гани хана, писал и Г. Алкадари: «...они разграбили имущество и стада тех магалов, разрушили их селения, а так же заняв дороги, ведущие в другие края, убивали и брали в плен бежавших по ним. В общем они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения»[26]. Карательные отряды не ограничивались разрушением и опустошением убежищ жителей Джара и Талы. Они также опустошили почти всю Шекинскую область и большую часть Ширвана[27]. Причину подобного поступка карателей историк В. Н. Левиатов объяснял следующим соображением: «Эти области, будучи смеженными с Дагестаном, имели многочисленные и разнообразные экономические связи с населением гор. Опустошая Шеки и Ширван, военачальники Надир шаха преследовали политическую цель: они хотели голодом заморить население непокорного им Дагестана»[28]. Несомненно, что такого рода тактические соображения в значительной мере определяли характер действий иранского войска.

В 40-х годах XVIII в. антииранские выступления в Южном Дагестане и прилегающих районах Азербайджана настолько участились, что Надир шах решил сам возглавить

---

20 Письмо турецкого визиря Али-джара-тайлинскому Ходжа Аге Муртуза эфенди. Перев. А. Субханвердиханова, НАИИ, инв. № 1392.
21 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120.
22 Там же.
23 Хроника войн Джара, стр. 33.

24 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 120—121.
25 Там же.
26 Г. Алкадари. Ук. раб., стр. 70.
27 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 109.
28 Там же.

поход в указанные места. Даже в то время, когда стали распространяться упорные слухи о приготовлениях Турции к новой войне, Надир шах стремился всячески оттянуть столкновение с Турцией, видя свою первоочередную задачу в подавлении народных волнений. «Шах,—говорится в одном из архивных документов 1741 г., видно неприятельства с турками отворить отклоняется толь на и паче, по неже он все свои виды на лезгинцев утверждает: обходя движение против которых ево величество и по ныне никаких сильных остерегательных мер не принимает»[29].

К весне 1741 г., закончив поход в Среднюю Азию, Надир шах решил повести свои измученные войска в Северный Азербайджан и Дагестан. По некоторым данным, численность его войск доходила до 100 тысяч человек[30]. Все расходы по переходу такого огромного количества войска через территорию Ирана и Азербайджана ложились на плечи местных жителей. Кроме того, по возвращении из похода в Среднюю Азию Надир шах, желая покрыть колоссальные военные расходы, стал требовать от населения уплаты тех налогов, от которых оно было частично освобождено после захвата армией огромной добычи в Индии[31]. Надир шах отменил все налоговые льготы и приказал взыскать несобранные за прошедшие годы налоги и подати. Сбор налогов, размер которых был сильно увеличен, сопровождался страшными пытками и жестокостями. По свидетельству современника Мухаммеда Казима, около 20—30 тысяч крестьян и горожан было подвергнуто истязаниям и брошено в темницы за неуплату требуемого количества податей[32]. Народу нечем было платить сборщикам налогов. О жестокой внутренней политике, проводимой Надир шахом, и бедственном положении народных масс сообщал в своем донесении русский резидент И. Калушкин. «Его величество по возвращении из Индии упущенные за три года подати сугубо с своих подданных до правливает, изыскивая разные протексты, и иногда неумеренные штрафы за беглых и умерших в войске его, из которых они взяты накладывают, а иногда платье верхнее и нижнее на новобранных авганцев и иных завоеванных народов требует и протчие подобные поборы непрестанно производят, от чего персияне все от мала и до велика день от дня в крайнюю скудность и разорение приходят и ниединая провинция в состоянии не находится, ниже малого числа войска чрез краткое время содержат и провиантому довольствовал, ибо большая часть крестьян нищенствует»[33]. Таким образом, население тех мест в которых не происходили военные столкновения, пострадало не меньше, чем население, находившееся на территории военных действий. Больше всех пострадало население мест, через которые проходили многочисленные войска Надир шаха. Положение народных масс становилось еще хуже, когда иранские войска останавливались в той или иной деревне или городе. В таких случаях воины питались исключительно за счет местного населения. Ненасытный шах кроме всего того, заставлял местных управителей добавочно взыскивать с населения денежные взносы в опустевшую казну. «Шах,—писал резидент И. Калушкин,—проездом своем чрез города и провинции везде останавливается дни по три по пять, требуя от командира и управителей во всем, а наиглавнейше в зборе казны во все время отсутствия его из Персии строгие отчеты и нималого в том оправдания, что за крайным оскуднением крестьян и взять нечего, не принимает; меньше же во всем своем государстве никакой бедности слышать не хочет, отзывая, что трехгодная льгота, которую он подданным своим дозволен неминуемо оных в состоянии и поправить могло»[34]. Несмотря на настоятельные требования сбора все новых и новых дополнительных средств, государство остро нуждалось в деньгах и провианте для войска. По всей вероятности, в казну поступили бы определенные суммы, если бы не алчность сборщиков налогов и местных управителей. Не случайно Надир шах сурово обращался с последними, нередко подвергая их телесным наказаниям[35]. Современник писал, что Надир шах с местными правителями «так жестоко поступает, что ни единого города ни волости не проходит, где бы командиров не наказали и ни мало озлоблений свои на них гнев не утоляет»[36]. Возвращение Надир шаха после победоносного похода из Индии и Средней Азии не сулило радости его подданным. Встретив повсюду недовольство, он стал более раздражительным и недоверчивым[37], отчего почти все придворные находились «в неописуемом страхе»[38]. До Надир шаха дошли слухи о том, что турецкое командование, хорошо осведомленное о недовольстве и волнениях в различных областях его государства, ведет боль-

[29] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 52 а.
[30] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 211.
[31] Подробно см. М. Р. Арунова. Фирманы Надир шаха Афшара (1736—1741) как исторический источник. М., 1960, стр. 3—10.
[32] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 127 б—128 а.

[33] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 6 (1740), л. 556 б.
[34] Там же, д. 7 (1741), л. 75 б, 76 б.
[35] Там же, л. 76 а.
[36] Там же.
[37] Причину раздражительности и подозрительности Надир шаха еще следует объяснить тем, что недовольство его политикой привело к покушению на него. Впоследствии Надир шах обвинил в этом покушении своего сына Реза Кули-мирзу и ослепил его.
[38] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 76 а.

шие приготовления к нападению на Закавказье, Южный Азербайджан и Дагестан. В то же время стало известно, что силы турецких войск сконцентрировались в Диарбекире под общей командой Кер паши и «что турки лезгинцев против шаха поощряют, и для побуждения оных к Сурхаю послана от порты 700 мешков всякий по 500 рублей и того учинит 350 тысяч рублев, чтоб они не ослабели и содержали на те деньги войска, с таким обещанием, что и впредь от Порты вспоможение деньгами чинено будет»[39].

Таким образом, иранским войскам предстояло сражаться против двух противников — против турок и против повстанцев в Северном Азербайджане и Южном Дагестане. Положение усугублялись тем, что в иранском войске в последнее время ширилось недовольство. Результаты прошлых походов показали, что даже при победоносном шествии львиная доля военной добычи доставалась шаху, полководцам и командирам. Нерегулярно оплачиваемые воины занимались открытым грабежом мирного населения, что, в свою очередь, усиливало враждебные действия народных масс. Неудивительно, что среди войска начались беспорядки, хаос, а в дальнейшем и дезертирство. В одном из архивных документов 1741 г. говорится, что из армии Надир шаха «...от голода многие бегут станицами вдруг по 200, по 50 и по 30 человек»[40].

Сурово карая любые проявления недисциплинированности в войсках и жестоко наказывая виновных, Надир шах, как опытный политик, понимал, что для поднятия боевого духа воинов необходимы также и поощрительные меры. Он не только сулил богатую добычу, но по мере возможности старался награждать своих воинов, поощряя их к дальнейшим «подвигам». «За произведенные против джарцев от персиян действий его величество повелел на обретающееся там войско послать в двести тысяч рублев в награждение, из чего видно, что персияне конечно полезные над джарцами поиски получили»[41],—писал русский дипломат из Ирана. Нет сомнений в том, что такого рода действия Надир шаха не были проявлением щедрости. Сделать подобный шаг иранского правителя заставила политическая обстановка в государстве, нарастание недовольства среди широких слоев населения—крестьян и горожан, антииранские выступления в покоренных странах. В этих условиях войско Надир шаха становилось непосредственной опорой власти, важным орудием, обеспечивающим господство иранской военно-феодальной знати.

---

39 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 77 б.
40 Там же, л. 78 б.
41 Там же, л. 116 а; Ср. В. Минорский. Ук. раб., стр. 83.

Прежде, чем двинуться в путь, Надир шах отправил своих есаулов до Ардебиля и дальше «для осмотрения кормов и для запрещения чтоб по той дороге кочующие аулы и окрестные деревни скоту в поле не пущали, а отогнали бы за горы, по неже его величество оным трактом путь держать будет»[42]. Известно, что обязанности по снабжению передвигающегося войска (поставка провианта, кормов для лошадей и т. д.) были тяжелым бременем для населения. Не менее обременительной повинностью было привлечение населения к использованию различных работ для войска[43]. Не дойдя до р. Куры, Надир шах послал одного из своих есаулов для «строения моста через Куру реку против урочища называемого Куткашин, между Гянджой и Шемахою»[44]. Разумеется, что есаул, прибыв на место, потребовал от местных правителей мобилизовать население на постройку моста. Из архивных документов узнаем еще об одном любопытном факте: Надир шах приказывал на дороге хватать «гулящих людей» и прикреплять к пушкам. Таких людей,—пишет современник,—«непрестанно привозят из чего видно, что за недостатком лошадей и мулов оные бедные люди будут употреблены тянуть в походе пушки»[45].

Лишения походной жизни, недостаток в транспорте, продовольствии и пастбищах для выпаса лошадей и вьючного скота, везшего войсковой обоз, вынуждали к лихорадочному движению иранского войска к месту назначения. И все же войско продвигалось медленно. Тем временем Надир шах, чувствуя всю необходимость скорейшей расправы с повстанцами и опасаясь, что Турция окажет им помощь, решил отрядить от войска легкую конницу под командованием Фатали хана, которому было приказано направиться в область Джар. Хотя Фатали хан исполнил приказ Надира и двинулся в путь[46], однако он не приступал к решительным действиям, дожидаясь новых указаний шаха. Один из лазутчиков Фатали хана донес, что «джарцы ретировались в верхние горы и засели тамо в крепких местах»[47]; по всей вероятности, восставшие удалились в Дагестан, где надеялись, как всегда, получить подкрепление.

Командующий карательными войсками Фатали хан, настигнув укрывшуюся в горах партию повстанцев, потребовал от них добровольной сдачи. Не получив конкретного ответа, он решил силой заставить повстанцев сдаться. Но как только

---

42 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), лл. 111 а, 111 б.
43 И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 278.
44 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7, л. 111 б.
45 Там же, л. 132 а.
46 Там же, л. 191 а.
47 Там же, л. 193 а.

иранские войска подошли ближе к осажденным, те «...по них производили дружный огонь от чего персияне пришли в конфузию и обратились в бегство»[48]. По данным, которыми располагали русские дипломаты в Иране, только в этом бою иранская сторона потеряла около двух тысяч воинов[49].

Весть о новом позорном поражении иранских войск сильно обеспокоила Надир шаха, который послал Фатали хану «...крепкий указ, чтобы не дожидаясь его величия прибытия к дагестанским горам, он с подкомандующим своим войском шел на Сурхаевы и Усмеевы жилища и всех бы горских людей рубил наповал, кроме шамхалова владения, к которому повеливает обращаться со всякой лаской»[50].

Получив подкрепление, Фатали хан стал готовиться к решительному наступлению. Узнав об этом, повстанцы, возлагая все надежды на непроходимость горных троп, поднялись еще выше. Они «...последнюю свою надежду полагали на все превысокие горы,—писал свидетель описываемых событий И. Калушкин,—о которых могу донести едва проходимые»[51]. Однако весть о приближении самого Надир шаха привела в смятение предводителей повстанцев, некоторые из которых, бросив своих людей, спасались бегством.

В начале лета Надир шах прибыл в Шемаху. Оттуда он отправил полководца Гейдарбека с 10-тысячным отрядом через прибрежные районы в тыл повстанцев[52], а сам во главе 35-тысячной армии через Барду, Кабалу и Шахдаг продолжал свой путь в Казыкумых[53]. «Для того, чтобы облегчить себе продвижение,—писал Дж. Ханвей,—он [Надир шах] велел срубить обширные лесные участки по обе стороны дороги, чтобы предотвратить всякую попытку этих татар [азербайджанцев] устраивать под прикрытием засады»[54].

Неприятельские войска в Дагестане застали повстанцев в тот момент, когда среди их предводителей царила анархия. И потому не случайно, что при первой же атаке иранских войск повстанцы «пришли в робение и будучи между собой в несогласии рассыпались по горам, оставя шаху свободный проход...», а те, которые остались в малом количестве, «...не могли против персиян устоять в бегство обратились»[55]. Иранские войска бесчинствовали в покоренных местах, разоряя даже деревни, население которых при приближении

[48] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. (1741), л. 193 б.
[49] Там же.
[50] Там же, стр. 224.
[51] Там же, л. 281.
[52] А. И. Тамай. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира (1741—1743 гг.), стр. 114.
[53] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 121.
[54] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 408.
[55] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 181 а.

неприятелей покидало жилища и скрывалось в горах. И. Калушкин, сопровождавший Надир шаха в этом походе, писал: «...его величество пути к Сурхаеву жилищу, называемому Казы-кумык продолжает разорение его пустые деревни ибо все жители из оных выбрались»[56]. О творимом произволе И. Калушкин сообщал и в другом донесении: «по указу шахову ни одного человека... живого не оставляют, всех рубят наповал...»[57].

Жестокое обращение как с семьями повстанцев, так и с мирным населением испугало феодалов-попутчиков. Веря щедрым обещаниям Надира, они изъявили свою покорность, надеясь тем самым избавиться от жестокого наказания и спасти себя, свое имущество и положение[58]. Одним из первых в лагерь Надир шаха явился уже неоднократно упоминавшийся, непоследовательный и неустойчивый в своих политических взглядах и не раз изменявший народу Сурхай хан Казыкумыхский. Вместе с ним прибыли шамхал Тарковский и уцмий Табасаранский. Хотя Надир шах сперва принял их холодно, но вскоре одарил богатыми халатами и лошадьми с золотыми уборами[59].

Измена феодалов, естественно, несколько подорвала обороноспособность горцев, но отнюдь не деморализовала и не заставила сложить оружие. Отступая, повстанцы заманили иранские войска в незнакомые для них горные ущелья, а затем неожиданно напали на них. Большую угрозу иранским войскам создавали смело действующие в тылу врага партизанские отряды, нападавшие на арьергард противника. Больше всего Надир шаха тревожили ночные вылазки повстанцев, во время которых они захватывали обозы и разгоняли вьючный скот[60]. Положение с провиантом и продовольствием становилось все хуже, так как население, скрывавшееся в горах, не оставляло в селениях ни единого зерна. В связи с этим в войсках Надир шаха начался голод. Шах в «...пустых деревнях устоять не мог, как по причине несносного голода, от которого в войске ево множество людей помирает, так и от продолжаемых дождей, паче, что горские люди его всегда обеспокаивать не перестают»[61], — сообщал И. Калушкин в своей реляции от 7 ноября 1741 г.

После утомительного похода, сопровождаемого большими потерями живой силы, войска Надир шаха не смогли продолжить свой путь дальше дагестанской деревни Чох.

[56] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 181 б.
[57] Там же, л. 299 б.
[58] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 408.
[59] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 282; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 121; В. Минорский. Ук. раб., стр. 86.
[60] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 468 б.
[61] Там же.

Здесь они вынуждены были принять бой с повстанцами. «После сильных военных действий в Андаильском округе близ деревни Чох, Надир шах потерпел урон и принужден был отступить без всякого успеха»[62],—писал А. Бакиханов. Потерпев позорное поражение, Надир шах предпринял еще несколько попыток подавить сопротивление горцев, однако все они оказались безрезультатны[63]. Кроме того, нехватка продовольствия и голод сильно истощили армию Надир шаха.

С наступлением зимы положение иранских войск стало еще более критическим. Чтобы дать передышку изнуренным войскам и набраться сил, Надир шах решил на время отложить преследование противника и оттянуть свои войска в Ширван, откуда беспрерывно поступали тревожные сигналы. В одном из первоисточников говорится: «...персидский генерал, оставленный с отрядом солдат для охраны сообщения с Ширваном подвергся тоже яростному нападению»[64]. Повстанцы напали на иранские войска врасплох, действуя в лесистой и гористой местности, они смогли нанести противнику значительный урон. Отряды повстанцев в Ширване зачастую совершали нападения на торговые караваны и феодальные поместья, по стране разгуливали «бродячие шайки разбойников». Надир шах вынужден был изменить свой план и направиться не в Ширван, а в Дербент, ибо «Ширван,—как пишет Дж. Ханвей,—был доведен до крайней бедности и был не в состоянии снабжать войска—для караванов тоже не было подходящего сообщения»[65]. Далее читаем у Дж. Ханвея: когда Надир шах «...направился в Дербент, жители которого быстро почувствовали роковое влияние соседства»[66]. Надир шах и в Дербенте не смог обеспечить свои войска продовольствием. В армии свирепствовал сильный голод. Описывая состояние иранской армии в тот период, И. Калушкин писал: «В лагере шахове во всем такой недостаток имеется, что все генеральной голод претерпевают, не меньше того и здесь в Дербенте в пищи крайнее оскуднение продолжается, ибо много людей от голода померло, и везде по улицам и паче в нижнем городе и за городом мертвые тела валяются, также и дорога отсюда до Шемахи оными устлана, между которыми и большая часть раненых, может быть те, которых шах от слабости за увечием ран отставил и отпустил к дому»[67].

---

[62] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 121.
[63] М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 193—200; А. И. Тамай. Ук. раб., стр. 117—122.
[64] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 409.
[65] Там же.
[66] Там же.
[67] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), лл. 470 б, 471 а.

Из-за голода среди войск Надир шаха появились болезни. Многих из своего войска Надир шах был вынужден отправить в Шемаху и на Мугань для поправки и отдыха[68]. Среди воинов участились случаи дезертирства. Таким образом, ряды иранской армии стали сильно редеть. Так, в лагере, расположенном около Дербента, находилось не более 12 тысяч войск. В такой критический момент, когда Надир шах ни в Азербайджане, ни в Дагестане не добился успеха и к тому же был не в состоянии прокормить свои войска, он «...ощутил большую потребность в применении кораблей, посредством которых смог бы получить подкрепление провиантом с южного побережья Каспийского моря»[69].

С возвращением иранских войск из дагестанских гор положение населения на местах стало хуже. Чтобы прокормить войска, Надир шах дал местным правителям строгое указание о сборе новых податей. Приказ шаха для местных властей явился поводом для вымогательства новых непредвиденных сборов. В этом отношении особенно отличались правители Дербента и Баку, старавшиеся угодить Надир шаху. В донесении И. Калушкина читаем: «...дербентский султан на толикое время провиантом запасается требуя с обывателями муки и масла, также и ячмень, с кратным принуждением и последнее у всех отбирает, равномерно же и Бакинской командир в назначенные ему станы заготовлением провианта исправляется»[70].

Перезимовав в лагере около Дербента, который позднее получил название «Иран-хараб» (т. е. разорение Ирана), Надир шах почти до начала следующего года вел безуспешную войну против дагестанских повстанцев, с которыми бок о бок боролись многие выходцы из Азербайджана, особенно из Джаро-Белоканской области.

Продолжительная война и свирепствующий голод сильно истощали силу иранских войск. «Ныне, — писал по этому поводу Братищев, заменивший умершего резидента,—персидской двор в смутном состоянии углублен и в пасмурных видах является»[71]. Все это в конечном счете полностью деморализовало армию Надир шаха. «Это могущественный завоеватель оказался в таком жалком состоянии, что остатки его растроенного войска, доведенного до 20000, должны были дезертировать или просто погибнуть, если бы русские им не помогли»[72]. В самый критический момент, когда Надир шах был не в состоянии не только прокормить армию,

---

[68] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), лл. 470 б, 471 а.
[69] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 409.
[70] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1741), л. 355.
[71] Там же, д. 5, ч. II (1742), л. 506.
[72] Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 409.

но из-за недостатка вьючного скота не мог выбраться из окрестностей Дербента и направиться на юг, он вынужден был обратиться за помощью к русским властям, находившимся в Кизляре и Астрахани.

Подобное положение иранских войск вполне устраивало русские пограничные власти, так как совершенно исключало возможность каких-либо нападений иранских войск на южные границы Русского государства.

Русские власти решили удовлетворить просьбу Надир шаха в отношении вьючных животных, чтобы иранские войска поскорее покинули пределы Дагестана и Азербайджана. В этой связи из «Кизляра на продажу из имеющихся тамо у астраханских и кизлярских купцов лошадей и верблюдов 500» было отправлено в иранский лагерь[73]. Братищев сообщает, что посол Надир шаха Хулефа, не довольствуясь получением одних транспортных средств, просил русские пограничные власти «о пропуске с российской стороны в Персию купцов с хлебом и съестными припасами»[74]. Братищев из этого делает вывод, «...что в персидском войске в том великой недостаток»[75].

Российский двор, не желая видеть иранские войска в Дагестане и особенно в Азербайджане, категорически запретил купцам подвозить хлеб к берегам Каспийского моря, где были расположены иранские войска. Хотя первоначально с разрешения астраханского губернатора В. Н. Татищева несколько русских купцов подвезли «достаточно провианта из Астрахани и хорошо нажились при этом», но вскоре русские власти «немедленно запретили» своим купцам подобные торговые сделки. «Однако,—пишет Дж. Ханвей,—астраханские торговцы были убеждены в громадных прибылях и не смогли устоять против искушения»[76]. Ибо «недостатка в деньгах у персов не было, так как незадолго до того они вывезли множество сокровищ из царства Великого могола»,—пишет И. Лерх[77]. Дело доходило до того, что «персидские деньги, абасы иначе называемые рупиями ценностью в полтинник, можно было тогда купить в Кизляре и Астрахани по 35—40 коп.»[78].

Так или иначе завоз отдельными русскими купцами провианта для иранской армии мог поправить положение лишь на некоторое время.

С наступлением весны Надир шах активизировал деятельность карательных отрядов против горцев. Во всех этих

---

73 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 39 (1742), л. 3 б.
74 Там же.
75 Там же.
76 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 409.
77 И. Я. Лерх. Сведения о втором путешествии..., стр. 43.
78 Там же.

походах Надир шаха всюду сопровождали Сурхай хан и шамхалы[79]. Возможно, они указали убежища повстанцев, замаскированные в горах. Но Надир шаху не удалось добиться усмирения повстанческих отрядов и он решил разграбить и опустошить все на своем пути. Однако обстоятельства складывались так, что иранское войско не имело возможности долго задерживаться в дагестанских горах, с турецких границ поступали тревожные сигналы. Поэтому Надир шах через Азербайджан направился к турецким границам. Чтобы несколько улучшить состояние войск, запастись продовольствием и дать небольшой отдых измученным воинам и скоту, Надир шах решил повести свои войска по плодородным местам Азербайджана. Первую остановку намечено было сделать в Шабране. Однако Надир шах ошибся в своих расчетах. «Тогда,—пишет П. Бутков,—было свирепое безвременье; воспоследовала великая зима и слякоть, явилось оскудение в провианте; открылся на людей и скот гибельный вред. Голод был так велик в армии надировой, что из мертвых трупов человеческих маркитанты делали катламу, то есть пирожки с мясною начинкой и продавали. Сколько людей померло и скота всякого звания пало от бескормицы, что от реки Самура даже до Шабрана, на разстоянии 55 верст, дорога человеческими трупами и падалищами была услана»[80]. В Шабране Надир шах производил «генеральный смотр находящимся при нем войску, в котором от понесенного в пути горскаго изнурения по разным приключениям, а именно от жестокой стужи и от оскудения в провианте от двух до трех тысяч человек урон явился, ибо толь предельной холоде и свирепое ненастие обстояли, что множайшие идя дорогою и сидя в палатках на станах замерзали и померли»[81].

Тогда Надир шах повел свои войска в Муганскую степь, богатую пастбищами, с расчетом обеспечить свою конницу и вьючный скот кормами. Нелегким был путь из Шабрана. «А в походе от Шабрана,—пишет П. Бутков,—далее, по причине случившагося жестокаго ненастья и метелицы, крайнее себе изнурение нанес, и собственной шаховой конюшни больше 1 тыс. мул в дороге погибло, и еще с голоду и холоду немалое число людей померло; и за тем множайшие из чиновников продолжали путь пешие от стана до стана»[82].

Войска Надир шаха, преодолевая большие трудности, 20 марта достигли Муганской степи. Здесь Надир шах заботился о восстановлении боеспособности армии и о пополне-

---

79 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 122.
80 П. Бутков. Ук. раб., стр. 226, 227.
81 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1743), л. 406 б.
82 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 227.

нии транспортных средств — лошадей, мулов, верблюдов. Надир шах действовал с большой поспешностью. Братищев писал, что Надир шах «с войсками своими на Муганской степи обретается, где для выгодности людей и по поправлению лошадей некоторое время простоять имеет, приводя в порядок надлежащие военные приготовления к намерению ситуацией султанов войне, и оружие свое с стороны Вавилона на турок обратить хочет»[83].

Однако из-за частых опустошительных походов чужеземных захватчиков и неблагоприятных климатических условий на Мугани урожай был скудным, и население само было обречено на голод. Русский дипломат в 1742 г. писал в своем донесении о шахском лагере под Дербентом. Чтобы не умереть голодной смертью, воины «имеющийся у них порох здесь на хлеб менять и последнюю одежду за то отдавать принуждены; не в выгодном состоянии и товарищи их в лагере при шахе остались, ибо и они изнурением обременены»[84]. Любопытно при этом отметить, что в то время, как войска Надир шаха голодали, последний еще до своего отбытия из Дербента отправил в Иран «золотую посуду и другие драгоценности на 20 верблюдах»[85].

Иранским войскам кроме голода в Азербайджане пришлось встретиться с упорным сопротивлением местного населения. И. Лерх сообщает, что когда Надир шах проездом к турецким границам останавливался в Новой Шемахе, ему пришлось вести «войну с окрестными... татарами»[86]. В архивном документе говорится, что еще до того, как иранские войска переправились через Самур, они вновь опасались повстанческих отрядов, которые непрестанно преследовали их[87].

Ввиду того, что во время карательного похода в Дагестан воины Надир шаха обращались в бегство, оставляя на месте битвы не только обозы с провиантом, но даже и личное оружие, многие из иранских воинов не имели ни огнестрельного оружия, ни даже сабель. Надир шах, решив по мере возможности обеспечить свои войска оружием, приказал всем шемахинским оружейникам срочно изготовить сабли и другое оружие. И. Лерх писал, что у шемахинских оружейников «теперь с возвращением персидского войска было достаточно дела»[88]. По грубым расчетам Надир шаха, ремесленники

---

[83] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1743), л. 482 б.
[84] Там же, д. 5, ч. 1 (1742), л. 383; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 203.
[85] П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 226.
[86] И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 44.
[87] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1743), д. 482.
[88] И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 62.

Новой Шемахи могли в какой-то мере удовлетворить нужды иранского войска, примерно, за два месяца.

На этот срок Надир шах решил задержаться в Муганской степи. «Шах намерен на Муганской степи два месяца простоять и оттуда якобы к горе Савалану лежащие в стороне Эрдебиля ради выгодности изнуренного войска своего и конских кормов идти, где добрые воды и привольные луга имеются»[89], писал в донесении от 1743 г. Братищев.

В период пребывания на Мугани войскам Надир шаха приходилось постоянно быть начеку ввиду начавшихся «беспорядков» в Ширване. Надир шах в этом обвинил ширванского беглярбеги Махмуд хана, которого лишил должности и ослепил[90]. Новым правителем Ширвана Надир шах назначил одного из своих приближенных, представителя афшарской династии Гейдар бека Афшара, дав ему более высокий титул хана[91]. Правителем же Дербента был назначен Мухаммед Али из рода кырхлу племени афшар[92].

Назначая новых правителей преимущественно из числа своих сородичей и соплеменников, Надир шах надеялся создать в их лице надежную опору и тем самым обезопасить свой тыл. В то же время он надеялся, что новые правители наладят сбор не только положенных податей, но и чрезвычайных налогов, крайне необходимых в данный критический момент. Насколько нерегулярно поступали в государственную казну сборы, видно было из полученных Братищевым от визиря Надир шаха Мехди хана сведений. Мехди хан был вынужден признать, что несмотря на возвращение Ирану по Гянджинскому трактату земель, ранее занятых Россией, от них никакой пользы нет, ибо иранские власти никак не могут собрать положенные сборы[93].

По истечении двух месяцев и с приближением весны Надир шах, обеспечив свою армию вооружением и минимумом провианта, через Ардебиль прибыл в Тебриз. Двигаясь в путь, Надир шах надеялся на хорошую погоду и плодородие земель, через которые проходили иранские войска. Однако войскам Надир шаха пришлось бороться со стихийным бедствием. «Будучи он [Надир шах] в пути, — сообщил консул Арапов,—в одном называемом месте Карычимене [видимо, Гарачемен] апреля в последних числах снег великой выпал и стужа была, и что было у гнусного его войска лошадей и каторов [мулов] сказывают все подохли; явной на него гнев

---

[89] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1743), л. 483 а, 483 б.
[90] И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 122.
[91] А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 122.
[92] Мирза Мехти Астрабади. Ук. раб., стр. 137.
[93] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 5 (1742), ч. I, л. 263.

Божий, в таком климате неслыханно, во оное время стужи быть»[94].

Иранские войска совершенно выдохлись, проделывая в непогоду долгий пеший переход до турецких границ. Касаясь этого вопроса, Братищев писал: «Неиное состояние в шахском войске усматриваю, как всякую худостию и изнурением оное отягощено. К тому же от наибольшей части в пехоте находится, да и в ружьях и саблях доброй исправности нет, многие с простыми дротиками и обломанными ружьями, босы и едва не нагие следуют; одним словом в слабом и хилом поведении персиян вижу, между которыми более по-сохи нежели старых служивых обретается»[95]. В другом донесении Братищев писал, что в иранском войске, приближавшемся к турецкой границе, «множество пеших, босых, безодежных и весьма с худою аммуницею находится, которых ево величество в турецкой земле на кони посадить и надлежащее направление тамо привести мыслит»[96].

В то время, когда Надир шах с основным ядром своих войск пребывал в готовности начать военные действия на турецкой границе, Иранское государство находилось в крайне тяжелом экономическом состоянии. Надировские чиновники получили приказ наполнять опустевшую казну, не останавливаясь перед любым способом. Будучи не в состоянии выплачивать подати, многие крестьяне и горожане вынуждены были продавать своих детей, которых не могли ни прокормить, ни одеть. «Персия крайне подорвана;—читаем в архивном документе, составленном в 1743 г.,—до того пришло, что в знатных городах неумеренная дороговизна в съестных вещах происходит; и ныне же потребностей и сыскать нельзя, еще на несколько времени персияне с трудностью пробовляются, платя кровью подати шаху и продают жен и детей от тиранских мучителей жизнь свою спасают»[97]. В другом архивном документе, составленном русским консулом 9 июля 1743 г. под интересным названием «Доношение русского консула из Персии в государственную коллегию иностранных дел о голоде, нищете и разорении перенесенных персидским шахом на подвластные ему народы», говорится: «...здешние подданные от мала до велика последнего избытку от неслыханных поборов лишены, торговые промыслы в конец утеснены жители персидские ремесленного и крестьянского звание истощены и изгнаны и тако продолжаемому

94 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1743), л. 93 а.

95 Там же, д. 3 (1743), л. 519 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 204.

96 Там же, л. 630; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 204.

97 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4, (1743), лл. 19 б, 20 а; ср. ГААО ф. 394, оп. 4, д. 78 (1743), л. 17 б.

опустошению Персии ни казны ниже хлебных запасов не остается. Кроме того, везде голод и нищенство обстоит да и обыватели из многих городов и уездов по неистерпимым изнурением разбежались от самого Тавриза даже до Гемедана почти ни единой живой волости и деревни я в проезде моем не видел равные ведомости и о прочих персидских сторонах имеются»[98]. Безусловно, такое состояние Иранского государства было не случайным явлением. Оно было прямым результатом разрушения производительных сил из-за многолетней войны.

Кампания 1741—1742 гг. против повстанцев Южного Дагестана и Северо-восточного Азербайджана очень дорого обошлась Иранскому государству. Описывая состояние Иранского государства в 1741—1742 гг., Братищев в письме к канцлеру А. М. Черкасскому указывал, что «в продолжении двух лет шах не мог оправиться с [местным населением], ...который к защищению своему имел только ружье и саблю, но лишь вконец разорил свое государство, подорвал свои сбродные силы. Благодаря его суровости и жестокости, народ обнищал. Персидские подданные утеснены и истощены [до того], что уже последней своей мочи в достаток лишаются; многие села и деревни опустошены, ибо жители оных от неистерпения тягла и беспрестанных несносных податей, иные в крепкие места, в горы разбежались, некоторые под побоями замучены, а прочие в службу насильно записаны, и немало бесприютно в крайнем нищенстве скитаются. Ужасное тиранство и неслыханное изнурение продолжается во всей Персии»[99]. Касаясь пребывания Надир шаха в Азербайджане, а затем в Дагестане, И. Лерх писал: «Через долговременное свое пребывание на Кавказе ничего он [Надир шах] не учинил, но разорил только свое войско, да и то через славу, приобретенную им через завоевание могольского царства, довольно заметил»[100]. «Надировое завоевание [в Закавказье, Ираке арабском, Средней Азии и Индии], — как справедливо отмечает И. П. Петрушевский, — не сопровождались ростом производительных сил Ирана, как это имело место при Шах Аббасе I, между тем расходы на военные мероприятия вызвали новое повышение податей в небывалых до того времени размерах. Взыскание податей, особенно жестокое в Закавказье, сопровождалось пытками и истязаниями неплательщиков»[101]. Население было ограблено местными феодалами и

98 ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 78 (1743), лл. 17 б.

99 Из писем переводчика Братищева к канцлеру, князю Черкасскому. см. П. Юдин. Россия и Персия в конце 1742 г. «Русский архив», 1899, № 3, стр. 331.

100 И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 87. Ср. Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 210.

101 И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—нач. XIX вв., стр. 84—85.

не могло выплачивать в казну дополнительных налогов. Однако, как передает Мухаммед Қазим, каждого, кто уклоняется от уплаты казне требуемого, моментально лишали глаз и языка, а тем, кто вздумал бунтовать, отрезали уши, нос и язык, а также конфисковывали их имущество[102]. В некоторых местах «у всякого, кто не доставлял установленной суммы, жену и детей его продавали»[103]. В то же время Надир шах многим знатным людям и военным чинам раздал халаты и драгоценные подарки. «Но какая польза, если в те дни 50—60 тысяч человек возвысились милостями шахиншаховыми, зато 200—300 тысяч других людей от ущерба восстановленных податей и от палочных истязаний были охвачены разными горестями»[104]. Эти сведения представляют ценность, так как сообщены человеком, который во время многочисленных походов находился при Надир шахе, занимая официальную должность.

Из-за жестокой эксплуатации населения, увеличения размера налогов, насильственной мобилизации в армию и т. п. почти во всех уголках государства Надир шаха вспыхивали все новые и новые вооруженные восстания против существующего режима. В 1744 г. русский резидент Братищев доносил: «Смятение не от него иного как от сурового и тиранского шахова правления происходят, ибо бесчеловечными всегдашними сборами и грабежом денежной суммы, хлебных запасов в натуре, платья на войско, вооруженных надобностей, пушечных снарядов, подвод к поставке провианта и подъему артиллерии, и привозу в лагерь означенного платя с другими казенными товарами и припасами, содержание почтовых ямов и иных множайших требований, в чем порядочного уложения нет, сколько персидский народ отягощен и изнурен, что тем к конечному искоренению подвергается»[105].

Одно из крупных восстаний против иранского господства началось в 1743 г. в Северном Азербайджане — в Ширване. Его участники выступили в поддержку самозванца, выдававшего себя за принца из отстраненного от правления Надир шахом рода Сефевидов, а следовательно законного наследника сефевидского престола.

Движения в защиту самозванцев в Иране и в Азербайджане происходили и раньше — примерно за два десятилетия до описываемых событий. На народный характер некоторых движений, возглавляемых самозванцами, впервые обратил внимание советский историк Н. Д. Миклухо-Маклай,

[102] Мухаммед Қазим. Ук. раб., стр. 48 б; И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 85.
[103] Там же, стр. 46 а, 46 б.
[104] Там же, стр. 169 б.
[105] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1744), л. 137 а.

исследовавший историю Ирана в период афганского владычества и народно-освободительной борьбы против чужеземных завоевателей[106]. Страдавший от гнета народ воспринимал лозунг восстановления власти Сефевидов как символ борьбы за свою независимость.

Идеи борьбы за приход к власти справедливого государя, который защищал бы интересы народа в эпоху средневековья, нередко овладевали умами людей, наивно надеявшихся, что «хороший царь» даст народу мир социального равенства и справедливости. В этих условиях протестующие крестьянские массы легко попадали под влияние авантюристов-феодалов или ставленников феодалов, выдававших себя за защитников и поборников народного дела, или же выдвигали самозванцев из своей среды.

В 1743 г. последовательно (в первой и в последней четверти этого года) в Ширване действовали два самозванца под именем Сам-мирзы, выдававшие себя за сефевидского принца.

Движущую силу этих восстаний представляли народные массы, хотя впоследствии к ним примкнули некоторые представители мелких феодалов. «Ширванское восстание 1743 г.,— пишет Гаси Абдуллаев, — можно рассматривать как народное движение; его подлинные руководители пока не выявлены»[107]. Безусловно, из среды стихийно взявшейся за оружие толпы трудно конкретно указать на руководителя, хотя таковые, несомненно, имелись. Так, Мухаммед Қазим писал о лицах, «занимавшихся подстрекательством к волнениям»[108]. Ширванские повстанцы не имели ни единой программы, ни четкого представления о перспективах своей борьбы.

О действиях первого Сам-мирзы[109] в источниках (кроме «Наме-йи алам ара-йи Надири») почти не имеется сведений. Мало того, из-за того, что оба самозванца действовали в Ширване в одном и том же году, многие историки рассматривают их как одно историческое лицо.

Первый самозванец Сам-мирза появился в Аварии в начале 1743 г. Чтобы завоевать доверие населения Азербайджана, которое в основном исповедовало религию ислама шиитского толка, он стал распространять о себе следующую легенду. Он является сыном шаха Султан Хусейна, во время осады Исфагана афганцами с помощью эттимад-уддовле Мухаммед Момин-джана ему удалось бежать из осажденной столицы. С ними бежал полководец Фатх Али хан, по происхождению лезгин. Прибыв ночью в Тебриз, они стали искать ночлег и увидели в одном доме свет. Когда они зашли в дом, то встретили в нем трех дервишей. Дервиши узнали принца и

[106] Н. Д. Миклухо-Маклай. Ук. раб., стр. 57.
[107] Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 80.
[108] Мухаммед Қазим. Ук. раб., т. III, стр. 48 б.
[109] Там же, т. II, лл. 318 б—327 а; т. III, стр. 129 а.

посоветовали ему немедленно удалиться, чтобы не погибнуть. Кроме того, они предсказали, что ему удастся вернуть себе престол только спустя 30 лет[110].

По словам самозванца, он скрывался в Грузии и Крыму. Убедившись в непримиримой вражде дагестанцев к Надир шаху, он прибыл в Аварию. Можно предположить, что первый Сам-мирза был направлен в Дагестан Турецким государством с тем, чтобы, получив поддержку, направиться в Ширван и с помощью восставших ширванцев положить здесь конец управлению ставленников Надир шаха. Пропаганда Сам-мирзы против представителей властей попала на благодатную почву: за короткое время ему удалось сплотить вокруг себя огромную массу людей. По данным Мухаммед Казима, число его приверженцев доходило до двадцати тысяч человек[111]. Вскоре в лагерь Сам-мирзы прибыл неустойчивый в своих политических симпатиях Сурхай хан Казыкумыхский, обещавший ему поддержку в борьбе против Надир шаха. Мухаммед Казим утверждает, что Сурхай хан был уверен в благополучном исходе антигосударственного движения в Ширване[112].

В то время как Сурхай хан вместе с Сам-мирзой намечали план совместного похода в столицу Ширвана — Новую Шемаху, к ним прибыли гонцы из Дербента с сообщением, что доведенные до крайности ширванские и дербентские войска подняли бунт против власти Надир шаха и, желая перейти на сторону Сам-мирзы, приглашают его в Шемаху.

Надир шах, в свою очередь, поручил своему сыну Насрулла-мирзе с большой армией немедленно идти походом в Шемаху. Кроме того, Надир шах отправил в Гянджу, Карабах, Чухур-саад, Ахар, Гарадаг и Мугань отряды, насчитывающие по 10—20 тыс. человек, с тем, чтобы укрепить местные гарнизоны и предупредить весьма возможные антигосударственные выступления на местах.

Тем временем Сам-мирза в сопровождении Сурхай хана и пятидесятитысячной армии овладел Новой Шемахой. Местное население, доведенное до крайней нищеты тяжелыми налогами, радушно встретило прибытие Сам-мирзы. Одним из первых его мероприятий было освобождение населения от тяжелых налогов, установленных Надир шахом. Естественно, это чрезвычайно способствовало росту популярности Сам-мирзы среди широких слоев народных масс.

Однако первому Сам-мирзе не суждено было надолго удержать завоеванное. С окончанием зимы в Шемаху подошли иранские регулярные войска под командованием Насрулла-

---

[110] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 320 а.
[111] Там же.
[112] Там же.

мирзы. На ширванской равнине завязалась ожесточенная битва, закончившаяся победой регулярной иранской армии. При попытке к бегству Сам-мирза свалился со своим конем в ров и был схвачен. Сурхай хану удалось скрыться в Дагестане, тогда как Сам-мирза был разоблачен и казнен[113]. Восстановив иранскую администрацию в Шемахе и, по указанию отца, вновь назначив правителем Ширвана Гейдар хана, Насрулла-мирза вернулся обратно.

Дальнейший ход событий показал, что расправа с первым Сам-мирзой не привела к ослаблению антииранского движения в Ширване. В последней четверти 1743 г. во главе освободительного движения встал второй самозванный принц Сам-мирза[114]. В источниках и архивных документах о нем имеются более обстоятельные сведения. Его современники Мирза Мехди хан Астрабади[115], Мухаммед Казим[116], а также другие иранские историки, особенно Реза Кули хан Хидаят[117], описывают второго Сам-мирзу, как человека незнатного происхождения. Выходец из народа он хорошо понимал его чаяния, знал, что от непосильных поборов чаша терпения населения уже переполнена, что народ ненавидит Надир шаха, недоволен правлением поддерживавшей его феодальной клики. Второй Сам-мирза[118] прибыл в Ширван из Ардебиля. Вероятно, он не был родом из Ардебиля, иначе горожане легко могли бы его разоблачить. По всей вероятности, Сам-мирза отправился в Ардебиль, являвшийся колыбелью Сефевидской династии, из Ширвана, надеясь найти там поддержку среди местных феодалов-сефевидов. Затем из Ардебиля он намеревался двинуться в сторону Ширвана и взять руководство восстанием в свои руки. Чтобы войти в доверие фанатичному населению, второй Сам-мирза распространил слух, будто первый Сам-мирза, до него действовавший в Ширване, был его сбежавшим рабом[119].

По всей вероятности, Сам-мирза в Ширване не смог собрать вокруг себя приверженцев. Ибо он вскоре был схвачен и доставлен Ибрагим хану Афшару, который, не считая его серьезным противником, приказал отрезать ему нос и отпустить на волю. Позднее самозванец получил кличку «Бин-е-

---

[113] Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 327; АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4. (1743), л. 572; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 205.
[114] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. III, стр. 129 б, 130 а.
[115] Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 137.
[116] Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 130 а.
[117] Рза Кули хан Хидаят. Ук. раб., стр. 454.
[118] Подлинного его имени пока не удалось установить. Из существующей литературы только в работе Дж. Ханвея встречаем имя Саун, которое автор отождествляет с Сам-мирзой но подобную версию мы не встречали ни в архивных документах, ни в любом другом источнике. Сам-мирза был младшим братом Тахмасиба II см. Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 172 б.
[119] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. III, стр. 128 б, 129 а.

борице» (человек с отрезанным носом)[120]. Изуродованный Сам-мирза направился в Дагестан, где вскоре приобрел союзника в лице одного из сыновей Сурхай хана — Мухаммеда[121]. Популярный среди дагестанцев Мухаммед признал претензию второго Сам-мирзы на иранский престол законной[122]. По-видимому, это повлияло на народные массы, которые начали собираться вокруг Сам-мирзы.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что в Северном Азербайджане — Ширване, а также в Дагестане первому и второму Сам-мирзе, выдававшим себя за отпрысков дома Сефевидов, то есть шиитов, потомков известных ардебильских шейхов, удалось сплотить вокруг себя народные массы, не только исповедующие шиизм, но и большое количество суннитов. Это свидетельствует о том, что вопросы религиозной вражды между шиитами и суннитами не существовали вне политической и экономической борьбы. Если из истории известно немало примеров, когда крупные социальные движения, а также политическая борьба между различными правящими группами, будучи весьма конкретной, принимали формы отвлеченных религиозных противоречий, не меньше примеров и такого стечения обстоятельств, когда принадлежность к различным вероисповеданиям не мешала объединению в рамках одного социального движения приверженцев различных религий или различных направлений одной религии. Последнее было характерно для ширванских событий 1743 г., когда лозунг поддержки самозваного принца Сефевида нашел широкий отклик в народных массах.

Прежде чем перейти к описанию ширванского восстания последней четверти 1743 г., следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Почти во всех ранее опубликованных работах второй Сам-мирза отождествляется или с явными ставленниками Турции, или с первым Сам-мирзой, или же, наконец, с Сефи-мирзой, о котором речь пойдет ниже. О начале ширванского восстания Дж. Ханвей писал: «В то время, как буря собиралась на юге, турки считали, что обстоятельства вполне благоприятствуют для того, чтобы посеять восстание на Севере. Наиболее подходящим орудием для их целей были лезгины. Негодования за попытки, сделанные против них в предыдущем году, заставляли их желать и искать подходящего случая, чтобы подорвать силы персов.

Турецкое министерство понимало, что власть Надира стала уже ненавистна народу, что весьма возможно любой претендент, выставленный ими под предлогом царского происхождения из семьи Сефи, мог бы создать благоприятное для турок положение. С этой целью они пригласили некоего перса по имени Саун или Саам, который выдавал себя за младшего сына шаха Гусейна. Турки, кроме того, распустили слух о том, что Сефи-мирза, старший сын, жив до сих пор и находится под их защитой. Саун появился в Персии несколько лет тому назад в одежде дервиша, тайно распространяя, что он оделся в эти лохмотья, чтобы скрыть свое происхождение; его тогда схватил Ибрагим хан, брат Надира, который в отместку отрезал ему кончик носа и отпустил на свободу. Человек этот назывался с тех пор Бин-е бориде или коротконосый.

Жители Шемахи встретили теперь претендента со всякими изъявлениями почтения и он вскоре собрал численностью в 16000 человек, из которых большую часть составляли лезгины»[123].

Как видно, Дж. Ханвей явно путает первого Сам-мирзу со вторым и выдает последнего за ставленника Турции. Утверждая, что брат Надир шаха отрезал Сам-мирзе кончик носа, Дж. Ханвей также допускает ошибку, ибо брат Надир шаха — Ибрагим хан, как известно, был убит в Азербайджане в 1738 г. Ибрагим же хан, в истории именуемый Ибрагим ханом II[124], который на самом деле изуродовал принца-самозванца в 1743 г., был племянником Надир шаха, сыном убитого в 1738 г. в Азербайджане Ибрагим хана Захир ад-доуле[125].

Некоторые неточности по данному вопросу имеются и в работе В. Н. Левиатова, который в разделе «Восстание Сефи Мирзы» пишет: «Турция, желая ослабить Надир шаха путем организации и поддержки восстаний на территориях, подвластных ему, нашла, что настало самое подходящее время для устройства мятежей. Пользуясь ненавистью народных масс Азербайджана к Надир шаху, она решила послать в Ширван некоего Сефи-мирзу [или, как его иначе называли, Сам-мирзу], выдававшего себя за сына шаха Хусейна»[127].

Неточность в книге В. Н. Левиатова, отождествлявшего второго Сам-мирзу с Сефи-мирзой, была повторена и в других работах. Так, в первом томе «Истории Азербайджана» мы читаем: «В такой обстановке на арене появились политические авантюристы Сефи-мирза I, II, III (в исторической лите-

120 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 137; Мухаммед Казим. Ук. раб., стр. 129а; Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206.
121 Нурулла Ларуди. Ук. раб. стр. 206.
122 Рза Кули хан Хидаят. Ук. раб., стр. 454.

123 Дж. Ханвей. Ук. раб., т. II, стр. 421.
124 Рза Кули хан Хидаят. Ук. раб., стр. 454.
125 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 205.
126 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 114—115.
127 Там же, стр. 114.

ратуре нередко они упоминаются под именем Сам-мирза)»[128]. В работе А. Абдурахманова говорится: «В это время в Азербайджане появился самозванец, выдававший себя за сына бывшего шаха Султана Гусейна — Сефи-мирзу, или как его называли — Сам-мирзу»[129]. Наконец, у Гаси Абдуллаева читаем: «Саам мирза, в источниках иногда именуемый Сефи мирза, выступал с социальной демагогией...»[130]

Кроме того, следует отметить, что из опубликованных работ только в книге «Государство Надир шаха афшара»[131] авторы различают первого и второго самозванцев. Однако М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян не дают полных ответов на вопросы, связанные с ширванским восстанием и появлением на исторической арене в 1743 г. сразу двух самозванцев под именем Сам-мирза. Нужно думать, что детальный анализ ширванского восстания не входил в комплекс исследований М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян, которые касались этого вопроса, поскольку изучали историю Ирана в период правления Надир шаха и не могли обойти этот важный этап в истории не только азербайджанского, но и всего закавказского и дагестанского народов. Следует отметить, что М. Р. Арунова и К. З. Ашрафян впервые приводят новый и интересный архивный материал по ширванскому восстанию последней четверти 1743 г.

Вернемся к описанию событий. Соединившись с Мухаммедом, который «как будто бы защищая мнимые права Саммирзы, собрал ополчение»[132], Сам-мирза стал распространять слух, что, являясь законным наследником сефевидского престола, намерен отобрать его у узурпатора Надира. Свою цель Сам-мирза изложил в письмах, которые разослал по всему Азербайджану, Южному Дагестану и северным провинциям Ирана[133]. «А что подлежит до обретающегося в Ширване самозванца Сам-мирзы, то он в большую мочь приходит и не только в Ширванской стороне военных людей к себе приумножает, но из других провинций старается знатные силы собрать и для всячей пользы своей указы или манифесты в Адырбажанскую сторону с призванием персидского народа к себе в подданство, именуясь наследником шаховым рассылает»[134].

Благодаря такой пропаганде Сам-мирзе удалось приобрести единомышленников во многих областях Иранского государства, особенно в Ширване, Дербенте и Табасаране[135]. Из представителей высшего сословия наиболее активно поддерживали Сам-мирзу «дербентские старшины Хуршуд бек и Сефи бек с товарищами». Отвечая на письма Сам-мирзы, они сообщили, что будут на его стороне, и приглашали повстанцев в Дербент, обещая всякое содействие им в деле свержения Мухаммед Али дербентского, которого «за грубианские его поступки и неистерпимые налоги [следовало] погубить»[136]. Не дожидаясь прибытия отрядов Сам-мирзы, Хуршуд бек собрал вокруг себя, примерно, двести пятьдесят человек, которые «намерены были взбунтовать»[137]. О взаимоотношениях дербентцев с Сам-мирзой и Мухаммедом, сыном Сурхай хана, В. Братищев в реляции от 20 сентября сообщал: «...в Дагестане и особливо от Сурхаева сына Мугамеда сильные разглашении происходят якобы тамо прежней шаховой фамилии некто явился с обрезанным носом, которые ведомости горских людей к большим неспокойствием возбуждают, от чего в Дербентской стороне дальняя опасность приключивается может»[138]. Однако султан Мухаммед Али, узнав о надвигающейся опасности, «немедля и сурово» ликвидировал ее. Русский купец Иван Васильевич, находившийся 23 октября 1743 г. в Дербенте, сообщал, что по раскрытию заговора по приказу Мухаммеда Али всех сторонников Хуршуд бека сперва заключили под стражу, а затем «Хуршуд беку и при нем сту человекам голову отрубили, а сту пятьдесят глазы выкололи»[139].

Видимо, эта расправа не дала ожидаемого результата. Султан Мухаммед Али, не рассчитывая на свои силы в случае осады Дербента извне, отправил Надир шаху тревожное письмо с просьбой о помощи. Надир шах, придавая Дербенту в стратегическом отношении большее значение, чем Новой Шемахе, приказал правителю последней Гейдар хану поспешить на помощь дербентскому правителю Мухаммеду Али[140].

Однако между Шабраном и Дербентом Гейдар хана настигли ширванские повстанцы, разбили его войска, а самого умертвили[147]. По всей вероятности, к гибели Гейдар хана до некоторой степени были причастны и его собственные воины.

---

128 «История Азербайджана», т. I, стр. 327.
129 А. А. Абдурахманов. Ук. раб., стр. 93.
130 Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 79.
131 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 213.
132 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 122.
133 Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206.
134 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1743), л. 129 а; ср. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), лл. 660 а, 660 б.

---

135 Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206.
136 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 538.
137 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 318 б.
138 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 479.
139 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), д. 318 б.
140 Там же, лл. 129 а, 318 б; ср. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), лл. 660 а, 660 б; Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206.
141 Мирза Мехтихан Астрабади. Ук. раб., стр. 137; Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206; Абульхасан бин Мухаммед Амин Гольстане. Моджма-ул Таварих пэс аз Надир (на перс. языке). Тегеран, 1941, стр. 8.

Об этом можно судить по следующей выдержке из составленной 31 октября 1743 г. реляции русского консула: «Ширванский мятеж столько распространяется, что тамошные возмутители командира своего Гейдар хана убили»[142]. А. Бакиханов иначе описывает этот инцидент: «Получив от Магомед-Али-хана донесение об этом происшествии [Дербентское волнение], шах-Надир поручил Гейдар хану ширванскому бекляр-беку, утишить мятеж. Вследствие этого приказания Гейдар-хан выступил в поход, но между Шемахою и Шабраном был захвачен жителями и через несколько дней умерщвлен»[143]. Аналогичные сведения сообщает иранский историк Нурулла Ларуди[144].

После этого события повстанцы захватили Агсу — центр Ширвана, изгнали сборщиков налогов и стали полновластными хозяевами. После занятия города они пригласили в Агсу Сам-мирзу и предложили ему руководить восстанием. Сам-мирза прибыл туда в сопровождении Мухаммеда, сына Сурхай хана. Здесь он заявил повстанцам, что намерен отобрать престол у узурпатора Надира и «своих законных подданных от претерпеваемого чрез множайшее время тягчайшего ига и мучительского порабощения избавить и доставить то им благоденствие, каковым они при хваленых предках его неоскудно пользовались. Ширванцы при возбужденном своем мятеже будучи привлечены, со всякою покорностью дали ему удобнейший вход в город Агсу и все тамошние обыватели с доброю охотою подданство принести»[145].

Сам-мирза в Новой Шемахе сразу отменил тяжелые налоги, установленные Надир шахом. Вместо этого Сам-мирза сделал попытку упорядочить сбор весьма умеренных податей, стремясь вызвать симпатии широких народных масс. Безусловно, его политика могла способствовать улучшению жизненных условий населения. Сам-мирза, именовавший себя наследником сефевидского престола, старался опорочить в глазах народа правителя из афшарского племени. Он «довольно о насильственном правлении шаха распространялся, напоминая при том, коль от него пограбительным непрестанным побором генерально все персицкое государство истощено, и жалостному опустошению подвержено, и что к крайнему нищенству и искоренению приходит... сколько в денежных сборах, пред прежними годами от его величества податей на Ширванскую губернию прибавлено, почему сверх древних оброков и расположений с 400000 рублей нашлось, еще тотчас ко облехчению ширванских обывателей отрешил, определил, чтоб токмо по древнему обыкновению подати... а налог ему платили, а канцелярские книги, учрежденные от нынешнего шаха, все сжечь приказал. Притом ширванских управителей и канцелярских служителей крепко поносил и укорял»[146]. Обращение Сам-мирзы к податному населению, видевшему лишь эксплуатацию и произвол чиновников шахской администрации, не могло не собрать вокруг него многочисленную толпу приверженцев. Правильно подметил В. Н. Братищев, указавший, что люди, слышавшие о действиях Сам-мирзы, отнюдь не столько ради поддержки «сефевидского принца», сколько от «несносного гонения владеющего шаха, многие из разных мест, а именно из Ардебиля, Тавриза и других азырбайджанских городов и деревень, оставляя свои жилища, спешно и охотно, исправляясь по возможности к содержанию своему лошадьми, ружьями, саблями и иными военными действиями... прибегают к нему, Сам-мирзе, изъявляя свое усердие и за него живот положить не отрекаются, желая его на персидском престоле видеть»[147]. Таким образом, город Агсу превратился в центр ширванского восстания против иранских властей, куда почти со всех концов Азербайджана стекались повстанцы, желающие присоединиться к движению. Так как подавляющее большинство их принадлежало к податному сословию, Мухаммед Казим с презрением называл их «простонародьем и чернью»[148].

В некоторых опубликованных работах имеются противоречивые версии, будто крепость Агсу стала центром восстания еще при жизни Гейдар хана[149], или же народ, подняв восстание в Новой Шемахе, убил ширванского беглярбеги Гейдар хана и изгнал сборщиков налогов[150].

Весть о победе повстанцев и падении крупного иранского административного центра быстро облетела все города и села Азербайджана и Южного Дагестана. Ширванское восстание принимало все более широкий размах, охватив огромную территорию — примерно от берегов Каспийского моря до Гянджи. Неоднократные попытки иранских властей подавить это восстание терпели неудачу. В реляции, адресованной астраханскому губернатору В. Н. Татищеву от 31 октября 1743 г., говорилось, что повстанцы, «взяв от Ширвани даже до Гянджи сильные неспокойства и разорение непрестанное

---

142 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. 32, д. 32, л. 120 а; ср. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1 д. 4 (1743), л. 572 а.

143 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 122.

144 Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206.

145 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 635; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 208.

146 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 635 б, 636 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 208.

147 Там же, лл. 536 б, 637 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 209.

148 Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 128 а, т. III, стр. 130 а; И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр., 335; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 206; Ш. С. Гусейнов. Ук. раб., стр. 22.

149 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 206.

150 Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 79.

чинят, так что персиян вышедших из Гянджи для отогнания их в имевшейся схватке разбили и тем поискам своим в оных краях большую свободность присовокупили»[151]. Тем временем вслед за Агсу пал другой оплот иранской администрации, расположенный в окрестностях Дербента, — крепость Кабир. Часть иранского гарнизона в то время состояла из муганцев, которые, нападая на воинов, состоящих из афшарцев, перебили их до единого и присоединились к повстанцам[152].

Это сообщение сильно встревожило дербентского султана Мухаммеда Али, который крайне опасался муганцев, переселившихся в свое время в Дербент. Чтобы предупредить восстание в Дербенте, Мухаммед Али, не без санкции Надир шаха, приказал казнить и ослепить несколько сот человек из числа неблагонадежных[153]. Надо полагать, что среди пострадавших имелось много муганцев. «Яче, — читаем в архивном документе того времени, — в Дербенте с Муганской степи привезены с тысячу, а у лица оных к бунту, сто человек согласны были и им головы отрубили ныне в Дербенте»[154]. И. Лерх, посетивший три года спустя Дербент, писал: «В Дербенте повсюду видны слепые нищие. По приказу шаха 3 года тому назад тогдашний султан Мехмед-хан [Мухаммед Али] велел выколоть или разрезать перочинным ножом глаза — более чем 500 персам за то, что они хотели присоединиться к татарам в горах»[155]. По другим данным, число ослепленных в Дербенте доходило до 700 человек[156]. По исполнению этого Мухаммед Али велел отправить на Мугань около 32 килограммов выколотых глаз, чтобы это послужило уроком для тех, кто осмеливался поднять оружие против иранского господства[157]. От такого жестокого обращения население, переселившееся из других мест Азербайджана в Дербент, «едва не все к дагестанцам от жестокости и необыкновенной тамошнияго губернатора строгости разбежались, якоже и сами дербентские жители и военные персияня, кто способ найдет, в горы уходят»[158]. Имеются сведения, что наиболее подозрительных и неблагонадежных людей султан Мухаммед Али насильно выселял из города. В записях И. Лерха читаем: «В прошлые годы в Дербент переселилось из Старой Шемахи

151 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 573 а; ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32, стр. 120 б.
152 Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 206—207; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 123.
153 Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 207.
154 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 18 б.
155 И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 46.
156 Е. И. Козубский. История города Дербента. Темир-хан Шура, 1906, стр. 90; Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 80.
157 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 207.
158 АВПР, ф. СРП, оп 77/1, д. 4 (1743), лл. 538 б—539 а.

нескольккo бедных семейств, которых теперь изгнали обратно в Новую Шемаху»[159].

Хотя Мухаммеду Али и удалось подавить восстание в Дербенте, однако частые нападения повстанческих отрядов на его владения сильно беспокоили его [160]. Все это предвещало надвигающуюся опасность осады дербентской крепости, о которой возникли слухи[161]. В этой связи Мухаммед Али был вынужден вторично обратиться за подкреплением к Надир шаху. В ответ Надир шах велел правителю Тебриза Ашур хану Папалу и гянджинскому правителю Гаджи хану поспешить на помощь дербентскому султану.

Объединенные отряды иранских войск двинулись в сторону Дербента. После переправы через р. Куру воины по приказу своих военачальников стали грабить местное население, разорять их дома и хозяйство в наказание за поддержку восстания против иранских властей.

Узнав об этом, Сам-мирза поспешил на выручку мирного населения. В сражении иранские войска были разбиты и под натиском народного ополчения в беспорядке отступили. В архивном документе от 24 декабря 1743 г. читаем: «...посланные от шаха Хаджи хан и Ашурхан перешед Куру реку и Шемахинского уезду деревни разорять стали, то тот обрезанной нос с войском вышел и учинил баталию и в сражении порубили персидские Надыр шаховы войски тут Хаджи хана ...войска прогнали»[162]. В другом документе относительно этого события говорится: «...хотя Тевризской губернатор Ашур хан обретающиеся в Иреване своего командующего своим войском для усмирения мятежников к Ширван приступить покусился, почему между обоими партиями при Куре реке до сражения дошло только на конец помянутой Ашур хан от единомышленников Сам-мирзы и с потерянием от трех до четырех сот человек возвратиться принужден»[163].

Победа над регулярными войсками способствовала еще большему росту авторитета Сам-мирзы среди населения. Слава о его доблестях распространилась и среди иранских войск. В одном из архивных документов говорилось, что «якобы военный комендант Хаджи-хан бывший в Иреване с несколькими персиянами к нему Сам-мирзе передались»[164]. Кроме приведенного примера в архивных документах, мы не столкнулись с подобным фактом в других источниках, однако это сообщение современника заслуживает внимания. Кстати,

159 И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 46.
160 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 318 а.
161 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. (1743), л. 573 а; ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32(1743), л. 120 б.
162 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, (1743), л. 172.
163 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 1743), л. 661 а.
164 Там же.

следует отметить, что иранские историки очень скупо говорят о поражении иранских войск в борьбе с повстанческими отрядами в Азербайджане или об измене военачальников. Так, современники Надир шаха Мирза Мехди хан Астрабади и Мухаммед Казим совершенно умалчивают о поражении иранских войск в Ширване. Вслед за ними тенденциозное освещение событий имеет место в работах некоторых зарубежных историков, как Нурулла Ларуди[165], Абульхасан-бин Мухаммед Амин Гольстани[166], В. Ф. Минорского[167] и др.

Между тем, благодаря ширванскому восстанию большая часть Северного Азербайджана была освобождена от иранского ига. Казалось даже, что восстанавливается былая независимость Ширвана. Сам-мирза, объявив себя правителем всей северной части Азербайджана, «...на свою голову вместо короны по обычаю персидских шахов надел перо и уже всю ширвань и Карабарскую [Карабахскую] обширную провинцию ...даже до Генджи охватил и к рукам присвоил. Повсюду от себя отправил правителей и командиров одним словом, владычествовать в тех краях стал, рассылая всюду указы»[168]. В архивном документе 1743 г. читаем: «...адырбайджанские жители по городам и деревням будучи от тиранских поступков Надир шаха несносного изнурены, усердно желают его Саммирзу на иранском престоле видеть и нетерпеливо вступления его внутри Персии ожидают. При котором случае без всякого прекословия к нему пристать хотят. Признавая его за неложного потомка прежнего шаха»[169]. Здесь следует обратить внимание на то, что автор приведенных слов — Братищев, говоря «адырбайджанские жители», имел в виду население Южного Азербайджана, так как население северной части Азербайджана в документах называлось ширванцами, шекинцами, карабахцами и муганцами. Любопытно также, что влияние восстания распространялось не только в Южном Азербайджане, но и в Иране. В том же архивном документе указывается, что 300 семейств из Хамадана («обывателей хамаданских») решили переехать в Ширван и присоединиться к Саммирзе. Однако они были задержаны властями и возвращены обратно[170].

Занятый военными действиями с Турцией на пограничных ирано-турецких землях, Надир шах был весьма озабочен ширванским восстанием. Кроме того он опасался, находясь вдалеке от столицы и центрального Ирана, стать жертвой

---

[165] Нурулла Ларуди. Ук. раб., стр. 207.
[166] Абульхасан бин Мухаммед Амин Гольстане. Ук. раб., стр. 8—9.
[167] В. Ф. Минорский. Ук. раб., стр. 110.
[168] АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 637.
[169] Там же, лл. 661 а, 661 б.
[170] Там же, д. 4 (1743), л. 663 а.

дворцового переворота. В это время влияние Сам-мирзы распространилось еще более широко. После позорного поражения войск Ашур хана в Муганской степи у переправы р. Куры Надир шах готов был закончить войну с Турцией, многое уступив ей. Если в первый раз он отослал Ашур хана для помощи дербентскому Мухаммеду Али Гырхлу, то теперь он решил уничтожить последнего. Жестокое обращение Мухаммеда Али с мирным населением послужило новым толчком народно-освободительного движения в Азербайджане против иранских властей. Чтобы отмежеваться от действий своего ставленника, Надир шах решил наказать Мухаммеда Али как главного виновника дербентской трагедии. Хорошо зная коварство Надир шаха, Мухаммед Али быстро изменил свою позицию и вступил в союз с Сам-мирзой против Надира[171]. Этот поступок сделал Надир шаха еще подозрительнее. Не будучи в состоянии лично направиться в Ширван, Надир хан доверил карательные мероприятия своему среднему сыну Насрулла-мирзе и шурину Фатх Али хану. «Шах среднего своего сына, — писал русский консул астраханскому губернатору 9 ноября 1743г., — Наср Уллаг Мурзу, определя к нему шурина своего Фетх Али хана с военною командою в Тевриз отправил, повелев ему тамо всю Азербайджанскую сторону в добром порядке содержать, а для усмирения ширванских возмутителей и пресечения лезгинских набегов оного Фетх Али хана с надлежащим числом войск при вспоможении обретающегося в Генже тавризского губернатора Ашур хана купно с военным их командиром, отправленным из лагеря Мугамет Хусейн ханом нарядил послать, дабы с ними надежным движениями в Ширване всякая безопасность восстановлена была и муганцам повод к водворению в персидских владениях отнять»[172].

Так как силы повстанцев множились с каждым днем, Надир шах решил в подкрепление Насрулла-мирзе отправить еще «до четырех тысяч военных людей из лагеря своего под разными командами к ширванским краям... дабы они от всюду об сече с другими войсками свой мятеж утолив подсчались которой державе по величестве весьма есть предсудителен и тако сверх протчих распоряжений из здешнего города Гамедана на трех стах верблюдах довольное число пороха и иных военных снарядов в Тавриз отпущено, где прибываются средный шахов сын Насрулла-мирза оные против означенного самозванца при военных произведениях употребить имеет»[173]. Заслуживает внимания и тот факт, что Надир шах, несмотря на достаточно острый ход военных действий с Турцией, считал ширванское восстание настолько опасным, что ре-

---

[171] Мухаммед Казим. Ук. раб., т. II, стр. 318 б.
[172] ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32, (1743) лл. 121 б, 122 а.
[173] Там же, л. 129 б.

шил из своего лагеря отправить Насрулла-мирзе подкрепление.

Второе сражение иранских войск с ширванскими повстанцами также закончились поражением первых. На этот раз Насрулла-мирза, оставшись с основным ядром войск в Тебризе для расправы с повстанцами, отправил в сторону Агсу Фетх Али хана во главе трех тысяч войск. Узнав об этом, Сам-мирза со своими отрядами вышел навстречу. В Муганской степи вторично завязался бой между регулярными войсками и повстанческими отрядами, возглавляемыми вторым Сам-мирзой. Повстанцы разбили «Насруллино войско»[174] и обратили их в бегство. Имеются даже данные, что некоторые из воинов и командиров Фетх Али хана добровольно переходили на сторону Сам-мирзы. Современник писал: «От среднего его величества сына Насруллаг Мирзы из Тебриза Фатх Али хана с протчими командирами в трех тысячах войска против означенного Сам-мирзы отправлены, которые через Муганскую степь следует, откуда к произведению укрошаемых действий способность усматривать имеет, но при том из командиров его Насруллаг Мирзы побеги являются начинают и без сомнения такие служивые к Сам-мирзе уходом скрываются»[175].

О поражении иранских войск свидетельствует и другой архивный документ: «что же до известного самозванца мирзы подлежит, что он в поступках своих немалые успехи получает, наипаче по неже единомышленники его отправленного перед сим к Ширване от среднего шахова сына Насрулла мирзы военного командира Фетх Али хана в трех тысячах войск в имевшихся сражении на Муганской степи при Куре разбил с непоследним уроном на побег обратиться принудил»[176].

Узнав об этом поражении, Надир шах решил усилить войско Насрулла-мирзы новыми пополнениями. Он «еще военного командира Мустафа Кули хана нарядил из Кирманшии [Кирманшах] в трех тысячах человек озбеков, курдов и иных неперсидских народов в Тебриз на вспоможение к Насруллаг мирзе итти. И во употребление по ево расположениям поступать повелел, равномерно и Гемеданского войска тысячу двести человек под командой Серафраз бека, одаряя халатами и деньгами из лагеря своего...»[177] приказал «...немедленно через Гилян к Ширванской стороне следовали»[178].

Тем временем Ашур хан, желая отомстить Сам-мирзе, вновь с войском появился на Мугани. Иранские войска под командой Хаджи хана и Ашур хана, как говорится в архивном документе, «...перешед Куру реку уезды шемахинские разорять стали и жечь деревни, то вышеупомянутый безносный и безуший с войском вышел и учинил с теми ханами бой в сражении Хаджи хана убили а войска много порубили, которые Надир шахова войско все назад ушли»[179]. Другой архивный документ также свидетельствует о повторном поражении войск Ашур хана: «Также и с другой стороны в произшедшем вторичной схватке с персидским военным же командиром Ашурханом изначенные Сам-мирзы единомышленники верхность удержали»[180]. Приводим другую выдержку из высказывания современника событий: войска Сам-мирзы «...по неже известного Ашур-хана вторично при входе ево в Ширвань в имевшейся схватке разбили»[181]. Сам-мирза считал Ашур хана своим непримиримым врагом. Архивные документы дают основание полагать, что еще до первого сражения они вели тайные дипломатические переговоры.

Как известно, ширванское восстание происходило в период ирано-турецкой войны. В то время, когда турецкие войска нанесли поражение надировой армии и стали серьезно угрожать азербайджанским границам[182], Сам-мирза, быстро оценив создавшуюся сложную внешнеполитическую обстановку, предполагал вторжение турецких войск на территорию Азербайджана. Полагая, что Надир шах совершенно потерял свой престиж, особенно после поражения в войне с Турцией, он решил привлечь на свою сторону Ашур хана — беглярбеги Тебриза и предложил ему совместно бороться против турков[183]. Последний отказался сотрудничать с Сам-мирзой.

Нежелание Сам-мирзы подчиняться Ирану и Турции — факт, который заслуживает особого внимания. Он свидетельствует о характере и цели народного движения в Азербайджане. Как видно, Сам-мирза, выдавая себя за «законного принца» сефевидского престола, старался создать свое независимое от Турции и Ирана государство. В этой связи авторы монографии «Государства Надир шаха Афшара» пишут относительно характера ширванского восстания, возглавляемого Сам-мирзой: «В отличие от некоторых выступлений, когда руководители движений пытались сыграть на ирано-турецких противоречиях и искали поддержи султанской Турции, Сам-Мирза не только отвергал союз с Турцией, но и предпринимал попытки организовать оборону против нее»[184]. Гаси Абдуллаев, не соглашаясь с этой справедливой точкой зрения, писал, что они «необоснованно отрицают связь Саам-мирзы

174 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1743); л. 172 а.
175 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 662 а.
176 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, л. 143 б.
177 АВПР, ф. СРП, оп. 177/1, д. 4 (1743), л. 662 б.
178 Там же.

179 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. 32 (1743), л. 173 б.
180 Там же, л. 143.
181 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 663 а.
182 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 319 б.
183 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1743), л. 638; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 210.
184 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 210.

с Турцией»[185]. Далее у Гаси Абдуллаева читаем: «Источники говорят о том, что Саам мирзу поддерживала Турция, и он играл на руку турецким властям. Турция была заинтересована в ослаблении и подрыве сил противника изнутри, стремилась руками Саам мирзы захватить Закавказье. В целях поддержки Саам мирзы Турция стягивала к Карсу 50-тысячное войско. В фирмане турецкого султана на имя Уцмия Ахмед хана месяца раджаба 1156 (1743 г.) по этому поводу говорится, что Саам-мирза находится под покровительством турецкого правительства»[186]. Однако в приведенной цитате из фирмана турецкого султана речь идет не о «принце» Саммирзе, а о Сефи-мирзе[187], являвшемся совершенно другой личностью. Поскольку несколько позже мы вернемся к вопросу о появлении Сефи-мирзы в Азербайджане, сейчас на этом вопросе не будем останавливаться. Отметим лишь, что никаких связей с Турцией самозванец Сам-мирза не имел.

Следует подчеркнуть, что в отличие от движения Гаджи Давуда и Сурхай хана, проходившего под знаменем борьбы суннитов против шиитов и носившего исключительно антииранский характер, движению Сам-мирзы II был чужд религиозный фанатизм. Во время описываемых событий как шииты, так и более многочисленные сунниты (в том числе дагестанцы) выступили под лозунгом защиты «мнимого принца», т. е. самозваного наследника шиитов — Сефевидов Саммирзы II.

Новое поражение войск Ашур хана и отрядов Насрулла-мирзы от ширванских повстанцев поставило Надир шаха перед необходимостью принятия самых срочных мер. Обстоятельства требовали сосредоточения основных сил государства на подавлении как ширванского, так и многочисленных других восстаний, вспыхивающих в различных областях его государства. Надир шах имел самые серьезные намерения заключить перемирие с турецким командованием и повести свои войска в сторону Азербайджана для подавления очага восстания. Намерение Надир шаха настолько было явным, что стало известно даже иностранным дипломатам. В реляции русского консула астраханскому губернатору по этому поводу говорится: «Получил я от первого персидского министерства Мехти-хана сообщение о происходящих его шахова величества с отоманскую портою делах и о трактуемом между дворами мире, и что по таким следствиям шах из Турецких границ войско свое вывести и после немедленного возвращения с поклонения персидским законникам чрез Ирманшу (Кирманшах) в Адырбайджанскую сторону путь воспринят

185 Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 81.
186 Там же.
187 АКАК, т. II, доп. к 1., д. 8.

имеет, а между тем надеется заключения мира, у него с турецким султаном в совершенство притти.

Причина, которая шаха тому скоропостиженно принуждает с турками, хотя им на чем помириться и в Адырбайджанскую сторонами с поспешением следовать, не иначе эту, как токмо известный самозванец Сам-мирза своими усиливаниями в Ширванских краях данное его величеству опасение наносит»[188].

Для карательной экспедиции в Азербайджан Надир шах снарядил армию из десяти тысяч человек, чтобы «означенного Сам-мирзу с его единомышленниками недопустя в даль усмирится в достаток истребить мог»[189]. Для этой цели Надир шах дал распоряжение о мобилизации всей артиллерии[190].

Иранские войска должны были сосредоточиться в Тебризе, куда из других городов приходили пополнения. Из Кирманшаха туда перебросили артиллерию, а из «города Гемедана на трех стах верблюдах довольное число пороха и иных военных снарядов в Тебриз по шаху указу отпущено»[191], — говорится в одном из донесений русского дипломата в Иране.

Вскоре в лагере Надир шаха пронесся слух о том, что Сам-мирза готовится в поход в сторону Тебриза. Будучи убежденным в том, что в Южном Азербайджане Сам-мирза найдет себе еще больше сторонников, Надир шах велел своим войскам занять почти все переправы и проходы из Ширвана[192].

Так как Иран все еще был в состоянии войны с Турцией, а, кроме того, в самом Иране также происходили мощные вооруженные выступления против власти Надир шаха, последний, не рискуя покинуть территорию Ирана, велел своему сыну Насрулла-мирзе направиться с войсками на подавление ширванского восстания. Таким образом, Насрулла-мирза с огромным войском, численность которого определялась в двадцать тысяч человек, появился в Муганской степи[193]. Кроме войск Насрулла-мирзы, Надир шах снарядил дополнительные карательные отряды для учинения расправы над местным населением, оказавшим поддержку Сам-мирзе. Чтобы осуществить лозунг «разделяй и властвуй», политику разжигания вражды и недоверия между покоренными народами, Надир шах карательные отряды, отправленные в Ширван, укомплектовал наемными воинами—представителями различных народов — узбеков, афганцев и др. Перед отправкой их в Северный Азербайджан Надир шах дал особое указание

188 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 132 а.
189 Там же, л. 132 б.
190 Там же.
191 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 663 а.
192 Там же.
193 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 32 (1743), л. 171 а.

командующему отрядами Ахмед хану учинить жестокую расправу над мирным населением. Ахмед хан должен был держать путь «на Муганскую степь, оттуда, по усмотрению способности за Куру или за Арес [Аракс] переправясь, лежащие тамо города, уезды и деревни разорить, обывателей мужской и женской полу безъизятия вырубить, а малолетних обоего пола войску пленить и в неволю заключить»[194].

После того как главные силы иранских войск во главе с Насрулла-мирзой были отправлены в Северный Азербайджан для подавления ширванского восстания, Надир шах решил пополнить ряды своей армии новобранцами из покоренных им стран. В частности, Надир шах «для подкрепления сего от чаемых противных приключений из Кабула от четырех до пяти тысяч войска под командою Амир Аслан хана идди Хоросани наличное число военных людей и что которые еще вновь наберется в лагерь свои потребовал»[195].

«Следовательно, — пишет Братищев, — предприемлемые строгие шаховы меры к усмотрению произшедших в Ширване возмущений до великой важности касается, так что его величество про сих неспокойных и грозных обстоятельствах сна лишился, вдался в глубокие размышления и печали»[196]. Беспокойство Надир шаха было обоснованным. Народно-освободительное движение в Азербайджане с каждым днем принимало все больший размах. Сам-мирза пользовался популярностью среди населения. Особенно встревожило Надир шаха письмо его сына Насрулла-мирзы, отправленное из Барды, в котором говорилось, что весь Ширван и Дагестан от него откололись и признали власть самозванца Сам-мирзы[197].

Авторы «Государство Надир шаха Афшара», ссылаясь на сообщения русских дипломатов, пишут, что будто бы «ходили слухи, что Сам-мирза начал чеканить деньги со своим именем»[198]. Следует отметить, что в известных нам нумизматических коллекциях действительно имеются монеты, отчеканенные от имени Сам-мирзы. Однако все эти монеты относятся к третьему Сам-мирзе, речь о котором пойдет несколько ниже. Хотя монеты с именем второго Сам-мирзы не обнаружены, тем не менее мы вправе говорить о большом влиянии его не только в Азербайджане, но и во всем Закавказье, Южном Дагестане и Северном Иране. Так, Сам-мирза из многих городов получал письма, в которых горожане выражали желание перейти в его подданство и приглашали его в свой город, обещая всяческое содействие. Кизлярский житель Юсуп Касимов, будучи в Ширване по поручению кизлярского коменданта князя Оболонского 15 мая 1744 г., писал: «...сын шаха Персидского Насрулла-мирза стоял с войском в волости Барде от которого пришла к шаху почта с письмами, а в письмах было написано то, что Ширван (то есть по ту сторону Куры: Шемаха, Баку, Шеки, Кабала, Дагестания, Дербент) верность свою нарушили и от подданства отложились еще явился де в Дагестании человек Сам-мирза (то есть старова шаха сын, которому обрезаны нос и уши), к которому все народы Ширвани и Дагестана в подданство к нему отдались»[199]. Когда Сам-мирза был арестован, у него обнаружили письма «старшин» городов Тифлиса, Еревана, Гянджи, Тебриза, Ардебиля, Старой Шемахи, выражавших желание перейти в его подданство[200].

Приведенные факты свидетельствуют о растущей популярности Сам-мирзы и расширении народного восстания. Поэтому огромное иранское войско под командованием Насрулла-мирзы устремилось в Ширван. Для переправы войск и обозов через р. Куру был построен понтонный мост, сооружением которого занимался сардар Гаджи хан. Вскоре к войскам Насрулла-мирзы подоспело подкрепление — отряд под командованием правителя Урмии Керим хана Афшара[201].

Остановившись лагерем у переправы через р. Куру, Насрулла-мирза приказал Фатхали хану и Ашур хану продолжить путь в сторону Агсу—очагу ширванского восстания. Подле Агсу, в местечке Баге-шах войска Сам-мирзы, подкрепленные ополчением Мухаммед хана, сына Сурхай хана, встретились с многочисленной иранской армией[202]. Между сторонами завязалась ожесточенная схватка. Сам-мирза, уже до этого трижды наносивший тяжелые поражения противнику, на этот раз самоуверенно принял бой. Он не предполагал, что противник обладает артиллерией, которая привела в смятение его конницу. После того, как загремели пушки противника и в гуще повстанческих отрядов начали взрываться снаряды, войско Сам-мирзы обратилось в бегство[203]. Иранские войска, численностью намного превосходившие повстанцев, начали преследовать неприятеля. Раненый Мухаммед хан бежал в Дагестан[304]. В исторической литературе имеются противоположные сведения о дальнейшей судьбе Сам-мирзы. Сравнивая различные первоисточники, архивные документы и ранее

194 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1743), л. 677 б.
195 Там же, лл. 678, 678 б.
196 Там же, л. 678 б.
197 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1743), л. 339.
198 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 211.

199 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1744), л. 339.
200 Там же, л. 340.
201 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 123; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 211.
202 Мирза мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 138.
203 P. Sykes. A history of Persia, vol. II, London, 1921, p. 362, в дальнейшем П. Сайкс.
204 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1743), л. 186 а; Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 138.

опубликованные работы, мы пришли к заключению, что после поражения повстанцев Сам-мирза с малочисленным отрядом укрылся в крепости Агсу. Иранские войска почти без препятствий подступили к Агсу и осадили крепость. Весть о разгроме повстанческих отрядов и осаде центра восстания, безусловно, обрадовала Надир шаха, но он понимал, что повстанцы при любом удобном случае вновь поднимут оружие. Все еще продолжали поступать тревожные сведения о народных выступлениях в других частях Ширвана. В то же время пришла весть о появлении на границе Закавказья нового лжепринца, претендовавшего на сефевидский престол — Сефи-мирзы, подстрекаемого и поддерживаемого султанской Турцией. Это сильно встревожило Надир шаха, который опасался объединения отрядов Сам-мирзы с войсками Сефи-мирзы. В таком случае ставился вопрос о дальнейшем пребывании на престоле Ирана самого Надир шаха. Надир шах, находящийся на юго-западной границе своего государства, решил воспользоваться временным затишьем на фронте, вернуться в Азербайджан и окончательно покончить с ширванским восстанием, разгромив крепость Агсу, где Сам-мирза и его приближенные все еще стойко выдерживали осаду иранского войска.

Таким образом, Надир шах, продолжая оставаться в состоянии войны с Турцией, немедленно удалился через Тебриз в Иран и остановился лагерем в Хамадане[205]. Не располагая достаточной силой, Надир шах вынужден был несколько задержаться в Хамадане, чтобы провести тотальную мобилизацию и запастись провиантом в связи с предстоящим походом в сторону Агсу[206]. Желая скрыть истинную причину вынужденного пребывания в Хамадане, Надир шах распространил ложный слух, будто он хочет отпраздновать здесь новруз байрамы (новый год)[207].

Сформировав новые отряды, Надир шах в критический момент отправил их с особым указанием Насрулла-мирзе, стоящему в то время лагерем в Барде. «А Надыр шахов сын Насрулла мирза с войском стоит в Барде..., а прежде было у него шахова сына войска двадцать тысяч, ...от шаха послана в дополнение восемь тысяч, да чрез Расчу (Решт) пришло... (еще) тысяч пятьсот человек»[208]. Так как дополнительно присланные войска были «наги, босы и больны»[209], можно предполагать, что их мобилизация производилась наспех.

Получив от отца указания и новое подкрепление, Насрулла-мирза отправился из Барды в сторону осажденной Агсу.

205 ГААО, ф. 394, оп. 1; доп. д. 32, л. 339 а.
206 Там же, л. 100 а.
207 Там же.
208 Там же, л. 186 б.
209 Там же.

Здесь иранские войска приступили к решающей атаке для взятия крепости приступом. Насрулла-мирза осуществлял общее командование.

Несмотря на малочисленность, ширванцы защищались стойко. Однако и теперь сказалось численное превосходство и наличие у противника артиллерии.

Предвидя неминуемую гибель, второй Сам-мирза с малочисленным отрядом покинул Агсу и удалился в сторону Грузии. Вероятно, он предполагал присоединиться к грузинским отрядам, которые также вели борьбу за свою независимость против иранского господства. Народно-освободительное движение в Восточной Грузии в это время возглавлял местный феодал Гиви Амилахвари, владетель (эристави) Ксанский[210].

После бегства Сам-мирзы иранские войска легко овладели крепостью Агсу — оплотом ширванских повстанцев. «Шемаха (новая Шемаха), — говорится в донесении русского дипломата, — Надир шаховым войском взята, самозванец или подлинный шах Султан Хусайна сын без ушей и безносый из Шемахи ушел и войско собранного ими много порубили, несколько в плен взяли»[211].

Началась жестокая расправа с населением, которое наказывали за участие и поддержку восстания. Иранские войска «подлых много людей порубили, жен и детей в полон взяли»[212].

Мухаммед Казим сообщает, что иранские войска, захватившие крепость Агсу, убивали, ослепляли мирное население, грабили имущество, разрушали хозяйства и жилища, женщин и детей продавали в рабство[213]. О бесчеловечном обращении иранских войск с населением сообщал в Россию русский резидент В. Братищев: «жителей ширванцев кто мятежу и в заговоре к стороне самозванца сопричастен был, беспощадно вырубили»[214]. Иранские каратели также жестоко обошлись с крестьянами Ширвана. «Во всем Ширване, — далее доносил В. Братищев, — народа всякого звания, правых и виноватых, за наказанное их волею и неволею Сам-мирза послушание командирами с шахова повеления вырублено, а малолетние обоего пола служивыми людьми в плен заключили»[215]. «Последствия этого восстания, — пишет Дж. Ханвей, — было разорение почти всех областей Ширвана»[216]. Там,

210 И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 32; L. Lockhart. Nadir shah.. London, 1938, p. 240, в дальнейшем Л. Локгарт.
211 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, л. 186 б.
212 Там же, л. 33 б.
213 Мухаммед Казим. Ук. раб., т. III, стр. 133; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 20.
214 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1744), л. 9 а.
215 Там же, л. 112 а.
216 Дж. Ханвей. Ук. раб. т. II, стр. 421.

где Надир в 1736 г. короновался шахом, теперь был воздвигнут памятник бедствия и отчаяния. «Надир[217] велел построить пирамиду из человеческих голов в память его победы для того, чтобы предупредить всякое восстание в будущем со стороны немногих оставшихся жителей»[218]. Дж. Ханвей лично видел такую пирамиду на южной стороне р. Куры. Он пишет: «Здесь воздвигнута круглая пирамида, высотой около 50 футов, в которой имеются ниши, наполненные 202-мя человеческими головами убитых персидских и татарских вождей шемахинского восстания и обезглавленных в одно и то же утро. Татары эти никогда не были персидскими подданными, однако же с ними обошлись как с бунтовщиками»[219]. Иранские палачи почти у всех лиц, подозреваемых в участии в ширванском восстании, отрезали носы, уши или ослепляли их. И. Лерх, посетивший немного спустя город Шемаху, писал: «В Шемахе я видел множество молодых и старых нищих, большей частью слепых, с выколенными глазами или таких, которым были отрезаны носы и уши»[220]. В течение нескольких дней иранские каратели творили неслыханные бесчинства. «Надир, — писал А. Бакиханов, — еще по сю пору называет этот день Аллах-дат», т. е. «боже, упаси»[221]. После четырехдневного погрома Насрулла-мирза приостановил жестокую расправу с мирным населением. Однако он потребовал от шемахинцев колоссальную контрибуцию. «По указу шахову, — говорится в архивном документе, — посажал под караулы и требовал со всех шемахинских жителей денег четыреста тысяч рублей»[222] в качестве штрафа за участие в антигосударственном восстании. Надо полагать, что все имущество у шемахинцев было уже отобрано карательным войском. Даже у знатных людей не осталось ценностей, которые смогли бы утолить алчных завоевателей.

Иранские власти возмущались участием в ширванском восстании представителей высшего сословия — феодальной знати, на которую Надир шах возлагал большие надежды. Естественно, что феодальная знать прежде всего преследовала свои политические цели. В этой борьбе она стремилась к восстановлению утраченной государственности, ибо Шемаха веками являлась столицей некогда крупного независимого государства Ширваншахов. Теперь, когда весь Ширван поднялся против Иранского государства, феодальная знать превратилась в опасную силу для иноземных завоевателей. Насрулла-мирза, по указу отца, должен был особо наказать ширванскую феодальную знать. В этой связи интересна выдержка из записей капрала драгунского эскадрона русской армии Макарова: «В бытность мою в Аксанской деревне слышал я, что нынешнего шаха персидского сын находящийся в Шемахе всех шемахинских знатных людей смертью казнил, а протчих, которые великий капитал имели тех животы и статки отобрав, только дал в дорожный путь до полтора рубли денег и отпустил его куды жить пожелает в персидской области»[223]. Отрывая феодальную знать от родных мест, лишая их хозяйства и богатства, иранские власти стремились обеспечить в Ширване полный порядок. Не добившись сбора требуемой суммы с оставшихся в живых шемахинцев, Насрулла-мирза решил полностью опустошить город Агсу. «Протчих подлых людей всех шемахинских жителей переводил на Муганскую степь и строить на той степи новую крепость и их шемахинских жителей в той крепости селить»[224]. По указанию Надир шаха, Насрулла-мирза из Агсу должен был направиться в Дербент. Однако он не рисковал оставить в своем тылу враждебно настроенные элементы. Практика показала, что переселение целых деревень, племен и других больших групп населения в отдаленные края с целью наказания или предупреждения волнений обычно достигало своей цели.

Прежде чем отправиться в путь, Насрулла-мирза стал вести тщательные приготовления по обеспечению армии провиантом, так как в результате беспрерывных походов и войн сильно пострадало сельское хозяйство. Относительно лучше обстояло дело в Карабахе, Гяндже, Ереване, где в это время не происходили серьезные столкновения. Поэтому по приказу Насруллы-мирзы специальные отряды были отправлены в Карабаг, Гянджу, Ереван и Мугань, чтобы собрать с населения новую подать. Вскоре «...верблюдов вьючных три тысячи, да роговой скотины навьючено провиантом же семнадцать тысяч»[225] и в сопровождении шести тысяч войск было отправлено в Дербент. По другим данным, Насрулла-мирза отправил в Дербент «с провиантом восемь тысяч верблюдов»[226].

Об обеспечении шахских войск самым необходимым продуктом — пшеницей позаботился англичанин капитан Джон Эльтон, который на построенных судах доставлял провиант в Дербент. В начале марта 1744 г. отправленный кизлярским комендантом князем Оболенским упомянутый кизлярский жи-

217 Как известно, Надир шах в это время находился в Хамадане. Однако Дж. Ханвей, как и многие другие авторы, происходившие в это время события ошибочно связывает с именем Надир шаха, хотя следует полагать, что Насрулла-мирза свои действия согласовывал с отцом.
218 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 421.
219 Там же, т. I, стр. 267—268.
220 И. Я. Лерх. Сведения о втором путешествии..., стр. 63.
221 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 123.
222 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1744), л. 100 б.

223 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1744) л. 113 а.
224 Там же.
225 Там же, л. 338 б.
226 Там же, л. 100 б.

тель Юсуп Касимов сообщал, что он в Дербенте увидел два судна «из Гиляна с пшеном к шаху»[227].

Как же складывалась дальнейшая судьба Сам-мирзы? Наиболее подробные сведения находим у Мирзы Мехди хана Астрабади и Мухаммеда Казима. По данным первого, потерпев поражение, Сам-мирза решил направиться в Грузию и присоединиться к Гиви Амилахвари. Однако по дороге в Ахалкалаки он с несколькими близкими людьми был схвачен другим грузинским феодалом правителем Кахетии Теймураз ханом и отправлен в крепость Гарагалхан, где тем временем находился «священнейший», т. е. Надир шах. Последний решил выколоть Сам-мирзе один глаз и вместе с несколькими турецкими пленниками отправить его в Карс к главнокомандующему турецкими войсками Ахмед паше Джамал оглы, где он встретился бы со своим «лжебратом» Сефи-мирзой[228]. Сообщение Мухаммеда Казима несколько отличается от предыдущего. По его данным, Сам-мирза направился к Гиви Амилахвари, который согласился оказать ему содействие. Но вскоре Гиви Амилахвари столкнулся с Теймураз ханом, который разгромил объединенные силы повстанцев. После этого Сам-мирза попал в плен и был доставлен в лагерь Насрулла-мирзы. По его указанию, Сам-мирза был лишен одного глаза, посажен на осла и с несколькими турецкими военнопленными отослан под конвоем в Карс. Измученный пытками Сам-мирза вскоре умер[229].

В «Хронике войн Джара» читаем: «Тахмураз отослал [Сам-мирзу] со своим сыном к Насрулла-мирзе Хабибу, который находился в то время около Барды, а тот отправил его в Карс, выколов ему предварительно глаз»[230]. Почти то же самое повторяют иранский историк XIX в. Рза Кули хан Хидаят[231], Л. Локгарт[262] и многие другие исследователи. Однако никто из них конкретно не указывает дату пленения Сам-мирзы. Но сравнивая многочисленные сообщения с помощью синхронических таблиц, мы установили, что описываемое событие произошло 29 декабря 1743 г.

Сведения Дж. Ханвея относительно высылки Сам-мирзы второго в Турцию несколько отличаются от указанных выше сообщений. Механически отождествляя второго Сам-мирзу с турецким ставленником Сам-мирзой первым, он писал: «Сам-мирза бежал только лишь с 70-ю людьми, но был вскоре схвачен. Шах велел своему сыну выколоть один глаз у этого бунтовщика и, чтобы затем он был послан к оттоманскому двору

227 ГАAО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32 (1744), л. 341 б.
228 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 139—140.
229 Мухаммед Казим. Ук. раб., т. III, стр. 133 а, 133 б.
230 Хроника войн Джара. стр. 40.
231 Рза Кули хан Хидаят. Ук. раб., стр. 455.
232 Л. Локгарт. Ук. раб., стр. 240.

со следующим известием, что Надир не пожелал отнять жизнь у такого отъявленного негодяя, хотя Султан взял его под свою защиту, как потомка семьи Сефи»[233]. Эту версию средневекового автора по существу повторяет английский историк П. Сайкс, сообщающий: «Претендент (некий Сам) был схвачен в плен и лишен одного глаза и отправлен в Константинополь со следующими словами: «Надир считает ниже своего достоинства лишать жизни такого презренного негодяя, хотя Великий Сенниор (султан) поддерживал его»[234]. Как видно, говоря о поддержке Турцией самозванца, П. Сайкс путает второго Сам-мирзу с первым Сам-мирзой, или с Сефи-мирзой, а также Карс с Константинополем. Как известно, второго Сам-мирзу решили отправить не в Константинополь, а в Карс, где сконцентрировались турецкие войска, возглавляемые Ахмед пашой и Сефи-мирзой.

Отправление Сам-мирзы в турецкие земли отнюдь не говорит о связях первого с Турецким государством и с его марионеткой Сефи-мирзой.

Упомянутый кизлярский житель Юсуп Касимов доносил в Астраханскую губернскую канцелярию, что в начале марта 1744 г. Аллах-верди хан говорил ему: «когда он [Сам-мирза] разбит от нас, от Шемахи ушел ...грузинский Али-мирза Мамет Кули хана сын [Теймураз хан] обманом поймал и отдал (его) Насрулле мирзе и у оного Сам-мирзы вынето писем, что отдались ему в подданство тефлиских старшин письмо, города Генжи старшин письмо, города Ревана [Еревана] письмо, города Тевриза письмо, города Редвили [Ардебили] письмо, города Шемахи письмо и того шесть писем, которые письма Насрулла-мирза к отцу отправил и те письма шах содержит у себя до времени и не знает де что более чинит, яко Персия вся от шаховых рук отбить желает шаху де довольно надежду, что в руках его имеются войска да и то де, как придет из турецкой области с войском Сефи-мирза к Ревану, тогда наше персицкое войско к нему приключится, но ниже и так уже при шахе войска остались несколько, ибо иное побито, иное померло, иное по домам разбрелось»[235].

Наше предположение о том, что второй Сам-мирза не имел никакого отношения к Турецкому государству, подтверждается еще тем, что в турецкой исторической литературе и энциклопедических справочниках имя Сам-мирзы не упоминается, но зато имеются довольно подробные сведения о Сефи-мирзе, которого турецкие историки сами называют «лжепринцем, претендовавшим на сефевидский престол»[236].

233 Дж. Ханвей. Ук. раб., стр. 421.
234 П. Сайкс. Ук. раб., стр. 362.
235 ГАAО, ф. 394, оп. 1, доп. 32 (1744), лл. 340 б, 341 а.
236 J. H. Uzuncarsili. Osmanli tarihi, IV cild, I kism, Ankara. 1956 s. 302. В дальнейшем Узунджаршили.

За оказанную услугу в деле поимки Сам-мирзы и другие заслуги Надир шах щедро вознаградил кахетинского правителя Теймураз хана. Он утвердил последнего царем Кахетии и вдобавок отдал под его начало из картлинских владений Арагвскую область и два махала — Борчали и Казах, входивших ранее в область, управляемую гянджинским беглярбеги[237].

Хотя иранским карательным отрядам удалось подавить ширванское восстание, однако это не привело к сокрушению народно-освободительного движения в Азербайджане в целом[238].

После гибели Сам-мирзы уцелевшие отряды ширванских повстанцев объединились вокруг другого самозванца, ставленника Османской Турции, Сефи-мирзы, который в разгар ширванского восстания в конце 1743 — начале 1744 г. в сопровождении турецкой армии подступил к границам государства Надир шаха с северо-запада.

По данным Рза Кули хана Хидаята, настоящее имя Сефи-мирзы—Мухаммед Али, родом он из Рафсанджана Кирманского округа[239], является выходцем из податного сословия. В. Братищев называл его крестьянином, «о подлом происхождении которого все персияне достаточно знают»[240].

Еще в 1729 г., когда афганец Ашраф под ударами иранских войск, возглавляемых Надир Кули ханом (будущим шахом), в смятении собирался покинуть Исфаган, прежний шах Султан Гусейн со старшим сыном Сефи-мирзой бежали из-под ареста. Так как побег был совершен тайно и в дальнейшем никто не слышал о Сефи-мирзе, Мухаммед Али уже через год стал выдавать себя за сына свергнутого шаха Султана Гусейна — Сефи-мирзу. В 1730 г. он объединил вокруг себя городскую бедноту и поднял восстание в Шуштере. Но вскоре под натиском регулярных войск мнимому Сефи-мирзе пришлось скрыться сначала в Хувейзе, а затем в Турции, где он спокойно жил до 1743 г.[241]

В Турции Сефи-мирза пользовался особым покровительством султана, который решил при случае использовать его в своих интересах. В частности, он намеревался отослать самозванца Сефи-мирзу в Азербайджан, где подавляющее большинство населения ненавидело представителей шахской администрации и охотно поддерживало любое движение, направленное против них.

---

237 П. Г Бутков. Ук. раб., стр. 136.
238 Хроника войн Джара, стр. 40.
239 Рза Кулихан Хидаят. Ук. раб., стр. 455.
240 АВПР, ф. СРП, оп. 77/, д. 3. (1744), л. 331 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 150.
241 Л. Локгарт. Ук. раб., стр. 48; Узунджаршили. Ук. раб., стр. 302; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 150

Обещав Сефи-мирзе возвести его на престол, турецкий султан Махмуд с 20-тысячным войском отправил его в Карс, где с огромным 70-тысячным войском находился Ахмед паша Джамал оглы[242]. По прибытии Сефи-мирзы Ахмед паша Джамал оглы от имени султана Махмуда отправил уцмию Ахмед хану, сыну Сурхай хана — Мухаммед хану, правителям Табаристана и знатным людям Ширвана и Дербента фирманы, в которых предлагал всячески помогать Сефи-мирзе в его действиях против Надир шаха и вступлении его на «похищенный престол». В одном из таких фирманов, в частности, говорилось: «...со времени вторжения Афганцев в Иранскую землю, от которого потряслось царство сефевидской династии, один из ея принцев прибег к защите высокой нашей особы и он называется принц Мирза-Сефи, который до настоящего времени пользуется спокойствием под тенью моего покровительства. Ныне поспешая к исполнению желания этого принца, я в отвращение тиранства Надир шаха от народов Ирана, которые от его жестокости доведены до крайности — ножик, как говорится, дошел до костей, душа дошла до уст, — повелел пограничным начальникам и поверенным нашего государства, чтобы спасая иранский народ от гнетящего их тиранства Надир шаха они утвердили упомянутого принца на иранском престоле. Между тем шах со всеми своими войсками и приготовлениями двинулся к Эрзуруму. Обстоятельство это сделалось известным персиянам, осыпанным прежде всего милостями династии сефевидов и они, отвращаясь от Надир шаха, пожелали присоединиться к упомянутому принцу (т. е. Сефи-мирзе). Вследствие чего со стороны е. в. разосланы были прокламации по всем частям Персии, особенно к пограничным властям, дабы они отвернувшись от Надир шаха, присоединились к нему с преданностью и верностью, а потому вы господин Ильхани, должны войти в сношение с нашим ерзурумским сераскиром Ахмед Пашою и Чильдырской валием Юсуф пашею, оказывать зависящие от вас содействие к устройству дела принца Сефи-мирзы... Когда упомянутый принц утвердится на похищенном престоле своих предков, тогда он уступит бывшие прежде сего в составе нашего государства области Шемахинскую, Ширванскую, Гянджинскую, Тифлисскую и Эриванскую и герои и храбрецы Дагестанские получат в пользование весьма достаточные провинции и будут наслаждаться благоденствием под тенью высокой нашей державы...»[243].

В создавшейся обстановке, когда широкие народные массы готовы были участвовать в любом движении, направленном против иранского шаха, Сефи-мирзе удалось увлечь за

---

242 Мухаммед Казим. Ук раб., т. III, стр. 127 а, 128 б.
243 АКАК, т. II, доп. к I тому; стр. 1081—1082.

собой часть населения Азербайджана и Грузии[244]. К нему примкнули остатки разгромленных частей ширванских повстанцев и часть иранских войск, изнуренных беспрерывными походами и не получавших годами жалованья[245]. В лагерь Сефи-мирзы стекалось много беглых крестьян, кочевников и даже кочевых феодалов со своими ополчениями. «Это, — пишет И. П. Петрушевский, — опасное для Надир шаха движение, грозило охватить Азербайджан, Восточную Грузию и Дагестан»[246]. Сефи-мирза также пытался установить связь и с другими повстанцами, поднявшими оружие против власти Надир шаха в самом центральном Иране. Однако эти попытки оказались тщетными.

Несмотря на это, Сефи-мирза не терял надежды на успех. Он рассчитывал на то, что государство Надир шаха уже не обладает прежней мощностью. В одном из архивных документов говорится: «Персидское государство весьма не в состоянии тягость войны (с Турцией) и час от часу горше идет, ибо шах под разными претекстами, не обыкновенными штрафами обирать, не щадить так властно все персидские города командиров, старшин и обывателей всеми требованиями посетив взяв с каждого много число денег и сверх того персиян казнить отзываясь от себя, что он гнев и орудие божие предустановлен от бога мучить и губить»[247].

Чтобы предотвратить дальнейший переход населения на сторону Сефи-мирзы, Надир шах велел расставить посты от Еревана до Карса. Желая склонить на свою сторону племенную верхушку азербайджанских кочевников, Надир шах наградил их халатами и освободил от уплаты половины годовых податей[248]. Если Надир шаху до некоторой степени и удалось получить гарантию об «успокойствии» в Южном Азербайджане, то население Северного Азербайджана и Дагестана все еще продолжало следовать за Сефи-мирзой. На сторону самозванца переходили и некоторые феодалы, в частности уцмий Ахмед хан, получивший фирман и подарки от турецкого султана. Он первым со своим ополчением добрался до Карса и присоединился к турецким войскам[249]. За ним следовали табасаранские старшины, поддерживавшие любое выступление, направленное против Надир шаха[250].

После того, как было подавлено ширванское восстание, положение Надир шаха несколько облегчилось. Теперь он мог сконцентрировать основное ядро своих войск и дать решительный отпор турецким войскам, сопровождавшим мнимого принца Сефи-мирзу. Надир шах на этот раз решил воспрепятствовать проникновению турецких войск через Карс в пределы Закавказья. Сам он, направляясь в сторону Карса, остановился лагерем в местечке Ездвар[251]. Там он вызвал своего сына Насрулла-мирзу вместе с его войском[252]. Объединенные войска через город Нахичевань направились в сторону Карса и остановились в местечке Ханги[253]. 31 июля 1744 г. Надир шах, оставив в этой местности обоз, двинул свои войска в сторону Карса[254]. Дойдя во главе многочисленного войска до Карской крепости, Надир шах отправил ультиматум сераскеру турецкого гарнизона Ахмед паше Джамал оглы выдать ему лжепринца Сефи-мирзу[255]. Вместо ответа Ахмед паша приказал своим воинам совершить вылазку с тем, чтобы не дать противнику возможности осадить крепость. Однако турецкие войска вынуждены были отступить в крепость, некоторые из них погибли, а часть попала в плен[256]. Через десять дней также прибыл обоз иранских войск. Тогда Надир шах приказал воздвигнуть форты и рыть окопы вокруг крепости Карс. После подготовительных работ он разместил свои полки и артиллерию на укрепленных позициях.

Убедившись в безнадежности положения турецкого гарнизона, уцмий Ахмед хан ночью бежал, тайно выбравшись из Карской крепости. Однако иранские часовые заметили его и подняли тревогу. Хотя посланный вслед за ним отряд уничтожил многих дагестанских воинов, самому Ахмед хану удалось скрыться. Между тем, осада Карса продолжалась. Ввиду обострения борьбы между различными феодальными группировками в Турции турецкое командование не присылало осажденным подкрепления. Среди турецких войск началось дезертирство. Доведенный до крайности сераскер турецких войск Ахмед паша Джамал оглы вынужден был послать в иранский лагерь «Абдулрахман пашу и Ахмед Эфенди, известных своими трудами и знаниями, с несколькими офицерами и значительными подарками, прося разрешить известить ос-

---

244 И. П. Петрушевский Очерки..., стр. 335.
245 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 14 (1744), л. 255; д. 3 (1744), л. 256; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 176.
246 И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране в XVIII в., стр. 325.
247 ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 78, л. 17 б.
248 АВПР, ф, СРП, оп. 77/1, д. 3, л. 256; М. А. Арунова, К. З. Ашрафян Ук. раб., стр. 176.
249 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140; William Jones.The history the life of Nadir shah king of Persa, v. V, London, 1799, p. 381, в дальнейшем Вильям Джонс; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб. стр. 176.

250 Мухаммед Казим. Ук. раб., т. III, стр. 134 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр 176
251 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 44 (1744) л. 109 б.
252 Вильям Джонс. Ук. раб., стр. 381.
253 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 141; Вильям Джонс. Ук. раб., стр. 381.
254 Там же.
255 Л. Локгарт. Ук. раб., стр. 48.
256 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140.

манский двор о мирных намерениях его величества»[257]. Безусловно, такой оборот дел был встречен Надир шахом с радостью, так как в Азербайджане в области Шеки разгорелся не менее опасный очаг борьбы против иранского владычества. Надир шах дал свое согласие на перемирие, после чего сераскер Ахмед паша отправил Ахмеда Эфенди к султанскому двору. Надир шаху пришлось, не дожидаясь возвращения представителей турецкого правительства, вернуться в Азербайджан. Историограф Надир шаха Мирза Мехти хан Астрабади объясняет это суровостью зимы. По его словам, из-за того, что Карс славился жестокими холодами, иранская армия двинулась в сторону Ахалцика и Ахалкалаки. Здесь Надир шах сделал запасы продовольствия, а затем решил провести зиму в Барде, где имелись богатые зимние пастбища[258].

Прежде чем обратиться к действиям Надир шаха в Азербайджане в конце 1744—начале 1745 г., следует обратиться к дальнейшей судьбе Сефи-мирзы. В иранских источниках нам пока не удалось встретиться с фактами, непосредственно касающимися деятельности Сефи-мирзы.

И. П. Петрушевский считает, что «войскам Надир шаха удалось разгромить его, а самого мнимого Сефи-мирзу схватить»[259]. Авторы «Государство Надир шаха» пишут, что «Сефи-мирза был схвачен и отправлен в Турцию»[260]. Однако архивный документ, составленный со слов очевидца, не подтверждает этой версии. Иван Ховрин, отправленный в конце 1744 г. комендантом Кизлярской крепости В. Е. Оболенским в турецкую сторону, по возвращении 10 января 1745 г. сообщил следующее: «...пришед с реченной турецкой стороны к шаху посланник и говорил такие слова, чтобы турецкие города не разорял и отпустил в прочь на что ответствовал к нему шах — ежели де вы мне отдадите бывшего шаха Усейна его Сефи-мирзу, то и отвиду прочь и для де того он шах персидской со общего согласия с турками послали в Царград [Стамбул] о привозе к нему за упоминаемым шаховым Сефи-мирзою посланником»[261].

Как видно, сообщение очевидца исключает версию о захвате Сефи-мирзы иранскими войсками. В самом деле, если Надир шах отправил бы Сефи-мирзу обратно, ему было бы незачем требовать последнего дипломатическим путем, обещая Турции прекратить военные действия

Турецкое же правительство хотело и в дальнейшем использовать Сефи-мирзу для вмешательства Турции во внутренние дела Ирана.

Летом 1745 г., когда возобновилась война между Турцией и Ираном, турецкий султан издал даже фирман о возведении Сефи-мирзы на иранский престол[962]. О дальнейшей судьбе Сефи-мирзы нам удалось собрать лишь очень скудные сведения. В 1749 г., будучи в Баку с разведывательной целью, дворянин С. Кириев прислал донесение в Коллегию иностранных дел: «О турецких обращениях слышал, что прежнего шаха сын находится у турка, которого де сказывают якобы турки с войском хотят его шахом доставить в Персию»[263].

Как видно, турецкое правительство, возлагая на Сефи-мирзу большие надежды, держало его во дворце, выжидая удобного момента для повторного выдвижения его кандидатуры на иранский престол. Однако на этот раз внутренние междоусобицы помешали осуществлению задуманных планов.

Теперь вернемся к прерванному изложению событий. Запасясь продовольствием, Надир шах намеревался перезимовать в Барде, отличающейся мягким климатом. С этой целью он заблаговременно отправил большое количество людей в Барду, которые начали строить там дома и дворцы из дерева и камыша. После того, как все приготовления были закончены, Надир шах через Гянджу прибыл в Барду[264]. Это было в начале ноября 1744 г.

Мирза Мехди хан Астрабади пишет, что после многодневного отдыха Надир шах решил наказать лезгин Дагестана. В это холодное время года дагестанцы не ждали нападений. Неожиданно для них, 11 января 1745 г. перейдя Джавадский мост форсированным маршем, Надир шах прибыл в Дербент[265].

Следует отметить, что, как это наблюдалось и ранее, Мирза Мехти хан Астрабади старался утаить многие факты, свидетельствующие о борьбе народных масс против иранского господства и о позорном поражении Надир шаха в Азербайджане. Здесь мы имеем в виду шекинское восстание, для подавления которого Надир шах совершил поход в декабре 1744 г., т. е. до экспедиции в Дагестан.

Кстати, А. Бакиханов, видимо, использовавший труды Мирза Мехти хана Астрабади при написании «Гюлистан-Ирама», также умалчивает о походе Надир шаха в Шеки в декабре 1744 г. Он пишет: «Вскоре после этого Надир возвра-

257 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140; Вильям Джонс. Ук. раб., стр. 382.
258 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140; Вильям Джонс. Ук. раб., стр. 382.
259 И. П. Петрушевский. Упадок феодального общества в Иране, стр. 325.
260 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 176.
261 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, л. 42 а.

262 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 18 (1745), л. 265; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 176.
263 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 90, л. 576 б.
264 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140; Вильям Джонс. Ук. раб., стр. 382; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 123.
265 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 140.

тился с турецкой границы в Барду, столь удобную по местоположению своему для зимнего лагеря, где заблаговременно было приготовлено несколько тысяч балаганов и, несмотря на сильную зиму, 11-го января отправился в Дагестан налегке»...[266]

Подробно повествует о шекинском восстании В. Н. Левиатов[267]. Однако в изложении фактов автор ссылается исключительно на опубликованные источники, оставляя неиспользованным богатейший архивный материал, проливающий свет на многие вопросы, имеющие отношение к освободительной борьбе азербайджанского народа. Правда, В. Н. Левиатов до некоторой степени дополнил этот пробел статьей, опубликованной в «Известиях АН Азерб. ССР»[268]. Однако он использовал документы только из ЦГВИА, да и то касающиеся лишь 1745 г., в то время как о шекинском восстании имеется много ценных материалов в Архиве внешней политики России и Государственном архиве Астраханской области от 1744 г.

В работе М. Р. Аруновой и К. З. Ашрафян[269] шекинское восстание описывается исключительно на основании документов из АВПР без привлечения других архивных и литературных материалов, особенно из местных источников, посвященных истории Шекинского ханства, которые весьма подробно повествуют о шекинском восстании[270]. В монографии Г. Б. Абдуллаева сведения из трудов местных авторов и литературы тесно переплетаются с архивными данными, однако некоторые важные моменты этого восстания все еще не нашли свое подлинное отражение. Между тем, шекинское восстание, являлось одной из ярких страниц героической борьбы азербайджанского народа против иноземных захватчиков[271]. В отличие от ширванского шекинское восстание не проходило под лозунгом «хорошего царя». Оно также было народно-освободительным и антифеодальным движением, но отличалось от ширванского большим размахом и длительностью. Его участники не возлагали надежд на справедливого правителя и, несомненно, более четко представляли цель и перспективы борьбы.

Шекинцы, сбросившие в 1743 г. иранское иго, борьбу против иранского господства начали несколько раньше. Время решительной борьбы шекинцев против иранского господства почти совпадает со временем ширванского восстания. Это не случайно. В последней четверти 1743 г., когда по всей стране разгорелся пожар антииранских выступлений, волна восстания дошла и до шекинской области, где народу удалось сравнительно быстро освободиться от иноземного гнета.

Поводом к решительным действиям против иранской администрации в Шеки послужили бесчинства представителя Надир шаха, мелика Наджафа, который, пользуясь предоставленными ему правами, всячески издевался над местным населением. О поведении мелика Наджафа подробно пишут азербайджанские хронисты Керим-ага Фатех и Хаджи Сеид Абдулгамид[272]. Мелик Наджаф собирал подати в удвоенном размере, присваивая себе львиную долю собранного. Выведенное из терпения население обратилось с жалобой к Надир шаху, который в то время находился около Дербента в местечке Иран Хараб. Надир шах, испугавшись появления нового очага вооруженного восстания, приказал шекинской знати выбрать из своей среды уполномоченного для надзора над действиями мелика Наджафа и направить его в лагерь шаха. «При правлении мелика Наджафа,—пишет Керим-ага Фатех, — Хаджи Челеби пользовался почетом среди населения Шеки и был богат. Гаджи Шейх-Кули [Али] также был богат, но Гаджи Челеби был сильнее и влиятельнее его»[273]. Поэтому Гаджи Челеби был выбран уполномоченным и отправлен к шаху. Шах «...назначил его векилом Шекинского магала (дав ему указ), чтобы мелик Наджаф без его ведома не налагал на население повинностей»[274]. Это произошло в самом конце 1741 г.[275] Назначение Надир шахом уполномоченным при мелике представителя местного населения, выбранного самими жителями, свидетельствует о том, насколько Надир шах опасался открытого народного выступления в Азербайджане. Это событие можно назвать первой моральной победой азербайджанцев над Надир шахом. Учитывая особое влияние Гаджи Челеби на духовную и феодальную знать, Надир шах надеялся гарантировать себя от дальнейших жалоб шекинцев. Однако Гаджи Челеби начал открыто вмешиваться в дела мелика Наджафа, выступать против него и всячески противодействовать его злоупотреблениям. Негодующий мелик Наджаф отправился в

266 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 123.
267 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 116—120.
268 В. Н. Левиатов. Оборона крепости «Гелесан—Гересан» против Надир шаха. «Изв. АН Азерб. ССР», 1948, № 6, стр. 95—105.
269 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 113—118.
270 Керим Ага Фатех. Краткая история шекинских ханов; Хаджи Сеид Абдулгамид. Родословная шекинских ханов. См. Из истории шекинского ханства, Баку, 1958.
271 Г. Б. Абдуллаев. Ук. раб., стр. 82.

272 Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 45—48; Хаджи Сеид Абдул Гамид. Ук. раб., стр. 58—60.
273 Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 45.
274 Там же, стр. 46.
275 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 117.

лагерь Надир шаха, жалуясь, что «Челеби не пускает, чтобы я возлагал исполнение приказания шаха на райятов. Никто не признает приказания шаха. Сам не слушает и народу не дает служить»[276]. Выходило, что, назначив Гаджи Челеби уполномоченным в Шеки, Надир шах усложнил дело со сбором податей и налогов, в которых иранская армия крайне нуждалась. Немедленно потребовав Гаджи Челеби в свой лагерь, разгневанный Надир шах приказал повесить его. Однако Гаджи Челеби с петлей на шее продолжал разоблачать мелика Наджафа: «Мелик,—сказал он,—получив от шаха какое-либо приказание [всегда] добавляет к нему еще несколько поручений»[277]. Гаджи Челеби удалось убедить шаха в ложном обвинении. Оправданный Гаджи Челеби получил еще более широкие полномочия.

Произнесенная с виселицы речь Гаджи Челеби поразила Надир шаха, который обратился к своим эмирам со следующими словами: «В то время, как при мне никто не смеет даже заикнуться, этот нухинец Челеби осмелился с петлей на шее, не теряясь, выразить мне свое мнение. Увидите, что он что-нибудь да натворит, я никогда не ошибаюсь»[278].

Надир шах не ошибся в своем предположении. Вернувшись из лагеря шаха, Гаджи Челеби усилил контроль за действиями мелика Наджафа. Последний перестал считаться с Гаджи Челеби и неоднократно обращался с жалобами к Надир шаху. Тем временем Надир шах находился уже за пределами Северного Азербайджана и готовился к войне с Турцией. Кроме того, в 1743 г. в Ширване усиливалось общенародное антииранское движение, что благоприятствовало решительному выступлению шекинцев против иранской администрации. Собрав вокруг себя надежных людей, Гаджи Челеби напал на резиденцию мелика Наджафа и умертвил его[279]. В. Н. Левиатов писал: «Среди знатных суннитов шекинской области возник заговор против власти Надир шаха, главарем этого заговора был Гаджи Челеби. Заговорщики, собрав вокруг себя знать и влиятельных людей, убили мелика Наджафа, поставленного Надир шахом»[280].

Можно ли назвать это событие заговором? Безусловно, нет. Оно явилось объективным результатом борьбы против иранского владычества в Азербайджане.

Внешнее и внутреннее положение Ирана не позволило Надир шаху распылить вооруженные силы и часть из них направить против шекинцев. Кроме ширванского восстания

276 Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 46.
277 Там же.
278 Там же.
279 Гаджи Сеид Абдулгамид. Ук. раб., стр. 59; Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 49.
280 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 117.

народные волнения имели место в Дербенте, Джарской области, Карабахе, Грузии, Армении и в южных провинциях государства. Поставленная Надир шахом в главных центрах Закавказья администрация была бессильна[281]. Достаточно отметить, что правительство Надир шаха ничего не могло сделать с Панахом Али ханом Джаванширом в Карабахе, который, будучи на службе у Надир шаха, в 1738 г. с группой своих приближенных покинул его, встав на путь открытой борьбы за независимость Карабаха[282].

Надир шах весьма опасался, что, занявшись подавлением восстания внутри страны, он ослабит границы государства с запада, откуда могут проникнуть в страну турецкие войска, стоявшие наготове на границе. Все это способствовало действиям Гаджи Челеби, который после расправы с иранскими ставленниками объявил Шекинскую область независимым владением—ханством. Этот акт положил начало созданию на территории Азербайджана мелких государственных образований—независимых ханств. Примечателен тот факт, что, если подавляющее большинство независимых ханств образовалось после распада государства Надир шаха[283], то Шекинское ханство заявило о своей независимости еще в период правления Надир шаха.

Однако Надир шах, не желая примириться с создавшимся положением, воспользовавшись временным затишьем на турецкой границе, несмотря на холодную зиму, поспешил расправиться с шекинцами.

Гаджи Челеби в это время принял меры по укреплению своих позиций. Он предвидел, что иранские войска рано или поздно прибудут для расправы и восстановления власти иранского шаха. Поэтому Гаджи Челеби велел запастись провиантом и другими припасами на длительное время и всему городу переселиться в старинную крепость, получившую затем название «Гелесан—Гересан» («Придешь—Увидишь»), которая была подготовлена для выдержки длительной осады и отпора атак противника.

В донесении астраханскому губернатору В. Н. Татищеву от 13 декабря 1744 г. Братищев писал: «его величество [Надир шах] в продолженном пути такое свое предприятие изменил, миня стороной те Джарские места и следовать прямо в Ширванскую провинцию Шеки для приведения в послушание бунтующихся своих подданных, которые до вре-

281 Ахмед бек Джаваншир. История Карабахского ханства, Баку, 1961, стр. стр. 68—70; В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 118.
282 Подробно см. Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 91.
283 И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений... стр. 86; Г. Б. Абдуллаев. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60—80 гг. XVIII в., Баку, 1958, стр. 14; его же. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией, стр. 86—112.

мени произошедшего в Ширване замешания даже до ныне противность и неспокойство в Персии показывают»[284].

В работе В. Н. Левиатова[285] и в первом томе «Истории Азербайджана»[286] указывается, что Надир шах эту экспедицию в Шеки совершил в начале 1744 г., а осада Шекинской крепости продолжалась до июня 1744 г. Однако архивные документы и источники не подтверждают точность указанной даты. В 1744 г. до приближения зимы Надир шах находился в Карсе, осаждая турецкие гарнизоны[287]. Против Гаджи Челеби Надир шах двинул свои войска, примерно, в конце ноября или в начале декабря 1744 г.

Крепость «Гелесан—Гересан» была естественным убежищем[288]. «Дорога до самое убежище бунтовщиков в пустых лесах и узких проходах лежит»,—говорится в архивном документе от 13 декабря 1744 г.[289] Из-за непроходимости дороги Надир шах не мог взять с собой артиллерию и большое количество войск. Оставив главные силы около селения Даш-булаг[290], Надир шах с отборным войском в количестве пятнадцати тысяч человек двинулся в сторону крепости[291].

Авторы монографии «Государство Надир шаха Афшара» пишут, что войска Надир шаха добрались до села, где жило не более 200 шекинцев. Ссылаясь на архивный документ, они указывают, что через три дня шахские войска под натиском шекинцев вынуждены были отступить[292]. Хотя в архивном документе название этого села не указано, однако можно полагать, что иранские войска встретили сопротивление именно в крепости «Гелесан—Гересан». Для обоснования этого приведем выдержку из архивного документа: «И, пришед [шах] под острог построенной на крутом в урезе гор, где не более двухсот шекинцев обреталось остановился и всеми мерами старался противность покорить»[293]. Здесь фигурирует слово «острог» в значении «крепость», в то время как обыкновенные села в тот период не окружались крепостными стенами. Что касается количества защитников крепости, то, на наш взгляд, это или ошибка, или же составитель документа старался подчеркнуть малочисленность обороняющихся.

Керим Ага Фатех пишет о сражении шекинцев с иранскими войсками: «В длительном бою много людей пало обоих сторон. Даже перед глазами самого шаха был убит его личный слуга»[294]. В. Н. Левиатов почти без добавлений и критического подхода повторяет слова Керим-Ага Фатеха[295].

Однако архивный документ первое сражение с шекинцами, происходившее, примерно, 29 ноября 1744 г., описывает иначе: «Иранским войскам не удалось даже держать в осаде шекинцев. Пребывание иранцев у подножья, где была расположена крепость, продолжалось всего три дня»[296]. Воспользовавшись естественными укрытиями, шекинцы делали вылазки, не давая противнику покоя. «Люди Хаджи Челеби хана по ночам подходили [близко] по лесу, стреляли из ружьев, причиняя урон шахским войскам»[297]. Силы шекинцев умножились, когда к ним подошла помощь со стороны джаро-белоканских сообществ и дагестанцев. Урон иранских войск был настолько велик, что иранские военачальники стали думать о личном спасении. Чтобы избежать полного истребления, они стали уговаривать Надир шаха: «Стоит ли из-за кучки бесполезных, голодных людей обрекать свое войско на истребление?»[298]. У нас нет оснований говорить о приказе Надир шаха начать отступление от крепости «Гелесан—Гересан». Войска сами в панике бежали. Этот факт, свидетельствующий о мужественной борьбе малочисленного местного населения против грозного противника, очень красочно описан в реляции Братищева, являвшегося объективным обозревателем событий. «Только через три дня ни малейшего вреда [Надир шах] им нанести не мог и наконец принужден был бесплодно отступить, еже находящиеся шекинцы в остроге, усмотря совокупность с протчими лезгинцами и пользуясь узкими проходами и прикрытием леса напали с тылу на персиян и в такое их помещение привели, что каждый не о сопротивлении, но единственно о спасении своем попечении имел, освобождая себя из рук лезгинцев и шекинцев, хотя шах жестоко от набега войско свое отвращал, однако ничем от того, оное удержать не мог ибо бунтовщики непрестанными ружейными выстрелами много персиян побили»[299]. Далее в реляции резидента говорится, что сам Надир

284 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50, л. 155 а; АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4, л. 395 а.

285 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 118.

286 История Азербайджана, т. 1, стр. 332.

287 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 141.

288 М. Н. Насирли, Р. А. Мамедов. О крепости «Геласан—Гересан», Материалы по истории Азербайджана. Труды музея истории Азербайджана, т. IV, 1961, стр. 68—79.

289 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50, л. 155 б.

290 Керим ага Фатех. Ук. раб., стр. 47.

291 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 156 а.

292 М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 214.

293 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 156 а; АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 4 (1744), л. 397 а.

294 Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 47.

295 В. Н. Левиатов. Ук. раб., стр. 119.

296 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50, л. 156 а.

297 Гаджи Сеид Абдулгамид. Ук. раб., стр. 59.

298 Керим Ага Фатех. Ук. раб., стр. 47.

299 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 156 а.

шах во время отступления едва не погиб[300]. Не рискуя отдаляться от своей цитадели, шекинцы ограничились изгнанием противника из окрестностей «Гелесан—Гересан». В кратковременном бою иранские войска потеряли более пятисот человек убитыми, не считая раненых. Кроме того, в руки шекинцев перешло много лошадей с вьюками, которых иранские воины вынуждены были «...по дороге бросить, хранения токмо своею жизнью»[301]. Описание поражения надировских войск в конце ноября 1744 г. Братищев заканчивает следующим: «И токмо ево величество с чувствительным оскорблением от подданных своих шекинцев возвратился и первого декабря на зимнюю квартиру урочище Алжаут (Алпаут) за милью от Берды (Барды) куда я того декабря и приехал»[302]. О поражении иранских войск в конце ноября 1744 г. у крепости «Гелесан—Гересан» доносил также разведчик Катемир Бабатаев, отправленный по приказу кизлярского коменданта Оболенского. Вернувшись 27 декабря 1744 г. в Кизляр, К. Бабатаев объявил: «шах де персидской и с войском своим по ту сторону Шемахи за два дни езды между городом Гянджи и речки Арасы в местечке Бере... шах де персидской послал войска своего на деревню Шеки... чтоб разорить, а той деревни жители уведали приход персидского войска и засели де в ущелье между гор в лесу и тут персидского де войска много побили и притом убили Мирзахана с ним же и другого хана убили...»[303].

Находившийся в дружеских отношениях с русскими властями на Кавказе тарковский шамхал Хаспулад в письме к кизлярскому коменданту Оболенскому от 17 декабря 1744 г. сообщил: «услышали мы, что персияне от Карса возвратились и пришли в Гянджу и Куру реку переправились... около Шеки имеющиеся народы разбили и прогнали и эти известии конечно ведают подленными и по дружбе к вашему сиятельству уведомить»[304].

Как видно из приведенных цитат, в конце ноября 1744 г. Надир шах потерпел крупное поражение в Шекинской области и вынужден был вернуться в Барду.

Убедившись в стойкости защитников «Гелесан—Гересан» и в недоступности крепости, Надир шах решил мобилизовать свежие силы. Видимо, ему не удалось пополнить в Азербайджане поредевшие ряды своей армии за счет местного населения, ибо он вынужден был отправить в Казвин своего сына Насрулла-мирзу «ради набора в службу людей»[305].

300 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 156 б.
301 Там же.
302 Там же; АВПР, ф. СРП, оп 77/1, д. 4 (1744), л. 398 б, 399 а.
303 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8 (1744), л. 22 б.
304 Там же, л. 17 а.
305 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 157 а.

Провизия иранской армии к этому времени была почти на исходе. Необходимо было запастись провиантом и продержаться, пока из Ирана не поступит продовольствие. Отправленному в Иран Насрулла-мирзе Надир шах поручил «три тысячи быков и триста тысяч теврисских батманов муки через Гульяны морем на судах в Дербент направить»[306]. Отдавая приказ об отправке продовольствия из Ирана морем в Дербент, Надир шах, по-видимому, не хотел отправлять продовольствия караванным путем, ибо шахские караваны легко могли быть перехвачены «бунтовщиками». Как известно, к этому времени Надир шах, намереваясь воспользоваться услугами англичан в борьбе с местным населением, полностью доверил свой флот англичанам, назначив Джона Эльтона главнокомандующим иранскими военно-морскими силами на Каспии.

Когда нехватка продуктов создала критическое положение, Надир шах попытался насильно отобрать у населения последнее. Он распорядился, чтобы из каждой сотни сорок воинов жили за счет открытого грабежа. Об этом странном приказе Надир шаха современник пишет следующее: «...шах едва ли нынешнюю зиму в покое останица, ибо некоторые распоряжения к легким поискам и набегам чинить приказал военным командирам из каждой сотни по сороку человек во всякой исправности держать и лошадей откармливать, дабы к потребности случаю надлежащей готовности находились»[307].

Надир шах одновременно послал нарочного в Шабран, чтобы правитель Шабрана «...к приезду в Дербент туда провиант отвезти предельно»[308].

Сделав заблаговременные приготовления, Надир шах в середине декабря 1744 г. выехал из Барды. Пройдя Муганскую степь, а затем форсировав Куру, Надир шах с отборным 30-тысячным войском миновал Шемаху и Шабран и в последних числах декабря[309] достиг Дербента.

По другим данным, Надир шах имел войска в количестве 10 тысяч человек. Иранские войска на своем пути следования «...весь скот, овец и коров взяли, а которых людей на степи захватили тех в полон побрали, а иных побили до смерти», — говорится в архивном документе от 2 января 1745 г.[310]

Ко времени прибытия иранских войск в дербентском порту стояли два судна русских купцов с мукой. Надир шах одно из этих судов «велел взять на себя»[311].

306 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 157; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8 (1744), л. 13 а.
307 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 50 (1744), л. 157 а.
308 Там же; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, л. 13.
309 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8, л. 4 а.
310 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 5 (1744), л. 357 б; ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8 (1744), л. 13 б.
311 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8 (1744), л. 26 а.

Из Дербента Надир шах отправил большую часть войск во владения уцмия и тарковского шамхала Хаспулада, которые все еще не признавали власти Ирана. Иранские войска на своем пути, совершая бесчинства, разрушая дома и хозяйства мирного населения около Дербента «...несколько тысяч всякого скота забрали»[312].

Чтобы склонить на свою сторону население, прежде всего влиятельных местных феодалов, Надир шах вынужден был переменить свою тактику, многих владельцев и старшин деревень, которые не противились его повелениям, «подарками и деньгами одарил»[313]. Вместе с тем, в отношении непокорного населения он «послал то войско для отгону скота по сию сторону Дербента в подданные свои деревни...»[314]. Не задерживаясь в Дербенте, Надир шах повел свои войска в горный Дагестан и остановился лагерем в Моллакенде в ожидании прибытия представителей местного населения с изъявлением покорности. Появление иранских войск в Южном Дагестане несколько встревожило представителей Русского государства на Кавказе. Об этом можно судить по донесениям кизлярского коменданта князя Оболенского «...ежели бы (шах) вознамерился здесь (в Дербенте) в российских границах какое зло и нападение учинить, чтоб в то время уже никакому сикирусу за многими степными препятствиями из Астрахани поспеть не возможно»[315].

Тревожные сигналы заставили русские власти принять ряд мер предосторожности. Уже в феврале 1745 г. для подкрепления в Кизляр были отправлены два пехотных полка и драгунская рота. Спустя немного времени туда из астраханского корпуса было послано еще шесть драгунских полков[316].

Беспокойство русских властей было напрасным. Иранское государство, переживавшее внутренний кризис, находившееся в состоянии войны с Турцией и потрясаемое мощными народными движениями, не имело сил для развязывания новых авантюр на своих северных границах. В документе того времени читаем: «...его величество [Надир шах] изволил притти ни для чего иного как для наказания подданных противников»[317].

Не добившись покорения народов Дагестана и Северо-Восточного Азербайджана, Надир шах в конце концов вынужден был отойти с войском обратно в Барду[318]. Здесь Надир шах и армия пробыли 20 дней. Мирза Мехти хан Астрабади сообщает: «т. к. пастбища и фураж были более обильны к северу от реки Куры, он оставил эти места и перейдя с войсками и обозом реку, расположился лагерем двадцать пятого месяца мухарама [18 февраля] в районе Ареша»[319].

Однако есть основание полагать, что Надир шах стянул свои войска к северу от реки Куры не столько из-за пастбищ, сколько чтобы быть ближе к опаснейшему очагу восстания — крепости «Гелесан—Гересан», где население во главе с Гаджи Челеби ханом мужественно отстаивало свою независимость. Иранские войска 13 февраля 1745 г. уже вторично выступили против шекинцев. «В начале 1745 года, — пишет П. Бутков, — паки настали тревоги. Надир еще восхотел испытать терпения своего против лезгин на западе кавказских гор обитающих и обратил действия свои на шекинцев, где властвовал тогда Аджи-Челеби-Хан»[320]. Находившийся в то время в шахском лагере в Шеки русский резидент В. Братищев в донесении от 19 февраля 1745 г. сообщал, что, несмотря на жестокое ненастье, метели, сильные снегопады и т. п., Надир шах «...идет к сигнахам, или крепким местам на горах, где бунтующие шекинцы обретаются»[321]. Продвижению, кроме непогоды, препятствовали непроходимые леса, которые иранские войска начали вырубать. В этих лесах прятались партизанские отряды; в связи с вырубкой леса среди некоторых неустойчивых шекинских старшин началась паника, и они явились к Надир шаху с повинной. Чтобы поощрить подобное предательство, Надир шах наградил прибывших халатами и поручил им уговорить Гаджи Челеби добровольно сдаться. Однако Гаджи Челеби, опиравшийся на поддержку народных масс и имевший достаточно припасов, решительно отклонил предложение о сдаче[322]. Несмотря на все усилия, Надир шах «ничего знатного получить не мог»[323] от шекинцев. Тогда он решил уморить голодом защитников крепости. Однако подобная угроза не сломила боевого духа шекинцев. О мужественном сопротивлении шекинцев в «Хронике войн Джара» говорится: «Часть войска Тахмаз (Надир шах) послал против Шеки, которая вместе с ее начальником, Хаджи Челеби нухинским, и Ширваном, отложились от него. Здесь войскам приходилось сражаться каждый день в продолжении более месяца. Однажды Тахмаз явился со своими войсками в [деревню] Гой-Нук, но ему ничего там не удалось захватить, потом он пришел к окопам Нухи, долго там сражался, но взять не мог, хотя и сжег Шеку, убил несколько человек, взял не-

312 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 8 (1744), л. 26 а, 29 б.
313 Там же, доп. д. 50 (1744), л. 150 г.
314 Там же, 28 б.
315 Там же, л. 4 а.
316 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 232.
317 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1, д. 8 (1744), л. 57 а.
318 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 141.

319 Мирза Мехди хан Астрабади. Ук. раб., стр. 141.
320 П. Г. Бутков. Ук. раб., стр. 231.
321 АВПР, ф. СРП, д. 8 (1745), л. 240 б, 241 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр.
322 АВПР, ф. СРП, оп 77/1, д. 8 (1745), л. 249 а.
323 Там же, л. 249, 250 а.

сколько человек в плен и ограбил часть их имущества. Но все же они сохранили свои окопы, хотя и голодали.

После этого [Надир шах] направился во главе своей армии в Муган»[324].

Хотя автор «Хроники» конкретно не указывает название крепости «Гелесан—Гересан», однако можно думать, что он имеет в виду именно эту крепость, которой Надир шах не мог овладеть в Шекинской области. Продолжительность осады крепости в «Хронике» указана не совсем верно. Как явствует из ряда архивных документов и источников, Надир шах у крепости «Гелесан—Гересан» задержался, по крайней мере, около пяти месяцев[325]. Русский посол Е. Сенюков, выехавший из Астрахани в лагерь Надир шаха около Шеки к находившемуся там российскому резиденту Братищеву, в письме от 8 апреля 1745 г. из Дербента в Государственную коллегию иностранных дел доносил: «А шах ныне стоит по ее сторону Куры близ Шеки и вскоре намерение имеет там лес рубить и пехотою всяческий шекинцев оружием доставить и говорят, что перед нею одну (деревню) к реке уроном взял»[326].

Из этого сообщения видно, что, не добившись успеха в деле осады крепости, Надир шах обрушил свой гнев на мирное население Шекинской области. Кроме того, он вел подготовительные работы по вырубке леса для похода в сторону этой крепости. Таким образом, можно полагать, что в марте 1745 г. войскам Надир шаха приходилось вести борьбу против шекинцев в лесу на подступах к крепости «Гелесан—Гересан», где население оказывало отчаянное и мужественное сопротивление противнику.

Как явствует из источников, иранским войскам все же удалось подступить к самой крепости. Однако взять ее им было не под силу. «Несколько раз [Надир шах] послал войско на «Гелесан—Гересан», но не мог победить Хаджи Челеби хана», — пишет Гаджи Сеид Абдулгамид[327]. Более подробные сведения о борьбе шекинцев с иранскими войсками в этот период сообщает очевидец событий Братищев в письме от 13 апреля 1745 г. Он пишет: «О здешних обращениях услужил вашему сиятельству сообщаю, что шах на прошедших днях к шекинским сигнахам ради покорения бунтовщиков подступил и чрез трои сутки стоя, на них сильное нападение производил, употребляя к тому пехоту. Токмо за трудными горными местами и по твердому с стороны противников отпору успеха получить не мог, кроме что до сорока человек побито и в плен взято. На против чего персицкой урон сугубо превышает, ибо при оном случае более ста человек погибло и еще несколько

324 Хроника войн Джара, стр. 42—43.
325 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 5 (1745), 136 б.
326 Там же, л. 52 а.
327 Гаджи Сеид Абдулгамид. Ук. раб., стр. 59.

ранено. По такой причине его высочество другие способы к проведению шекинцев в послужение избрал, и повелел лежащие около их жилищ осады и хлебные поля в достаток опустошить и деревья вырубить. И так строгими мерами и шекинцев покорить старается, так и ласкательные уговаривания со многими обнадеживаниями к тому употребляет, однако помянутые шекинцы во упорности себя крепко содержат»[328]. Не добившись покорности от шекинцев, Надир шах в отместку велел сжечь древний город Шеки[329]. Однако и это не устрашило героических защитников крепости «Гелесен—Гересан». «Токмо шекинцы, — говорится в донесении Братищева по этому поводу, — при своем начальнике Хадже Челяби, не взирая на опустошения своих садов и хлебных полей, твердо себя ко при упорности содержат и весьма не хотят шаху покориться»[330].

Как видно из приведенных выдержек и донесений современников, Надир шах, не довольствуясь разорением города Шеки и окрестных деревень, пошел на уничтожение мирного населения, опустошение полей и вырубку садов. Попытки Надир шаха покорить шекинцев «ласкательными уговорами» также не увенчались успехом.

Находившийся у резидента Братищева переводчик Юсуп Гаючев в секретном донесении кизлярскому коменданту Оболенскому сообщал: «Шах де персидский и в войском пошел к местечку Белязин, которое от Шеки расстоянием верст в пятнадцать, а оттуда де пойдет к местечку Яр и от Шеки до ныне опасатца не надлежит, понеже де он стал отдалятца, да и войска де при нем всего тысяч с тридцать»[331].

Хотя на нынешней карте Азербайджана указанные места не обозначены, можно думать, что они находились в Шекинской области, и их население стало жертвой произвола войск Надир шаха после его неудачи у крепости «Гелесан — Гересан». Надо полагать, что постоянные передвижения Надир шаха были вызваны нехваткой в продольствии и фураже: «При бытности же нашей, — писал русский подданный купец Юсуп Касимов, находившийся в шахском лагере с конца апреля по 9 мая 1745 г. в Шеки в составе посольства дворянина Сенюкова, — шах персидской переходил лагерем с места на место неподалеку на свежие места»[332].

В это время иранская армия сильно нуждалась в продовольствии. Насрулла-мирза был послан за пополнением продовольствия в Иран, но оттуда ничего не поступило. По крайней мере, об этом пока нам не удалось обнаружить сведений

328 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 5, л. 52 а.
329 Гаджи Сеид Абдулгамид. Ук. раб., стр. 59.
330 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 8 (1745), л. 266 б.
331 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 5, л. 69 б.
332 Там же, л. 136 а.

ни в архивных документах, ни в персоязычных источниках. Указываются только два судна, прибывшие из Гиляна в Дербент. Поэтому иранские воины вынуждены были вновь разорять население. Как видно, население Азербайджана, особенно Шекинской и Ширванской областей, подвергалось опустошению. Любопытно привести выдержку из высказывания Юсупа Касимова, откуда видна причина разорения даже тех местностей, которые открыто не выступали против иранских властей, хотя в их враждебном отношении Надир шах не сомневался. «Притом же, — далее сообщает Юсуп Касимов, — я спрашивал для чево шах персицкой, лежащие подле моря Каспицкого и подле Турецкой границы провинцы столь разоряет, отягощая великими поборами и на то мне объявил: шах де персицкой в великое изобилие и богатство привел Хварасанию [Хорасан], а оные де губернии и провинцы разоряет, уповая, что по времени де те губернии и провинции от России и от Турков войной взяты быть имеют и хочет де в такое убожество привести, чтоб десять дворов в одном горшке есть варили, ибо и ныне де от шаха с указом посланы люди в Гемедан и велено, чтоб собрать с той провинцы денег триста двадцать тысяч, ежели де не достанет, то б в цену забрать ковры, паласы и посуду, ежели и того не достанет, то б брать людей и охочим людям продавать. С Редевильской (Ардебильской) де провинцы велел шестьсот тысяч, с Шемахи триста шестьдесят тысяч. И все имеющиеся в войске ево народы от мала до велика плачют, объявляя то, что мы де сами здесь своими головами служим, а жен де и детей из денег на правиже бьют»[333].

Между тем, войска Надир шаха продолжали безуспешно осаждать крепость «Гелесен—Гересан». Об этом можно судить по сведениям, поступавшим в Россию от дипломатических представителей Русского государства в Иране и русских властей в пограничных городах Русского государства. Командующий русскими войсками в Кизляре генерал-лейтенант Д. Еропкин, получивший особое распоряжение тщательно следить за действиями войск Надир шаха, отправлял в Азербайджан и Дагестан разведчиков под видом купцов. Один из них, В. Черкасов, после возвращения из Дербента, который посетил 21 мая 1745 г., сообщал: «В бытность мою в Дербенте слышал я от нашева российскова купца Граченина, что шах персицкой и ныне с войском своим стоит лагерем при Шеке и управляется с противными ему шекинцами, и три деревни с великим уроном своево войска взял, а потом де послал в Большую Шеку одного хана и двух султанов и с ними несколько числом войска и приказал ту деревню атаковать,

333 ЦГВИА, ф. 20. оп. 1/47, д. 5, л. 136 б.

к которой более проходу не было как одна дорога между лесами и великими горами, по которой де то посланное от шаха войско к вышеописанной деревне Большой Шеке приступ чинили, а оные шекинцы, учиня выласку перешли между лесами и горами з зади и их множество побили и притом убили одного хана и салтана, а как их зовут о том он ему не сказал, а сам де шах в то время стоял на горе, смотрит и видя войску своему урон, послал нарочных и приказал отступить, а потом повелел де всех своих министров и военных командиров собрать и при том с великим де серцом им выговаривал, что де вы мне неверно служите и одной такой малой деревни взять не можете, не думаете де что б я отсюда отошел, я де хоть всех вас здесь поморю, токмо не взяв не отступлю, при том же им объявил — видите вы сами, что де нас с одной стороны турки, а з другой российское войско и мне де незнаемое кем будет управлятца, то де я уже принужден всех вас бросить и сам уйтить в Асфаган»[334].

Из других его сообщений видно, что Надир шаху, лично командовавшему карательными операциями в Шекинской области, удалось покорить силой оружия почти всю область, кроме крепости «Гелесан — Гересан». «20 мая 1745 года шах, оставив у упомянутой крепости часть войск, на короткое время отправился в Казыкумых». Далее Черкасов пишет: «(Надир шах) шекинцев разорил одна де осталась деревнишка, то де он для разорения той деревни оставляет с войском одного хана, а сам намерен по отправлением моем на другой день (и то будет поисчислению сего мая в 20 ден) и с войским итти к Казыкумыкам к усменскому владению»[335]. Разумеется, здесь деревушкой названа крепость «Гелесан—Гересан». В приведенной выдержке обращает на себя внимание еще один факт, о котором в других источниках почти не упоминается — речь идет о кратковременной экспедиции Надир шаха в сторону Казыкумыха.

В Казыкумыхе Надир шах не встретил сопротивления, ибо там он «никого не застал»[336]. Тогда шах обрушил свой гнев на деревню, которую «...выжег, хлебы потолочил, и сады порубил; да человек з десять тамошних горских жителей поймал, а протчие де все ушли в горы и ничего им более вышеописанного зделать не мог, и потом через сутки как и возвратился в лагерь, а из взятых в плен десять человек по их обыкновению иным глаза выколол, а других передавил»[337].

Не добившись покорения мужественной крепости «Гелесан — Гересан», Надир шах, примерно, в конце мая 1745 г. покинул эти края. 6 июня того же года Еропкин получил доне-

334 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 6, л. 22 б, 23 а.
335 Там же, л. 26, 28 б.
336 Там же, л. 52 б.
337 Там же, л. 52 б.

сение следующего характера. «Шах персицкой со всеми своими войсками тому назад пятнадцать дней, не взяв Шеки, пошел за Куру к урочищу Шатгор [вероятно, Шамхор. — *Ф. А.*], близ Генджи»[338]. Оттуда Надир шах через Хачен, Мийан-кух и Гейча двинулся в сторону Карса. Мирза Мехти хан Астрабади, говоря о пребывании Надир шаха в Шекинской области, ограничивается рассказом, что после трехмесячного пребывания на шекинских яйлагах шах в конце мая покинул окрестности Шеки и, переправившись через р. Куру, добрался до ереванского яйлага Гегча[339]. Отсюда Надир шах повел свои войска на турецкую границу. Таким образом, в середине лета 1745 г. вновь возобновились военные действия между Ираном и Турцией. Война между этими старыми соперниками протекала с переменным успехом. Это отчасти объясняется тем, что Надир шаху часто приходилось отрывать от военных действий часть войск и направлять их для подавления антииранских выступлений в Закавказье, Дагестане и феодальных выступлений и народных восстаний в самом Иране. В некоторых местах шах вынужден был держать целые гарнизоны, так называемое «войско для форпостов».

К сожалению, не по всем «форпостам» нам удалось найти сведения из архивных документов. Имеются данные о том, что в Шабран было назначено пятьсот воинов, в более крупной крепости Кубе — три тысячи воинов[340]. Один из гарнизонов был оставлен Надир шахом у крепости «Гелесан — Гересан». Видимо, уже в марте месяце 1746 г. в результате продолжительной осады запасы продовольствия в крепости подходили к концу и в результате возникло крайне тяжелое положение. Керим Ага Фатех пишет: «Три года Хаджи Челеби вместе с населением Шеки сидел в крепости «Гелесан — Гересан», терпя голод и лишения»[341]. Однако фирман Надир шаха от 3 марта 1746 г., расшифрованный и опубликованный С. Мумтазом, не подтверждает этого. Приведем текст фирмана: «Высочайший фирман был, что пусть удостоенный милостью шахиншаха Мелик Джафар, сын брата (племяннник) высокостепенного Мелик Наджафкулия, знает, что Хаджи Челеби и другие шекинские жители подверглись ниц у порога нашей милости и милосердия с мольбой о прощении им проявленной ими до сей поры вины и раскаялись в допущенных ими поступках. Поэтому мы, закрыв глаза на их вину, повелели им простить. Поручая этому высокостепенному Шекинское меликство с начала этого года барса, мы обратились к нему (приказывая) управлять делами меликства так как

338 ЦГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 6, л. 58 а.
339 Мирза Мехти хан Астрабади. Ук. раб., стр. 141; А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 24.
340 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 44, л. 108 б.
341 Хроника войн Джара, стр. 44.

управляли другие мелики, и отправиться в Ширван вместе с Хаджи Челеби и другими райятами (поддаными) для передачи присутственных мест с тем, чтобы они, склонив тамошних райятов к земледелию и хлебопашеству, приведя расстроенные (там) дела в порядок и проявляя необходимое усердие и внимательное отношение в отправлении своих служебных обязанностей и в исполнении распоряжения присутственных мест, имели возможность удостоиться шахской милостью и благорасположения.

Шекинские райяты и кендхуды, признав Мелик Джафара своим меликом, должны неуклонно следовать словам и советам, приняв (исполнение их) на себя 9 сафара месяца 1159 г.»[342]

Как видно, к началу марта 1746 г. Гаджи Челеби вынужден был признать власть Надир шаха. Можно ли этот акт назвать капитуляцией перед Иранским государством? Безусловно, нет. Если бы иранские войска принудили Гаджи Челеби сложить оружие, Надир шах упомянул об этом в своем фирмане. Кроме того, назначая в Шекинскую область нового мелика Джафара, Надир шах не предоставил бы Гаджи Челеби прежние права векила[343], поручив ему при этом «управлять делами меликства так, как управляли другие мелики». Мало того, из другого источника узнаем, что Надир шах вдобавок отправил Гаджи Челеби денежное вознаграждение[344].

Поступок Гаджи Челеби нельзя расценить иначе, как дипломатический шаг. После длительной осады, продолжавшейся более двух лет, в крепости «Гелесан — Гересан» не хватало продовольствия, кончился корм для домашнего скота. Продолжать оборону значило уморить осажденных голодом. Нужно было принять решение, не ущемлявшее интересов осажденных. Видимо, поэтому Гаджи Челеби пошел на компромисс, оставляя за собой права векила. Не случайно Надир шах в своем фирмане поручил новому мелику Джафару отправиться в Ширван, чтобы привести в порядок расстроенные дела.

Из приведенного фирмана можно заключить, что Надир шах нуждался в Гаджи Челеби, пользовавшемся влиянием среди населения Шеки и Ширвана, Гаджи Челеби относился к категории сильных личностей, которые при необходимости способны к ведению гибкой политики, обладая незаурядным дипломатическим талантом. Гаджи Челеби, владевший обширными земельными угодьями, не гнался за дальнейшим обогащением. Чтобы умножить богатства и упрочить свое положение, Гаджи Челеби мог бы искать милостей Надир ша-

342 Фирман Надир шаха. См: «Из истории Шекинского ханства», стр. 68.
343 Хроника войн Джара, стр. 43.
344 Там же.

ха, но он принебрегал этим, проявляя подлинный патриотизм.

Нельзя сказать, что с прекращением обороны крепости «Гелесан — Гересан» завершилось полное покорение Азербайджана войсками Надир шаха. Правда, упомянутая крепость может быть и была одним из крупных очагов антииранского восстания на исходе первой половины XVIII в., но ее защита отнюдь не была последней волной общенародного антииранского движения. Российские официальные круги, сочувствующие народному выступлению против иранского господства, убедились в том, что народ не желает быть подвластным Надир шаху, безжалостно и бесчеловечно разоряющему и истребляющему его. Не без внутреннего удовлетворения В. Братищев в донесении от 3 июня 1746 г. из Гянджи русским властям писал следующее: «Здешний народ всякого звания с вожделенною радостью пришествие российских сил ожидает в уповании, якоб тем способом от тиранских надыровых рук единожды избавиться мог»[345].

Небезынтересно отметить, что, спасаясь от бесчинств надировских войск, многие жители со своими семьями отправлялись в Россию и не желали более возвращаться на родину, прося русское правительство принять их в свое подданство. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы. Один из них, обнаруженный нами в Государственном архиве Астраханской области, называется «Ведомость о количестве татар гилянского двора, желающих перейти в подданство России в 1744 г.»[346] Его содержание проливает свет на некоторые аспекты истории азербайджанского народа, в частности азербайджано-русские отношения. Как явствует из этого документа, многие азербайджанцы, приехавшие в Астрахань из различных городов Азербайджана под предлогом торговли, не желали более возвращаться в Азербайджан, где свирепствовали иранские войска, и просили предоставить им возможность постоянно жить в Астрахани. В 1744 г. старшины гилянского постоялого двора в Астрахани Мустафа Надир Мамедов и Имангулиев составили ведомость под заглавием «Коликое число имеется в реченном гилянском дворе желающих быть в подданстве Е. И. В. татар (азербайджанцев) и родственников и их детей и служителей и кто именно оные татары и которого города кто уроженец и какой природы и откуда кто в Астрахань приехал»[347]. К этой ведомости был приложен список азербайджанцев, подавших письменное заявление о желании быть подданными Русского государства:

345 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 7 (1746), л. 143 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 217.

346 ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 1025, л. 1 а.

347 Там же.

№	А именно звание именам	Лета	Кто где обретается
1	2	3	4
1.	Природа Шемахинский татар Рамазан	40	Оной для торг. в Казани с 1743 г.
	Брат его Курбан Али	38	Оной в Гиляне для торга 1743 г.
	Сын его Ахмед	2	
	Третий их брат Ибрагим	25	Оной в Гиляне для торга в 1743 г.
	Живут своим домом имеют купечества, подушные деньги платят, желают быть в подданстве Е.И.В.		
2.	Шемахинский татарин Аджи Смаил (Исмаил) Сари Ахмед (оглы)	55	Ревизован в Астрахани
	В Астрахань приехал из Шемахи для торгу, живет своим домом		
	Сын его Ага Мирза	22	
	Сын его Ибрагим	18	„
	Другой Аджи Исмаила сын Акшин имеет купечество	20	
	Подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
3.	Дербентский татарин Сафар Аджи Гуляв (Гулиев)	32	Ревизован в Астрахани
	Сын Хадим	3	
	Сын Ярахмед	1	
	Живет своим домом кормится работаю. Желает быть в подданстве Е.И.В.		
4.	Дербентский Шабан Абдулметев	52	„
	Сын Малик	26	
	Сын Мамед Гусейн	6м	
	Торгует мелочными товарами.		
	Живет своим домом. Подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
5.	Мамед Али Садыгов (Дербентский) приехал в Астрахань в 1714 г.	70	Поехал в Мекку
	Приехал для торгу. Живет своим домом, имеет купечество		
	Сын Шабан	19	Ревизован в Астрахани
	У Шабана сын Исмаил	5м	
	Подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
6.	Шемахинский Исмаил Абдул Азиз оглы	50 12м	„
	Брат Ягуб		
	Живет с матерью своим домом, имеют купечество		
	У них дома живет отчим шемахинский татарин Мавлед Верди.		
	В Астрахань приехал для торгу в 1743 г.		

1	2	3	4
7.	Шемахинский татар Мамед Ибрагим	19	Ревизован в Астрахани
	Брат Шабан	15	
	Брат Мамед	10	
	Холост. Живет своим домом. У него живет дядя. Работают, кормятся, подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
8.	Тебризский Касим Имамбеков	30	"
	В Астрахань приехал в 6 лет. У него пасынок Магомет. Живут в наемном доме татарских юртов. Торгует мелочными товарами. Подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
9.	Дербентский татар Байрам бек Маремов (Магеррамов)	25	"
	Живет своим домом. Два брата:	23	
	1) Муса, его сын	3г	
	Мустафа	19	
	2) Иса		
	У них живет зять Асан (Гасан) Джамалов	25	
	Кормятся работой, подушные деньги платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
10.	Дербентский Муса Гасанбеков	24	"
	Брат Мустафа	16	
	Живут своим домом. Купцы. В Астрахань приехали в 1743 г. Желают быть в подданстве Е.И.В.		
11.	Дагестанский татарин Сафарали Шихмамедов, в 1714 г. приехал в Астрахань для торгу. Теперь кормятся, работают.		"
	Сын Керимбек	4	
	Подушный налог платят. Желают быть в подданстве Е.И.В.		

В приведенном документе нет отметки о принятии указанных лиц в российское подданство. Однако наличие указа Сената «О правилах на которых принимать в Астрахань персидских купцов для торговых промыслов» позволяет полагать, что русское правительство положительно отвечало на эти просьбы.

Видимо, желающих постоянно поселиться в России, покинув Азербайджан, было больше, чем можно было предполагать. Об этом говорит тот факт, что правительствующий сенат в ответ на донесения астраханской губернской канцелярии от 19 ноября 1743 г. 13 апреля 1744 г. издал указ следующего содержания:

«1. Из Персидских подданных купцов, которые добровольно пожелают в Россию семьями своими, для торговых промы-

слов выезжать, принимать Астраханской Губернской Канцелярии пристойным образом, без разглашения, во временное подданство, а не вечно, и дворы их покупать токмо в Астрахани, а не при Кизляре, однако ж о том по выезде никакой публикации не чинить, и содержать секретно, дабы то в Персии ни под каким образом отнюдь уведано быть не могло и в Астраханское купечество их не записывать. 2. С тех пришедших во временное подданство Персидских купцов, вместо всех податей брать по рассмотрению тамошнего Магистрата, а с товаров надлежащую пошлину. 3. Кто из тех подданных Персидских купцов жить в России более не пожелает, таковых: не держав, отпущать, взяв с них положенное вместо податей, будь чего за бытность их в Астрахани не взято. 4. Арменов, Индейцев, Бухарского, Гилянского и Агрыжанского дворов Татаров, суд и расправу чинить по их законам и по прежнему обыкновенно, дабы тем оным иноверцам к Астраханскому житию придать охоту. 5. Во отправлении по их закону молитвы и прочего помешательства им не чинить, и силою, еко же и желающих, не спытав о причине, не крестить. 6. В службе их ни в какие не определить и других тягостей, кроме крайней нужды не накладывать. 7. Домы их, в которых они сами жительство иметь будут, от постоя уводить, а за постой брать с них деньги по рассмотрению Магистрата, без излишества, не чиня никаких нападков и теми деньгами нанимать под постой дворы, у кого сыщут. 8. Земли под дворы отводить им слободами по народам. 9. Ежели кто из них пожелает при Астрахани заводить какие фабрики и мануфактуры, о том требовать позволение от Мануфактур — Коллегии, которой, как о даче того позволения, так и о невзятье с сделанных на тех же фабриках и мануфактурах товаров, на урочные годы пошлин поступать по своей инструкции и по указам»[348].

Исходя из существующего положения, можно думать, что почти все названные азербайджанцы в 1744 г. были приняты в российское подданство.

Однако массовый уход населения из родных краев, повсеместное недовольство иранскими властями, почти не утихающее народное волнение — все это не послужило уроком для Надир шаха, который продолжал грабить мирное население, отбирая у него последний кусок хлеба, деньги, домашний скот и т. д. Между тем, бесчеловечное обращение шахских чиновников и воинов с населением, кровавые расправы с восставшими еще больше углубили хозяйственную разруху страны и тем самым основательно ослабили государство Надир шаха.

Надир шах, крайне нуждаясь в средствах, непрестанно из-

[348] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. XII, 1744—1748, изд. 1830, стр. 77—78.

давал все новые и новые указы о наложении на население сверх обычных чрезвычайных налогов. Автор «Хроники войн Джара» пишет, что в начале 1747 г. Надир шах «наложил на страны Ирана тяжелый хараdж, значительно превышавший прежний»[349].

Этот указ шаха послужил толчком к народно-освободительному движению в Азербайджане: «от него [Надир шаха] отложились из-за тяжести хараджа и Ганджа и Самух, и Эривань, и другие города, и подданные Арана»[350].

Из приведенного сообщения можно заключить, что многие области Азербайджана еще при жизни Надир шаха по-существу отошли от государя Ирана. Об этом можно судить и из приведенной выдержки из реляции М. М. Голицына, отправленной им 15 марта 1747 г.: «...ныне во многих персицкой области местах опасные обстоятельства и великия замешательства являтся начинают, как-то уже в городах Гендже, Иреване, Нахчеване и Тефлисе от положенных на оные в неумеренной сумме денежных штрафов, почти генерально все жители от мала и до велика и сами управители тех городов взбунтовали и собравшись со своими пожитками и скотом, в горы ушли»[351].

В этой обстановке Гаджи Челеби вновь выступил в роли организатора антииранского движения. Вскоре он стал популярен почти во всем Северном Азербайджане. Автор «Хроники войн Джара» пишет, что даже представители Гянджи «из страха перед Кызылбашами, обратились к Гаджи Челеби с просьбой приехать в Гянджу, и он отправился к ним в середине лета 1160 г. вместе с Али-ханом Каджаром и оба там остались»[352].

Крупное антииранское восстание, хотя и непродолжительное по времени, развернулось в Южном Азербайджане в 1747 г. Во главе этого восстания встал самозванец, также именовавший себя Сам-мирзой. Это был уже третий Сам-мирза, претендующий на сефевидский престол.

Об этом восстании в источниках и литературе имеются скудные сведения, что, конечно, не дает оснований утверждать, будто о самозванце нет даже упоминаний в исторической литературе[353]. Очень бегло затронут этот вопрос в работе иранского историка Абуль Хасан бин Мухаммед Амин Гольстане, который в общих словах пишет, что «население Табриза возвело на престол неизвестного по происхождению

349 Хроника войн Джара, стр. 43.

350 Там же, стр. 44.

351 АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, д. 3 (1747), л. 77 а; М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 225.

352 Хроника войн Джара, стр. 44.

353 А. П. Новосельцев. Ук. раб., стр. 251.

Сам-мирзу»[354]. По-существу, отсутствуют сведения о нем и в работе советского ираниста М. С. Иванова, отметившего лишь, что «после смерти Надир шаха восставшие азербайджанцы объявили в Тебризе Сам-мирзу шахом»[355]. У А. П. Новосельцева же по этому поводу читаем: «в самый год убийства Надир шаха (1747) вспыхнуло большое городское восстание в Тебризе»[356].

Как видно, упомянутые авторы антииранское выступление в Южном Азербайджане связывают непосредственно с городом Тебризом.

Однако есть основание полагать, что это движение первоначально возникло в Ардебиле еще при жизни самого шаха, а затем перекинулось в Тебриз. Обратимся к фактам. Современник событий И. Лерх, посетивший Азербайджан и Иран в 1747 г., в путевом журнале писал: «В Ардебиле объявил себя шахом Сам-мирза Валагете[357], который еще три месяца тому назад, когда мы там проезжали был кузнецом...»[358]. В другом источнике «Хроника войн Джара» по этому поводу говорится: «В это время в городе Ардебиле появился человек по имени Сам-шах»[359]. Как видно из данных этих источников, центром вооруженного выступления в 1747 г. в Южном Азербайджане первоначально был город Ардебиль, где имелось много приверженцев сефевидов.

Для решительного выступления против афшаров Сам-мирза выбрал удачный момент—21 марта, первый день новруз байрама (нового года), который шиитская часть населения обычно праздновала очень торжественно. Сам-мирза, пользуясь ненавистью местного населения к ставленникам иранского шаха, смог склонить на свою сторону большое число горожан и создать вооруженные отряды, которые, перебив почти всех представителей афшарской администрации, утвердили его правителем города.

К этому времени государство Надир шаха, созданное силой оружия, обнаруживало совершенно явные признаки разложения[360]. Надир шах, занятый государственными делами и встревоженный многочисленными антигосударственными выступлениями в самом Иране, не мог собрать достаточных сил для отправки карательной экспедиции в Азербайджан.

354 А. Гольстане. Ук. раб., стр. 8.

355 М. С. Иванов. Очерки истории Ирана. М., 1952, стр. 104.

356 А. П. Новосельцев. Ук. раб., стр. 251.

357 Валагете—по всей вероятности «валаговхар»—эпитет шаха.

358 И. Я. Лерх. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745—1747 гг. Науч. архив Ин-та АН Азерб. ССР, инв. 487, стр. 101.

359 Хроника войн Джара, стр. 49.

360 См. подробно М. Р. Арунова, К. З. Ашрафян. Ук. раб., стр. 246—254.

9 мая 1747 г. Надир шах пал жертвой дворцового заговора афшарской знати.

Со смертью Надир шаха его государство по существу распалось. Повсюду подняли голову претенденты на власть. Воцарилась страшная анархия и в начавшейся кровопролитной междоусобной борьбе многочисленные феодальные группировки выдвигали своих ставленников на иранский трон. В этой обстановке еще больше усилились антииранские выступления народных масс в подвластных странах. Пользуясь создавшимся положением для укрепления своей позиции, Сам-мирза приступил к более решительным действиям. Но для того, чтобы гарантировать себя от возможных нападений со стороны более влиятельных феодалов, Сам-мирза всячески старался собрать вокруг себя приверженцев не только среди простого населения, но и из числа крупных феодалов. В этой связи он отправился к ярому противнику афшаров астаринскому правителю и смог внушить ему, что он действительно является подлинным наследником сефевидского престола, но вынужден был, работая кузнецом, «так унизиться, чтобы скрыться от шаха, который давно уже приказал разыскать его»[361].

Благодаря умелой пропаганде Сам-мирзе удалось склонить на свою сторону не только астаринского, но и бакинского хана, оказавших ему военную поддержку. Собрав вокруг себя около 15 тысяч человек единомышленников и объявив астаринского правителя своим первым министром, а его брата сардаром, Сам-мирза поспешил к городу Решту[362]. Этот поход в богатый торговый центр, где сосредоточились купцы из разных стран, особенно англичане, по-видимому, был совершен с целью наживы[363].

Тем временем в Иране царила смута. Вскоре после убийства Надир шаха его племянник Али Кули Афшар хан короновался шахом Ирана, получив при короновании имя Адиль шах (справедливый шах). Узнав о появлении в Азербайджане серьезного конкурента на шахский престол и о его прибытии в Решт, Адиль шах отправил туда свои войска. Слух о приближении противника заставил Сам-мирзу покинуть пределы Решта. Не рискуя обосноваться в Ардебиле, куда могли прийти войска Адиль шаха, Сам-мирза поспешил в Тебриз, зная, что население города настроено против представителя афшарской династии. Прибыв в Тебриз в самый разгар восстания, Сам-мирза убедил тебризцев в том, что является наследником сефевидского престола и пришел сюда, чтобы избавить их от тирании афшаров. При активном

[361] И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 101.
[362] Там же.
[363] Там же, стр. 102.

участии горожан Сам-мирзе удалось отстранить назначенных в Тебризе еще Надир шахом правителя, чиновников и самому стать правителем Тебриза и прилегающих к нему сел. Однако он не ограничился этим.

В отличие от других самозванцев третий Сам-мирза, чтобы придать законность своим действиям и претензиям на сефевидский престол, велел чеканить в Тебризе монеты и вместе с грамотой разослать их в другие города, где, по его соображениям, имелись приверженцы сефевидского престола. На монетах были следующие надписи: «Раб царя страны—Сам сын Султана Гусейна», «Чеканил на свете монеты, подобное восходу солнца, наследник царства Сулеймана — Сам сын Султана Гусейна»[364].

Азербайджанские ханы, объявившие себя независимыми правителями, не ответили на грамоту, посланную им Сам-мирзой. Это фактически означало непризнание его верховным правителем. Таким образом, Сам-мирза, которому предстояла борьба с представителями афшарской династии, также претендовавшими на шахский престол, лишился надежды получить поддержку со стороны ханов Азербайджана. Тогда Сам-мирза, решив вновь обратиться к простому населению, стал поощрять любые выступления народных масс как против местных феодалов, так и против бывших надировских наместников. В частности, Сам-мирза совершил поход в сторону Ереванской крепости, чтобы оказать поддержку городскому населению, восставшему против прежнего военачальника и двоюродного брата Надир шаха—Амир Аслан хана, который решил сделаться самостоятельным правителем. Однако Амир Аслан хан, узнав о приближении отрядов Сам-мирзы, усмирил городских жителей и, выйдя навстречу неприятелю, нанес ему поражение. Нуждаясь в поддержке союзников, Сам-мирза решил встретиться с главами Карабахского, Гянджинского и Шемахинского ханств, враждовавшими между собой, и предложил им союз под своим руководством. Однако ханы не пошли на такой союз. К этому времени стала ясна необоснованность претензий Сам-мирзы на сефевидский престол. Кроме того, ханам было известно о прежних действиях Сам-мирзы. В этих условиях феодалы забыли распри и объединили свои действия[365] против Сам-мирзы, которого разбили и прогнали за Аракс.

Враждебное отношение азербайджанских ханов к Сам-мирзе объяснялось, видимо, и тем, что менее всего они были заинтересованы в возрождении власти сефевидских шахов, длительная и ожесточенная борьба против которых не была

[364] А. М. Раджабли. Монетное дело в Сефевидском государстве XVI—нач. XVIII вв. Канд. дисс., Баку, 1962, стр. 178.
[365] А. П. Новосельцев. Ук. раб., стр. 251.

забыта. Достигнутая ханствами независимость от Ирана была завоевана слишком дорогой ценой. Неудивительно поэтому, что лозунг поддержки мнимого или действительного представителя сефевидской династии не был уже хоть сколько-нибудь популярен среди представителей феодальной знати Азербайджана.

Вернувшемуся в Тебриз Сам-мирзе удалось удержаться здесь недолго. В Тебриз вошли войска Амир Аслан хана, которые разбили отряды Сам мирзы, а последнего взяли в плен и казнили[366].

Восстание в Южном Азербайджане продолжалось недолго, всего четыре месяца — с 21 марта по 18 июня 1747 г.[367] Однако оно сыграло весьма важную роль в ликвидации иранского господства в Южном Азербайджане на исходе первой половины XVIII в. Поэтому несмотря на его поражение и независимо от характера восстания, его следует отнести к числу ярких антииранских выступлений, развернувшихся почти во всем Азербайджане в первой половине XVIII в.

В «Хронике войн Джара» говорится, что после поражения третьего Сам-мирзы «...Азербайджан остался без правителя до 1161 года (1748)»[368]. А. Бакиханов же по этому поводу пишет, что «вслед за смертью шах Надира, началось общее смятение, без наличия вследствии коих Ширван отошел навсегда от Персии. Тогда образовались в нем отдельные ханства, и владетели их, управляя наследственно и независимо, сделались самостоятельными государствами»[369].

Вопрос появления на территории Азербайджана независимых государственных образований—ханств обстоятельно освещается в трудах И. П. Петрушевского[370], В. Н. Левиатова[371] и Г. Б. Абдуллаева[372]. Поэтому нет необходимости останавливаться на этом, отметим лишь, что на исходе 40-х годов XVIII в. на территории Азербайджана возник целый ряд самостоятельных и полузависимых ханств. В промежутке между Араксом и Курой образовалось Карабахское ханство; на территории, расположенной от Зангезурского хребта до долины реки Аракса—Нахичеваское ханство; от горной цепи Муровдага до реки Куры—Гянджинское ханство, на ширванской низменности—Шемахинское ханство; на северо-западе Азербайджана продолжало существовать Шекинское ханство, на Апшеронском полуострове возникло Бакинское ханство, на северо-востоке Азербайджана, на западном берегу Каспийского моря—Кубинское и Дербентское ханства, к югу от Бакинского ханства—Сальянское, Джавадское, Талышское ханства, в Южном Азербайджане—Тебризское, Урмийское, Ардебильское, Хойское, Карадагское, Серабское, Марагинское и Макинское ханства.

Как мелкие государственные объединения возникли Куткашенское, Кабалинское, Арешское, Казахское, Шамшадильское и Елисуйское султанства. К северо-западу от последнего были расположены Джаро-Белоканские вольные общества. В Нагорном Карабахе в составе Карабахского ханства продолжали существовать Варандинское, Хаченское, Гюлистанское, Дизакское, Джерабертское меликства[373].

Как справедливо отмечает Гаси Абдуллаев, «процесс возникновения азербайджанских ханств был неизбежным этапом в развитии феодальных отношений, хронологическим рубежом, отделяющим его от прежнего периода»[374].

Следует отметить, что указанные ханства и другие феодальные владения в Азербайджане образовались и крепли не в процессе мирного развития, а в результате освободительной борьбы против иранского владычества, против различных феодальных группировок, борющихся за шахский трон в Иране. Эти группировки в борьбе за престол всячески старались привлечь на свою сторону азербайджанскую феодальную знать и тем самым усилить свое доминирующее положение.

Русское государство, заинтересованное в ослаблении или полной ликвидации иранского господства в Закавказье, тщательно следило за ходом событий в Иране и собирало сведения от своих купцов, торгующих в городах Азербайджана. Благодаря этому в архивах скопились интересные материалы, проливающие свет на некоторые вопросы истории Азербайджана на исходе первой половины XVIII в.

Как выясняется из архивных документов, после казни Сам-мирзы третьего Амир Аслан хан решил создать независимое от Ирана Азербайджанское государство с центром в Тебризе. Об этом свидетельствуют монеты, отчеканенные на тебризском монетном дворе. Однако, чтобы не столкнуться

366 И. Я. Лерх. Ук. раб., стр. 102.

367 Г. Л. Рабино ди Боргомале. Coins, medals and seals of the hahs of Iran, 1500—1941, London, 1945, p. 46.

368 Хроника войн Джара, стр. 45.

369 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 124.

370 И. П. Петрушевский. Азербайджан. См. Очерки истории СССР XVIII в. Вторая половина. М., 1956, стр. 760; его же. Очерки..., стр. 86.

371 В. Н. Левиатов. Ук. раб., гл. V.

372 Г. Б. Абдуллаев. Из истории северо-восточного Азербайджана, стр. 12—14; его же. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией, стр. 86—112.

373 См. подробно. И. П. Петрушевский. Ук. раб., стр. 760; Гаси Абдуллаев. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией, стр. 86; его же. Из истории северо-восточного Азербайджана, стр. 12—14; Ф. М. Алиев. Города северного Азербайджана, стр. 14.

374 Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 86.

с другими претендентами на шахский престол, Амир Аслан хан не торопился объявить себя шахом. Современник сообщает, что «знака де монархов иранских, то есть пера на правой стороне он не имеет, то токмо де надел перо на левую сторону»[375]. Исходя из вышеизложенного соображения, Амир Аслан хан даже чеканил монеты не от своего имени, а от имени шиитского имама Резы[376].

Будучи хорошим политиком, Амир Аслан хан, хотя и не называл себя шахом, но благодаря энергичным действиям за короткое время успел подчинить своей власти огромную территорию: «Тавриз со всем его уездом», Ардебиль, Карадаг, Халхал, Гянджу и ряд провинций на юге Азербайджана[377]. Он строго запретил всем правителям южноазербайджанских областей признавать Али Кули хана афшара (Адиль шаха) шахом Ирана и велел именовать его «диване Али Кули», т. е. «безумный Али Кули»[378].

Как явствует из показания очевидца, не все южноазербайджанские провинции повиновались добровольно Амир Аслану хану[379]. Что же касается северных провинций современного Азербайджана, особенно Ширвана с городами Баку, Шемаха, Шеки, а также Дербента, то они категорически отказались признать его власть. Чтобы упрочить свою власть, Амир Аслан хан решил добиться признания и в северной части Азербайджана. С этой целью он задумал поход на север. Но прежде чем покинуть пределы Тебриза, «...приказывал он, Эмир Аслан хан, всем тевризским старшинам, чтобы они до возвращения его из похода были во всякой от нападения войска Али Кули хановских обережности и осторожности»[380].

Между тем, Адиль шах разными способами старался привлечь на свою сторону правителя Южного Азербайджана. Он даже отправил к Амир Аслан хану посланника с подарками, предлагая ему союз. Однако Амир Аслан хан не принял подарков и приказал убить посланника[381]. Мало того, Амир Аслан хан велел ардебильскому хану Реза Кули хану пойти с войсками на Решт, разорить и разграбить город. При этом больше всех пострадали уже разоренные отрядами Сам-мирзы английские купцы, особенно Миронс, Бордовик и др.[382] На обратном пути Реза Кули хан у Кескера был настигнут войсками Адиль шаха и разбит наголову.

[375] ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 100 (1748), л. 246 а; ср. там же, стр. 101.
[376] Там же.
[377] Там же, д. 101 (1748), л. 16 а.
[378] Там же, л. 246 б.
[379] Там же.
[380] Там же.
[381] Там же, д. 101 (1748), л. 156.
[382] Там же.

Реза Кули хан попал в плен и был увезен в Решт. После этого поражения Амир Аслан хан начал поиски сильного союзника в борьбе с Адиль шахом, он попытался установить дипломатические отношения с потенциальным врагом Ирана Османской Турцией[383]. Хотя попытки Амир Аслан хана не увенчались успехом, сам факт обращает на себя внимание тем, что Амир Аслан хан уже считал себя правителем почти всего Азербайджана, за исключением Ширвана и Шеки, и вел самостоятельную внешнюю политику. Не увенчался успехом также и его поход в сторону Ширвана и Шеки. Феодалы этих провинций, собрав свои ополчения, преградили путь Амир Аслану хану и, не дав войскам переправиться через р. Куру, заставили его вернуться обратно. Об этом событии В. Братищев 21 февраля 1748 г. доносил в Коллегию иностранных дел следующее: «как ныне здесь слышно Эмир Аслан хан неоднократно покушался через Куру перейти для покорения Ширванцев [ширванцев], дербенцев, бакинских жителей, но токмо шекинские, кабалинские и шемахинские жители собравшиеся его туда не пустили»[384].

Между тем, Адиль шах, овладевший казной Надир шаха, видимо, перестал интересоваться политикой. «Сей шах,— далее писал В. Братищев,—немало пьет и затем свою должность слабо правит и при лагере никакой строгости и порядку нету так то бывало при Надыр шахе, и войско его весьма в худом состоянии находится и хлебные припасы и в конскому корму великую нужду военные люди претерпевают. К тому и ропщут, что он по такой дороговизне мало им жалование дает отчего не безопасности сих чтоб сего шаха, не убили от чего людей и скота немало помирает, а шах за слабостью своею мало того наблюдает и попечению об них не имеет и затем военные люди его не любят и без всякого рассуждения и заслуг немало разным людям раздал денег, а неиначе грузинцам и армянам которые войска его находятся»[385].

Правители Ширвана и Шеки решили гарантировать себя от вероломных нападений войск Адиль шаха. Бакинский, дербентский, шемахинский, шабранский правители отправили к Адиль шаху представителей, чтобы тот объявил их «первыми вольностями..., в противном же случае, принуждены будут так себя содержать как при шахе Надире»[386].

Эта выдержка еще раз подтверждает, что Северо-Восточный Азербайджан, несмотря на беспрерывные походы, не был покорен Надир шахом. Адиль шах. будучи не в состоянии наказать представителей Северо-Восточного Азербай-

[383] ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 101 (1748), л. 156.
[384] Там же, л. 20 а.
[385] Там же, л. 19 а.
[386] Там же.

джана за дерзкий ультиматум, согласился на предложенное условие. Мало того шах «...всякому в награждение пожаловал по тридцать рублей, а ко владельцам их также шемахинскому, кабалинскому, шекинскому, бакинскому, шебранскому, дербентскому и кубинскому султану и старшинам послал богатые дары»,—писал В. Братищев. Представители Северо-Восточного Азербайджана из Решта морем на киржимах[387] отправились в Баку и оттуда караванным путем вернулись в свои места. Амир Аслан хан, убедившись в бесполезности применения оружия против правителей Ширвана и Шеки, решил вести с ними переговоры о добровольном их подчинении. «Он через Гянджу с войсками в десять тысяч человек пеших и конных перешел Куру реку, присылал вышеописанных мест старшинам от себя человека с объявлением, что все тамошные жители от него никакого опасения не имели и жили свободно при своих местах, но токмо шах Адыля ни в чем бы ни слушали и за шаха его не признавали, а были бы у него в повинности и послушании, за что обещал им немалое награждение»[388]. Однако уговоры Амир Аслана были тщетными. Тогда он решил не распылять свои войска и первоначально овладеть Новой Шемахой.

Весть о приближении неприятельских войск привела в панику шемахинских правителей, которые будучи не в состоянии отразить атаку противника без помощи союзных феодалов, поспешили покинуть пределы крепости, оставив население на произвол судьбы. С ханской семьей из города удалились также многие семейства городской знати. В городе остались «самые бедные»[389], которым нечего было терять.

Заняв без сопротивления Шемаху, Амир Аслан хан назначил правителем города Ахмед хана, оставив при нем около трехсот воинов и приказал ему «увещевать тамошный народ, чтобы в послушании у него были»[390], быстро возвратился в Гянджу. В это время жители окрестных деревень, соединившись в отряды с покинувшими город шемахинцами, стали преследовать противника, причиняя ему численный урон, а также отбирая вьючных животных. Затем они отправились в Шемаху и истребили весь гарнизон во главе с Ахмед ханом.

Действия Амир Аслан хана в Северо-Восточном Азербайджане начали беспокоить и Адиль шаха. Для этого он имел достаточные основания. В Северо-Восточном Азербайджане, «...то есть в Шемахе, Баку, в Дербенте, в Шабране, в Шеки и Кабале... тамошные жители... по своему желанию» себе «командиров выбрали»[391]. Это означало полное освобождение из-под зависимости от Ирана. События, происходившие в Северо-Восточном Азербайджане, настолько беспокоили Адиль шаха, что он вынужден был вновь отправить подарки (халаты) новым правителям, желая привлечь их на свою сторону. Однако ханы Азербайджана отказались принять подарки от Адиль шаха, положение которого в Иране с каждым днем становилось более шатким[392].

В конце 1748 г. Адиль шах пал жертвой междоусобной войны. Он был свергнут и ослеплен родным братом Ибрагим-мирзой, который объявил себя шахом Ирана.

Прежде всего новоявленный шах решил ликвидировать Амир Аслан хана, считая его своим основным конкурентом. При первом же столкновении Амир Аслан хан потерпел поражение и оттянул свои войска в сторону Карадага с тем, чтобы получить поддержку. Однако правитель Карадага Казым хан, опасаясь возмездия, предательски выдал Амир Аслана хана Ибрагим хану.

Ибрагим шах, как и его предшественники, искал поддержки ханов Азербайджана. С этой целью он также послал подарки ханам и, известив их о своей коронации, в свою очередь, просил у них военной помощи. Азербайджанские ханы отказались признать над собой власть Ибрагим шаха.

Посланный русскими властями в ханства Азербайджана для ознакомления с положением на местах ротмистр А. Черкасский в донесении капитану Копытовскому в Астрахань сообщал: «...владельцы то кубинской, бакинской и хадоцкой [кайтагский] единственно говорят, ежели де по близости их персицкие войска будут, то же они Ибрагим шаха в послушании не будут...» «Ибрагим шах с теми посланными просил у них владельцев войска сколько набратся может...», «кубинский, бакинский ханы и другие владельцы... послать не хотят»[393].

Между тем, положение Ибрагим хана было непрочным, многие его военачальники перешли на сторону враждебных ему феодалов. Так, Шамсаддин Шамет[394], «который был у Ибрагим шаха с войском, ныне де оной отложился от Ибрагим шаха и совокупился же с кубинцами и бакинцами Мирза Мамед ханом, Кабалинским Аджи Челебием и Сафералием Селиянским»,—говорится в донесении М. Макарова от 15 мая 1749 г. астраханскому губернатору[395].

Из ханов Северного Азербайджана только шемахинский Гаджи Мухаммед Али хан признал Ибрагим шаха правите-

---

[387] Небольшие местные судна.
[388] ГААО, ф. 394, оп 4, д. 101 (1748), л. 32 а.
[389] Там же.
[390] Там же.

[391] ГААО, ф. 394, оп. 4, д. 101 (1748), л. 26 б.
[392] Там же.
[393] Там же, л. 205 б.
[394] В архивном документе «Шаседен Шамет».
[395] Там же, л. 296 а.

лем. Это вызвало негодование других азербайджанских ханов, в частности Гусейна Али хана кубинского, Гаджи Челеби шекинского, Сафарали хана сальянского, Мирзы Мухаммед хана бакинского, которые решили наказать шемахинского хана. К ним примкнул и Шамсаддин Шамет. Названные ханы со своими людьми отправились в сторону Новой Шемахи и осадили ее. Однако между ними возникли разногласия, чем умело воспользовался Ибрагим шах, отправив на выручку шемахинского Мухаммед Али хана свои войска. На помощь шемахинскому хану также пришли войска дербентского хана, в то время враждовавшего с кубинским ханом. Шемахинский хан, получивший таким образом сильное подкрепление, нанес удар авангарду союзных войск, возглавляемых Шамсаддином Шаметом. Ошеломленный неожиданной атакой последний обратился в бегство, его примеру последовали и другие ханы [396].

Азербайджанские ханы не ожидали помощи со стороны иранских войск с юга и дербентских войск с севера. Они предполагали, что смогут взять Новую Шемаху с малочисленным войском. И потому каждый хан имел за собой две—три сотни воинов. Естественно, что малочисленные союзные войска не могли вести бой на трех фронтах и вынуждены были отступить.

Союз азербайджанских феодалов против иранского господства заслуживает особого внимания, хотя он не был долговечным из-за беспрерывных междоусобных войн. Тем не менее, данный союз, заключенный еще в 1748 г., свидетельствует о полной ликвидации иранского господства в Азербайджане. Любопытно отметить, что некоторые ханы Северного Азербайджана, полные решимости отстоять завоеванные позиции, чувствовали себя настолько могущественными, что намеревались даже совершить военный поход и «в Персии некоторые города разорить для своей пользы и славы». Но прежде всего они предпочитали свести счеты с шемахинским ханом. Собрав на этот раз сравнительно большую силу, они одновременно стянули свои войска в сторону Новой Шемахи. В этом походе под началом Панах хана карабахского было три тысячи пятьсот человек, Гусейна Али хана кубинского — шестьсот человек, бакинского Мирзы Мухаммед хана—четыреста человек, сальянского Сафар Али хана—пятьсот человек и кабалинского султана Аги Мовлана—тысяча человек. К ним с пятитысячным войском присоединился Ахмед хан шахсеванский [397], который до этого находился на службе у Ибрагим шаха. Направляясь из Тебриза в Шемаху, Ахмед хан по пути разорил много деревень и сел в Муганской степи.

396 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 90, лл. 277, 277 б.
397 Там же, л. 302 а.

Осада крепости Агсу продолжалась недолго — всего восемь дней. Встретив упорное сопротивление, союзные войска решили изменить русло реки, снабжавшей осажденных водой. В результате, чтобы не погибнуть от жажды, шемахинский хан Гаджи Мухаммед Али был вынужден сдаться. Победители потребовали от шемахинцев контрибуции. Последние «отдали три тысячу тем ханам явно денег, а три тысячи тайно дали Аджи Челеби»[398]. Вероятно, под «деньгами» подразумевались туманы. Из приведенной выдержки также видно, что Гаджи Челеби к этому времени своим прочным положением выделялся среди союзных ханов, поэтому шемахинская знать предпочитала опереться именно на него.

Свергнув с ханского престола Гаджи Мухаммеда Али хана, победители назначили правителем города некого юзбаши [399]. Они получили присягу от шемахинцев, чтобы «персидскому шаху Ибрагиму не служить и в подданстве у него не быть, а быть им шемахинцам так, и вышеуказанные ханы в непослушание у него находится будут и во всем с ними за едино»[400].

После этого ханы разошлись по домам. Ахмед хан шахсеванский, отходя от Новой Шемахи, «остановился у Старой Шемахи около Шабрану, только в рассуждении, что Новую Шемаху до основания разорить и всех жителей перевести в Старую Шемаху»[401]. Однако это ему не удалось. Вооруженные отряды местных феодалов—братьев Мухаммеда Саид хана и Агаси хана ворвались в Старую Шемаху и «подчинили своей власти кочующие племена Ширвана»[402].

Следует отметить, что азербайджанская феодальная знать, выступавшая против иранского господства, в своей борьбе опиралась на широкие слои народных масс, которые почти на протяжении всей первой половины XVIII в. вели отчаянную борьбу против иранского господства и поддерживали любое выступление, направленное против иноземного ига. Борьба азербайджанского народа против иранского владычества являлась одним из главных факторов, приведших к ликвидации иноземного господства на территории Азербайджана. Гаси Абдуллаев, придавая большое значение последствиям народно-освободительной борьбы и ее роли в образовании на территории Азербайджана самостоятельных и полузависимых феодальных владений, отмечает, что «мест-

398 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 90, стр. 303 а.
399 В архивном документе имя юзбаши не указывается.
400 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 90, л. 303 б.
401 Там же.
402 А. А. Бакиханов. Ук. раб., стр. 126; Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 100.

ные феодалы, воспользовавшись плодами народно-освободительных движений, захватили власть, провозгласив себя в различных частях страны независимыми правителями»[403].

К этому времени в Иране обострилась борьба феодальных клик за шахский престол. Ибрагим шах был убит внуком Надир шаха Шахрухом, провозгласившим себя шахом. Шахруху также не суждено было долго оставаться у власти. Его свергнул и ослепил представитель сефевидской династии Мухаммед, провозгласивший себя шахом под именем Сулеймана II. Последний был свергнут Юсиф Али ханом, который восстановил Шахруха у власти в пределах Хорасана, а сам стал править от его имени. Дворцовые перевороты происходили так часто, что лица, вступавшие на иранский престол, были заняты лишь тем, чтобы удержаться у власти.

Азербайджан после продолжительного иранского господства, наконец, приобрел былую независимость. Это обстоятельство объективно создало относительные условия для развития производительных сил страны.

Анализ имеющихся архивных документов показывает, что многие ханы Северного Азербайджана, ставшие самостоятельными правителями, старались расширить свои политические и экономические связи с Русским государством. Об этом говорится в ряде официальных документов, относящихся к концу первой половины XVIII в. Правда, эти документы в основном касаются Кубинского, Шемахинского, Бакинского и Шекинского ханств, однако дополнительные данные показывают нараставшее тяготение к Русскому государству ханств Северо-Восточного Азербайджана.

Посетивший в начале 1749 г. Бакинское, Кубинское и Дербентское ханства русский ротмистр А. Черкасский в донесении от 8 апреля к капитану российских войск в Астрахани Копытовскому писал об оказанном ему в Азербайджане гостеприимстве как представителю Русского государства. Он писал: «...по прибытии к бакинскому хану Мирзе Магомету посланное со мною от генерал-лейтенанта письмо подал, который прочтя мне говорил, ежели бы далее надо ехать, то он бакинский хан, с охотою провожал и ежели кто из российских без лошади был, тою он на своих, куда надлежит отправил, и весь мне был рад, и потом хан, взяв меня с собой и пришел на берег моря, где стоит на судне ассесор Черкасов, от которого тотчас прислана была шлюпка, на которой я поехал на судно к упомянутому Черкасову и имеющиеся у меня письма все ему отдал.

И был я в Баку десять дней и тот бакинский хан дал казакам квартиры и приставил для довольствия казаков и лошадей трех человек и как пищею лошадей фуражем довольствовал изрядно, а мне приказал стать у себя, у которого я во всяком довольствии находился по отъезд мой из Баку»[404]. Дальше текст письма свидетельствует о добрососедском отношении бакинского и кубинского ханов к Русскому государству и о стремлении их завязать с последним дружеские связи: «кубинский хан також и бакинский приказали донесть генерал-лейтенанту еже ли кому надобно из России для каково дела в Персию ехать то они не токмо до какого вреда допустить, с радостью сами готовы провожать. Ныне на дороге никакой опасности русским людям нет»[405].

Любезное гостеприимство было оказано и другому представителю Русского государства Резепову, который после возвращения из Азербайджана писал: «...кубинский хан... принял [меня] ласково, у которого я жил пять дней во всяком довольствии»[406].

Обращает на себя внимание архивная копия письма кубинского Гусейн Али хана кизлярскому коменданту генерал-лейтенанту Девицу от 17 мая 1749 г., которое также свидетельствует о дружеском отношении к российским подданным в Азербайджане:

«Сим моим дружеским письмом вашему высокостепенству объявляю, что пред недавним временем прислано вашего высокостепенства Сулейман мирза с товарищами для купечества ко мне прибыл. Все благополучно и то исправлению своего дела оным, дав безопасный конвой, отправил к Аджи Чилибею и от туда оные отправлены в Ширван и по возвращению их ко мне безопасно отправлены будут в Кизляр.

А он от меня ныне направлен к самому моему близкому другу Аджи Чилибею тайными дорогами и от туда уповательно что благополучно ко мне прибудут, а обо мне по прибытии реченного Сулеймана Резепова к вашему высокостепенству об моем состоянии на словах пространно вам доносить может, о чем ему меня приказано, а в бытность оно у меня со всеми ево канаками во всяком довольствии находился»[407].

Имеются достоверные сведения о доброжелательном отношении Шекинского ханства к Русскому государству. Представитель России, посетивший Шеки в 1749 г., в донесении от 18 мая писал: «Аджа Челеби... мне приказал, хотя он, Аджи Челеби российских обывателей не знает, а ежели,

403 Гаси Абдуллаев. Ук. раб., стр. 87.

404 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, л. 204 а.
405 ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, л. 205 б.
406 Там же, д. 90, л. 302 а.
407 Там же, д. 90 (1749), л. 306 а.

что он генерал-лейтенанта какие могут де услуги приказаны будут тоб к нему... писать он исполнить должен»[408].

Получив независимость, азербайджанские ханы не стремились к объединению своих сил в одно государство, хотя они хорошо осознали, что Иран или Турция в любое время могут вновь направить свои войска в их богатый край. Однако господство замкнутого натурального хозяйства, феодальный сепаратизм, центробежное стремление правящих кругов и отсутствие экономической базы сильно препятствовали созданию в Азербайджане единого государства.

Уже в этот период некоторые ханы, понимая невозможность самостоятельного существования образующихся на территории Азербайджана отдельных ханств под угрозой поглощения последних шахским Ираном и султанской Турцей, обратили свои взоры на север, где искали поддержку все более растущего, сильного Российского государства. На исходе 1749 г. бакинский Мирза Мухаммед хан с целью официального признания его владения в подданстве России отправил в Астрахань своего посла Гаджи Фехима[409]. Последний просил астраханского губернатора «...его императорское величество соизволило бы признать ево хана своим верноподданным и над Баку оберегателем»[410].

Хотя представитель бакинского хана в Астрахани был принят с почестями, воздаваемым посланникам, однако нам пока не удалось разыскать каких-либо данных о полученном им ответе астраханского губернатора. Тем не менее факт доброжелательного отношения некоторых азербайджанских ханов к Русскому государству сам по себе заслуживает большого внимания. Это один из примеров того, что азербайджанские правители уже на первых порах образования ханств не могли надеяться на самостоятельное существование и обращали свои взоры к Русскому государству, с которым по Каспийскому морю имели непосредственную связь.

На рубеже первой половины XVIII в. между ханствами Азербайджана и Россией развивались главным образом экономические, точнее торговые отношения, имевшие длительные традиции[411]. Эти отношения способствовали экономическому развитию Азербайджана и в то же время являлись основой для сближения русского и азербайджанского народов, для развития в дальнейшем их политических и культурных связей и укрепления в Азербайджане, как и в других странах Закавказья, русской ориентации, сыгравшей большую роль в XIX в. в период включения Северного Азербайджана в состав России.

---

[408] ГААО, ф. 394, оп. 1, доп. д. 32, л. 304 б.

[409] В документе «Хаджи Феним». См. ГААО, оп. 1, доп. д. 90, л. 461 а.

[410] Там же.

[411] Подробно см. Ф. М. Алиев. Торговля Азербайджана в первой половине XVIII в., стр. 92—97.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Фуад Әлијев

XVIII ӘСРИН БИРИНЧИ ЈАРЫСЫНДА
АЗӘРБАЈЧАНДА ТҮРК ИШҒАЛЫНА ГАРШЫ
МҮБАРИЗӘ ВӘ АНТИИРАН ЧЫХЫШЛАРЫ

(Рус дилиндә)

Редактор издательства *В. Левецкая*
Художественный редактор *Ф. Сафаров*
Технический редактор *Т. Агаев*
Корректор *Ж. Волкова*

Сдано в набор 21/I 1975 г. Подписано к печати 2/IV 1975 г. Формат бумаги 60×90$^1/_{16}$. Бум. лист. 7,25. Печ. лист. 14,50. Уч.-изд. лист. 15,43. ФГ 00802. Заказ 13. Тираж 1200. Цена 1 руб. 40 коп.

Типография „Красный Восток" Государственного комитета Совета Министров Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Баку, Ази Асланова, 80.